

# СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал  
Периодическое издание  
Выходит один раз в квартал  
2011, № 1(2)

*Учредитель*  
**Институт гуманитарных исследований  
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН**

**Редколлегия:**  
*Алексеев Н.А.* (гл. редактор), *Андреева Т.Е.*, *Антонов Е.П.*,  
*Боякова С.И.* (зам. гл. редактора), *Бурцева Ж.В.*, *Варламов А.Н.*,  
*Винокурова Д.М.*, *Данилова Н.И.*, *Ефремов Н.Н.*, *Жукова Л.Н.*,  
*Игнатьева В.Б.*, *Попова Н.И.* (зам. гл. редактора), *Романова Е.Н.*,  
*Романова Л.Н.* (отв. секретарь), *Слепцов П.А.*

Редакторы Е.Ф.Молотков, Н.И.Дегтярева  
Английский текст Н.И.Винокурова  
Верстка А.А.Строева  
Обложка А.И.Харитонов

---

## СОДЕРЖАНИЕ

*Попова Н.И., Романова Е.Н.* Николай Алексеевич Алексеев: путь Ученого ..... 5

### Общественные науки

*Ширина Д.А.* Отечественная Академия наук: научное изучение Арктики и Севера. 1914–1930 гг. (Историографический очерк)..... 14  
*Жукова Л.Н.* Этнография и фольклор одулов (лесных юкагиров) о древних формах погребений..... 30  
*Павлова А.А.* Законодательное регулирование отдельных видов иных мер уголовно-правового характера в дореволюционной России..... 34  
*Павлов А.А.* Навигационные школы Северо-Востока Сибири. XVIII–XIX вв..... 40  
*Антонов Е.П.* Из истории научных и культурных контактов польских ссыльных и якутской интеллигенции..... 45  
*Сосин П.В.* Социальная инфраструктура стационарных и подвижных (мобильных) поселений коренных этносов Севера..... 51  
*Баишева С.М.* Молодёжь Южной Якутии в контексте региональной модернизации ..... 58  
*Корякина З.И.* Предупреждение преступности несовершеннолетних и перспективы развития ювенальной юстиции в Республике Саха (Якутия)..... 65

### Филологические науки

*Бурькин А.А.* Эвенская топонимика в системе комплексных лингвистических, социолингвистических и этнографических исследований..... 70  
*Иванов С.А.* Аффиксы множественного числа -т-тар(...), -ат-тар(...)..... 78  
*Оконешников Е.И.* Синонимическое определение значений слов в «Словаре якутского языка» Э.К.Пекарского (к 80-летию издания)..... 82  
*Роббек Л.В.* К вопросу систематики эпитетов в олонхо..... 87  
*Курилова С.Н.* Выражение эмоциональных концептов «удивление» и «радость» производными междометиями юкагирского языка..... 90  
*Кириллина М.А.* Особенности развития жанра комедии в якутской драматургии (Типология и жанровая динамика)..... 93  
*Самсонова Т.П.* Особенности воплощения военной темы в современной якутской прозе (в рассказах К.Эверстова)..... 98

### Полевые исследования

*Баишева С.М.* Эвенкийская семья в условиях промышленного освоения: результаты этносоциологического исследования в Южной Якутии..... 102  
*Сосин П.В., Константинова Т.Н.* Аборигенное сообщество Ямала: итоги экспедиционного исследования..... 105

### Наши юбиляры

Анна Николаевна Мыреева (К 80-летию со дня рождения). (Т.В.Аргунова, З.Н.Васильева) ..... 111

---

Гавриил Васильевич Попов (19.09.1930–04.03.2007) (К 80-летию со дня рождения). (Ф.Н.Дьячковский, В.Г.Попов).....	113
Егор Иннокентьевич Оконешников (К 80-летию со дня рождения). (Ф.Н.Дьячковский)	116
Роберт Ильич Донской (К 75-летию со дня рождения). (С.М.Баишева).....	117
Галина Ивановна Варламова (К 60-летию со дня рождения). (Т.Е.Андреева) .....	119

### **Научная жизнь**

Т.В.Аргунова. Юбилей гуманитарной науки в Якутии .....	122
И.С.Астахова, Ж.В.Бурцева, Е.Г.Маклашова. Республиканская научная конференция с международным участием «Этнос: традиции и современность» (для молодых ученых, аспирантов и соискателей) .....	125
Н.И.Данилова. Круглый стол, посвященный 100-летию со дня рождения Петра Петровича Барашкова .....	128

---

## CONTENTS

<i>Popova N.I., Romanova E.N.</i> Nikolai Alexeevich Alexeev: the Scientist's road.....	5
---	---

### Social sciences

<i>Shirina D.A.</i> The domestic Academy of sciences: scientific exploration of the Arctic and North. 1914–1930. (Historiographical sketch).....	14
<i>Zhukova L.N.</i> The Odul (the Forest Yukagir from Upper Kolyma) folklore and ethnography about ancient forms of burials.....	30
<i>Pavlova A.A.</i> Legislative regulation of separate types of other measures of criminal legal character in pre-revolutionary Russia.....	34
<i>Pavlov A.A.</i> Navigation schools in north-eastern Siberia in the 18th-19th centuries.....	40
<i>Antonov E.P.</i> From the experience of scientific and cultural contacts of Polish exiles and Yakut intelligentsia.....	45
<i>Sosin P.V.</i> Social infrastructure of stationary and mobile settlements of the indigenous ethnic groups of the North.....	51
<i>Baisheva S.M.</i> The youth of Yakutia in the context of regional modernization.....	58
<i>Koriakina Z.I.</i> Juvenile crime prevention and prospects for the development of juvenile justice in the Sakha Republic (Yakutia).....	65

### Philological sciences

<i>Burykin A.A.</i> The Even toponymics in the system of complex linguistic, sociolinguistic and ethnographic research.....	70
<i>Ivanov S.A.</i> The affixes of the plural number –t-tar(...), -at-tar(...).....	78
<i>Okoneshnikov E.I.</i> Synonymical definition of word meanings in the “Dictionary of the Yakut language” by E.K. Pekarsky (to the 80 <sup>th</sup> anniversary since its publication).....	82
<i>Robbek L.V.</i> On the question of the systematics of epithets in olonkho.....	87
<i>Kurilova S.N.</i> The expression of the emotional concepts of “surprise” and “joy” by derived interjections of the Yukaghir language.....	90
<i>Kirillina M.A.</i> The peculiarities of genre comedy of Yakut drama (typology, genre dynamic).....	93
<i>Samsonova T.P.</i> Peculiarities of military theme implementation in modern Yakut prose (in K.Everstov's stories).....	98

### Fieldwork investigations

<i>Baisheva S.M.</i> The Evenki family under the conditions of industrial development: The results of an ethno-sociological research in Southern Yakutia.....	102
<i>Sosin P.V., Konstantinova T.N.</i> The aboriginal community of Yamal: Research results of the expedition.....	105

### Our jubilee celebrators

Anna Nikolaevna Myreeva (To the 80 <sup>th</sup> anniversary). ( <i>T.V.Argunova, Z.N.Vasilieva</i> ).....	112
Gavriil Vasilievich Popov (19.09.1930–04.03.2007) (To the 80 <sup>th</sup> anniversary). ( <i>F.N.Dyachkovsky, V.G.Popov</i> ).....	113
Egor Innokentievich Okoneshnikov (To the 80 <sup>th</sup> anniversary). ( <i>F.N.Dyachkovsky</i> ).....	116
Robert Ilyich Donskoy (To the 75 <sup>th</sup> anniversary). ( <i>S.M.Baisheva</i> ).....	117
Galina Ivanovna Varlamova (To the 60 <sup>th</sup> anniversary). ( <i>T.E.Andreeva</i> ).....	119

### Scientific life

<i>T.V. Argunova.</i> The jubilee of humanities in Yakutia.....	122
<i>I.S. Astakhova, Zh.V. Burtseva, E.G. Maklashova.</i> The republican scientific conference with international participation “Ethnos: traditions and modernity” (for young scientists, graduate students and applicants).....	125
<i>N.I. Danilova.</i> Roundtable devoted to the 100 <sup>th</sup> anniversary of Petr Petrovich Barashkov.....	128

---

---

---

*Н.И.Попова, Е.Н.Романова*

## **Николай Алексеевич Алексеев: путь Ученого**

*...Пусть каждый совершает свой путь  
подобно звездам спокойно,  
не торопясь, но непрерывно стремясь  
к намеченной цели.  
Йоганн Гёте*



2 ноября 2010 г. не стало Николая Алексеевича Алексеева. Его жизненный путь оборвался в городе Новосибирске, куда он полетел на семинар решать судьбу своего детища — серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Остановилось сердце...

Для этнографа «путь» — это особая метафора, в которой отражена сама судьба ученого,

поиски научной истины, встречи и знакомства, дорожные дневники, из которых слагаются книги, и личный мир переживаний.

Сейчас, когда его нет рядом с нами, вспоминаешь то, что казалось тогда незначительным, повседневным в наших каждодневных встречах, и щемящее чувство грусти и недосказанного заставляет вернуться к тому времени, когда мы были все вместе.

В 2008 г. Николай Алексеевич отметил в институте своё 70-летие. Кто мог знать тогда, что один из авторов этих строк, написавший к этому знаменательному событию статью о его научной деятельности, через 2 года возвратится к ней, но уже по печальному поводу...

Николай Алексеевич Алексеев родился 29 января 1938 г. в 3-м Бордонском наслеге Ленинского (Нюрбинского) района в семье учителей. После окончания Нюрбинской средней школы в 1954 г. перед молодым человеком встал вопрос, куда пойти учиться. Склонный к гуманитарным наукам, он решил поступать на «журналистику». Приехав с другом в Якутск и сдав успешно экзамены, стал ждать итогового решения приемной комиссии. Но судьба распорядилась так, что место в «журналистике» оказалось уже кем-то занято, и абитуриент Алексеев стал студентом исторического отделения Ленинградского госуниверситета.

Ленинградский университет в те годы был центром передовой научной мысли. Интеллектуальные силы университета тех лет были представлены плеядой блестящих

ученых: научные традиции, заложенные выдающимися учеными Н.И.Костомаровым, В.В.Бауэром, А.А.Шахматовым, Е.В.Тарле, Б.Д.Грековым, продолжали на историческом факультете Б.Б.Пиотровский, С.Б.Окунь, В.В.Мавродин, А.Л.Шапиро, М.А.Гуковский, М.К.Каргер и др.

Город же как продолжение этого особого мира выступал своеобразным музеем-хранилищем древних культур, транслятором самых разнообразных этнических цивилизаций. Сама среда города и окружение вокруг рождали у будущих историков интерес к традициям и обычаям разных народов.

В 1959 г. состоялось посвящение в историки, Николай Алексеев защитил свое первое научное детище – дипломную работу и как выпускник ЛГУ возвратился на родину, в Якутск, где начал работать в Центральном государственном архиве. Теперь в центре внимания молодого специалиста оказались источники по истории и культуре народов Якутии, началась исследовательская деятельность будущего ученого. Его реферат «Посвящение в шаманы», подготовленный для поступления в аспирантуру, вызвал уже в ту пору большой интерес со стороны известного ученого-фольклориста Г.У.Эргиса, который в своем отзыве порекомендовал начинающему исследователю продолжить работу в этом направлении.

В 1962 г. Н.А.Алексеев поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР, его руководителем был назначен д.и.н. И.С.Гурвич, признанный специалист по этнографии Северо-Востока Азии. В секторе малых народов Севера Института этнографии в Москве в то время под руководством выдающегося сибиреведа Б.О.Долгих работали М.Г.Левин, Г.Ф.Дебец, В.Н.Чернецов, позднее И.С.Гурвич, А.В.Смоляк, Б.А.Симченко, С.Я.Вайнштейн, З.П.Соколова, М.Я.Жорничская. Традиционные религиозные верования якутов стали главным предметом диссертационного исследования аспиранта из Якутии.

Алексеев начинает сбор полевого материала, его маршруты пролегают по вилюйским и северным улусам. Живя с практикующими шаманами не один полевой сезон, он собирает шаманский фольклор, предания, мифы, различные поверья. В те годы молодой исследователь записал на магнитофонную ленту голоса известных шаманов:

Н.Парфенова (одного из героев документального фильма «Время сновидений»), Герасимова-Дабыла. Продолжая традиции выдающегося якутского ученого-этнографа Г.В.Ксенофонтова, он в своих полевых изысканиях разрабатывает новую методику сбора материалов по верованиям и шаманству якутов.

Сегодня, когда шаманство и традиционные верования стали «модной» темой в обществе, хочется сказать, что Н.А.Алексеев был первым, кто в те годы серьезно начал изучать этот сакральный мир. В 1966 г. в журнале «Советская этнография» выходит первая теоретическая статья Н.А.Алексеева «Материалы о религиозных верованиях как историко-этнографический источник», где впервые был систематизирован богатый материал по религиозной культуре саха, а также представлена разработанная автором методика исследования традиционной картины мира в историко-сравнительном плане. Статья сразу же привлекла внимание исследователей новизной поставленных проблем в области духовной культуры и оригинальностью методологических принципов. Основополагающей концепцией статьи стал тезис о важности реконструкции религиозной системы саха как одного из главных показателей при анализе ранних этнических моделей древнеякутской культуры. Это был первый опыт изучения религиозных верований на уровне этногенетических и этнокультурных построений.

Изучение этнографических групп якутского этноса, анализ регионального контекста культуры привели ученого впоследствии к выделению особой темы – кроссетнические исследования в пространстве традиционного мировоззрения. Собранные материалы вошли в диссертационное исследование «Традиционные религиозные верования якутов XIX–XX веков», которую он успешно защитил в 1967 г. на ученом совете ИЭ АН СССР.

После защиты диссертации Н.А.Алексеев начинает работать инспектором по делам мусульманских и буддийских религий в Управлении по делам религий при Совете министров СССР. Но судьба опять преподносит ему новое испытание, и в 1969 г. ученый оставляет перспективную работу в Москве и вылетает по срочному вызову в

Якутск. Якутский филиал Сибирского отделения АН СССР пригласил ученого в качестве этнографа на работу в Институт языка, литературы и истории с целью развития этнографических исследований в республике. С этого времени Н.А.Алексеев навсегда свяжет свою судьбу с академической наукой, и его работы впоследствии займут свое достойное место в советской, а затем российской этнографии. Заглядывая вперед, отметим, что научная судьба ученого еще раз повторит этот путь, только это будет долгий путь возвращения длиной в 20 с лишним лет.

Благодаря усилиям ученых ИЯЛИ АН СССР якутская этнография в 70–80-е гг. прошлого века начала активно развиваться по всем традиционным и современным направлениям этнологии. В эти годы труды Н.А.Алексеева как авторитетного ученого, специалиста по якутской этнографии, начинают получать всеобщее научное признание. Его приглашают участвовать в международных конференциях, печататься в этнографических журналах Германии и Франции.

В 1975 г. в Новосибирске выходит первая монография Н.А.Алексеева «Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX века». Сегодня, оценивая это уже ставшее классическим исследование по ранним формам религии, не перестаешь удивляться тому, как во времена безоглядного атеизма мог появиться этот фундаментальный труд, описывающий религиозную культуру саха во всей ее полноте и целостности. Работа построена как на исторических фактах, так и на современных полевых материалах, в книге можно встретить фамилии известных шаманов, которые еще в 60-е годы сохраняли шаманскую традицию.

Монография Н.А.Алексеева впечатляет широтой представленного документального материала по архаичным культам якутов и шаманству. Особое внимание следует обратить на ранее не опубликованный корпус ценнейших сведений и текстов, извлеченных из разных архивов, а также на коллекции ритуальных атрибутов и шаманского комплекса одежды из этнографических музейных фондов. Весь этот богатейший материал был очень удачно сгруппирован и классифицирован. В книге подробнейшим образом анализируются анимистические, тотемистические и промысловые культы якутов и

сопряженный с ними мифоритуальный контекст. Это приводит автора к важным выводам о существовании у якутов южного по происхождению культа божеств айыы, или так называемого белого шаманства, а также самостоятельного кузнечного культа, восходящего к тюркомонгольскому миру.

Настоящий труд – первое системное исследование религиозно-обрядового континума народа саха. Описание и классификация мифоритуальной культуры и шаманской практики, историко-этнографический анализ духовного наследия якутов в контексте культур других народов Сибири в плане выявления общего и особенного и, наконец, представление традиционных религиозных верований как важного исторического источника привели автора к началу разработки новой методики диахронных и синхронных исследований в области традиционного мировоззрения. По мнению ученого, «сравнительное изучение материалов по традиционным верованиям якутов позволяет судить о времени соприкосновения с другими народами» и приводит к мысли о пересечении в традиционном мировоззрении саха разноэтапных историко-этнографических потоков, по-разному ориентированных в религиозной картине мира.

Основной областью научных интересов ученого в 80-е гг. стали историко-сравнительные характеристики ранних форм религии тюркских народов Сибири. Комплексные экспедиции на Алтай, в Туву, Хакасию, Шорию, Тофаларию, работа в местных архивах, выявление ранее не известных источников по духовной культуре сибирских народов – это время поиска и развития своей собственной научной методики, формирования оригинальной авторской концепции.

Н.А.Алексеев внес огромный вклад в изучение религиозной культуры сибирских тюрков в целом (якуты, алтайцы, хакасы, шорцы, тувинцы и тофалары). Этой теме посвящены такие фундаментальные монографические труды ученого, как «Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири» (Новосибирск, 1980). «Шаманизм тюркоязычных народов Сибири» (Новосибирск, 1984), «Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири» (Новосибирск, 1992), которые определили и новое направление в этнографической науке –

кросскультурные системные исследования в духовной сфере. Предложенный Николаем Алексеевичем научный подход к изучению дошаманских и шаманских верований у тюркоязычных этносов Сибири предусматривал выделение локальных этнических культур на уровне религиозных систем, что помогало в реконструкции ранней картины мира древних тюрков в сопоставлении с этнографическим материалом сопредельных территорий проживания эвенков и бурятов.

Не случайно в родном институте появилось у Николая Алексеевича, уже тогда признанного специалиста по шаманизму, второе имя – ойуун или ойуун-шаман. По всей видимости, шаманская тематика, фигура и мир шамана захватили ученого в то время настолько, что своего рода профессиональная инициация завершилась получением второго символического имени.

Привлекает внимание в научном творчестве Н.А.Алексеева присутствие постоянного интереса к истории якутской этнографической науки. Можно выделить две работы, посвященные антропологическому контексту якутской этнографии. Это в первую очередь статья «О подготовке к печати рукописи Г.У.Эргиса о жизни и научной деятельности Г.В.Ксенофонтова», опубликованная в «Очерках истории русской этнографии» (1978), где Н.А.Алексеев исследования первого якутского ученого характеризует так: «Научное наследие якутского этнографа Гавриила Васильевича Ксенофонтова представляет большую ценность для изучения этнографии народов Якутии и Сибири. Г.В.Ксенофонтов в своих трудах выдвинул оригинальные гипотезы, которые требуют дальнейшего углубленного изучения. Особое внимание он уделял трем проблемам: 1) происхождению якутского народа, 2) якутскому шаманизму и 3) истории религии и культуры народов Сибири. По этим проблемам им опубликованы работы, составившие заметный вклад в изучение этнографии народов Сибири». Здесь же он уделяет большое внимание автору самой статьи Г.У.Эргису, поистине совершившему научный подвиг по спасению и сохранению рукописного наследия Г.В.Ксенофонтова. Так, впервые на страницах академического издания был дан объективный анализ научного творчества Г.В.Ксенофонтова, а в советскую этногра-

фию было возвращено имя репрессированного якутского ученого.

В 1982 г. в «Очерках по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» в Москве выходит другая статья Н.А.Алексеева «Роль политических ссыльных в изучении этнографии и языка якутов (Деятельность В.М.Ионова и других собирателей)». В ней в полном объеме раскрывается многогранная научная деятельность известного в якутской историографии исследователя – политссыльного В.М.Ионова и его верной спутницы, главной помощницы, талантливой якутской женщины, знатока традиционной культуры якутов М.Н.Ионовой – участницы Сибиряковской и Якутской экспедиций Академии наук, переводчика, автора нескольких научных трудов, бесценного консультанта Э.К.Пекарского. Примечательно, что эта «скромная труженица на этнографическом поприще» была удостоена малой золотой медали Географического общества.

Проанализировав научное творчество четы Ионовых, Н.А.Алексеев приходит к выводу о необходимости планомерного изучения и публикации научного наследия политссыльных, в частности архива В.М.Ионова, хранящегося в Санкт-Петербурге.

Бережное и уважительное отношение к интеллектуальной традиции якутской этнографической науки выразилось в его стремлении уже на посту директора института начать издание большой серии: «Рукописное наследие этнографов – исследователей Сибири и Севера».

Осенью 2008 г. по инициативе Н.А.Алексеева институт заключил договор о сотрудничестве с Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН. Чуть позднее была достигнута принципиальная договоренность о совместном издании рукописи известного этнографа и фольклориста В.Н.Васильева «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов» (40 п.л.), представляющей собой фундаментальное исследование традиционного хозяйства, культуры и социально-демографического положения алдано-майских и аяно-охотских эвенков на основе собранного самим ученым уникального материала по эвенкам Якутии.

Надо сказать, что Николай Алексеевич, еще работая в Новосибирске, отмечая исключительную важность этой работы для



этнографической науки и самих коренных малочисленных народов Севера, неоднократно обращался к известным ученым-североведам с идеей ее издания. Но рукопись В.Н. Васильева, подготовленная к печати, так и не увидела свет. Она состоит из 7 разделов (физико-географический очерк, краткий исторический очерк, расселение и численность населения, домашний быт, хозяйственный быт, промыслы, экономическое положение тунгусов). Разделы, в свою очередь, подразделяются на главы. И это только первая часть задуманной автором работы. Часть вторая, по его замыслу, должна была быть посвящена верованиям тунгусов, но, к сожалению, так и осталась не написанной. Черновые записи, материалы ко второй части труда В.Н. Васильева общим объемом 953 л. хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН отдельно (фонд 47, опись 1, д. № 887) и ждут своего исследователя.

Н.А. Алексеев рукопись В.Н. Васильева по охвату материала сопоставлял с монографическим исследованием В.Л. Серошевского «Якуты» и очень радовался и гордился тем фактом, что наконец-то, спустя столько лет, данный фундаментальный труд «Тунгусы Алдано-Майского и Аяно-Охотского районов» будет опубликован под грифом ИГиИПМНС.

Возвращаясь назад, следует отметить, что с середины 80-х годов Николай Алексеевич начинает работать над плановой темой по обрядовой поэзии народов Сибири. Фольклор с этого времени становится главным объектом исследования ученого. На конкурсной основе в 1987 г. он избирается на должность ведущего научного сотрудника в секторе фольклора народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР, в связи с чем переезжает в Новосибирск. Вот когда пригодилась ленинградская историческая школа, главной особенностью которой всегда было неразрывное единство исторического и филологического текста, реконструкция и интерпретация исторического источника как единого текста культуры.

Начинается новый этап служения этнографической науке. Здесь якутский ученый полностью отдается работе по подготовке фольклорной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Время активного сбора полевых материалов выразилось в организации комплексных экспедиций с участием фольклористов, этнографов, этномузыковедов, звукорежиссера и фотографа. В начале под руководством А.Б. Соктоева, а после уже сам Николай Алексеевич как истинный этнограф-полевик берет эту часть работы на себя. Поражает география экспедиционных маршрутов:

– 1984 г. – по Южной Сибири (Тувинская АССР, Горно-Алтайская, Хакасская автономная области);

– 1984 г. – на территории Бурятской АССР, Усть-Ордынского и Агинского бурятских автономных округов Иркутской и Читинской областей с охватом русского и бурятского фольклора;

– 1985 г. – по Хабаровскому и Приморскому краям (в местах проживания нанайцев, удэгейцев, негидальцев, ульчей, нивхов, русских, украинцев, белорусов);

– 1986 г. – по юго-западным районам Якутской АССР (эвенки, якуты);

– 1987 г. – по северным районам Якутской АССР (долганы, эвены, юкагиры, якуты, русские);

– 1988 г. – по Красноярскому краю, Иркутской области (сбор дополнительных материалов к томам русского фольклора)

– 1989 г. – в Магаданской области и Чукотском автономном округе (фольклор чукчей и ряда других северных народностей);

– 1990 г. – в Хакасской автономной области (сбор дополнительных материалов по обрядовой культовой поэзии хакасов);

– 1990 г. – на территории Усть-Ордынского бурятского автономного округа (сбор дополнительных материалов по героическому эпосу, сказкам, народным песням);

– 1991 г. – на Камчатке (коряки, ительмены, чукчи, керекти)

Затем в трудные 1990-е наступает временное затишье, и только с 2000 г. полевые исследования возобновляются. Алексеев как руководитель экспедиций привлекает для полевой работы современные технические средства (видеокамеры, минидисковые рекордеры, цифровые фотоаппараты и т.д.), совершенствуя, таким образом, полевые исследования. В эти годы стали проводиться целенаправленные комплексные экспедиции, восполняющие нехватку материалов для

фоноприложений. Только с 2000 по 2007 г. состоялось 12 экспедиций: четыре – по Южной Сибири на территории расселения хакасов, тувинцев, алтайцев; одна – на север Западной Сибири, где был записан медвежий праздник казымских хантов; одна – к агинским бурятам, у которых был зафиксирован обряд посвящения в шаманы, две – к кетам, проживающим на Подкаменной Тунгуске, две – на Камчатку, где собран корякский фольклор, две – по центральным районам и северу Якутии.

Этот экспедиционный период стал весьма плодотворным временем в творчестве Н.А.Алексеева. Серия открылась томом «Эвенкийские героические сказания», изданным в 1990 г. На сегодня в свет вышло уже 27 томов серии, завершивших публикацию трех ее полных циклов, содержащих образцы всех крупных жанров фольклора: героический эпос, сказки, мифы, легенды и предания, обрядовая поэзия и народные песни. Изданные тома представили миру уникальные образцы устного поэтического творчества алтайцев, бурят, долган, манси, нанайцев, ненцев, русских, тувинцев, хакасов, шорцев, юкагиров, якутов. Н.А.Алексеев, будучи заместителем главного редактора главной редколлегии серии, осуществлял научно-координационную работу по фольклорным томам, выступая то как соавтор статей, то как научный редактор, то как переводчик.

Обратимся к статье Н.А.Алексеева, посвященной «Памятникам...» для газеты «Наука в Сибири», где он писал: «Достоинством серии признано то, что в ней публикуется материал, ранее не издававшийся и не вводившийся в научный оборот. С научной точки зрения каждый том содержит свою «изюминку», заключающуюся, прежде всего, в новой комплексной подаче и тщательной текстологической проработке материала. Тем самым серия подняла на более высокий научный уровень исследование и публикацию не только сибирского фольклора – определены планки для всей отечественной фольклористики. Иногда нам приходится решать проблемы, не относящиеся к фольклористике. Например, для издания тома «Фольклор удэгейцев» (т. 18) составителями М.Д.Симоновым и В.Т.Кялундзюга была впервые разработана орфография удэгейского языка, которая

была утверждена Хабаровским крайисполкомом в 1989 г.

В 17-м томе «Шорские героические сказания» опубликовано сказание «Кай Перген». Оно было впервые в мировой практике полностью нотировано. Тем самым была продемонстрирована исконная природа шорской кая, когда сказитель-кайчи, исполняя эпос, сначала пропевает фрагмент сказания, затем этот же фрагмент более полно излагает в стихах, произносимых речитативом. Такая двуслойность текстов героических сказаний шорцев никогда ранее в публикациях и исследованиях не учитывалась.

Стремление к научной достоверности, адекватному сохранению художественной природы произведений в русском переводе, заложенные в концепции серии, задают новые параметры эдиции и научному осмыслению явлений народной духовной культуры.»

Профессионализм ученого выражается в умении переосмыслить прежние взгляды, по-новому взглянуть на процессы, происходящие в обществе, взять на вооружение новые методы и исследовательские стратегии. В этом плане выделяются статьи Алексеева, посвященные проблемам постсоветского пространства в русле современных культурантропологических исследований. Это статьи «Якуты: традиционная культура и современность» и «Эволюция традиционных занятий якутов», появившиеся в один год (1997). Анализируя якутский этнос, ученый останавливается на советском контексте истории, акцентируя свое внимание на изменениях, произошедших в области традиционного хозяйства и культуры в советский и постсоветский период. По его мнению, нивелирование этнической составляющей в советское время привело к сложным духовным процессам в якутском обществе, многие традиционные элементы материальной и духовной культур подверглись значительной диффузии. Ученый отмечает ухудшение экологической среды в регионе, что, безусловно, влияет на культуру жизнеобеспечения якутского этноса. Он также характеризует трудности в организации современных форм хозяйствования (семейное фермерство). Статьи содержат социально-антропологический дискурс и имеют практическое значение.

Новые статьи, посвященные религиозной культуре саха, рассматривают объект в кон-

тексте этнокультурных контактов тюрков Сибири и народов Центральной и Юго-Восточной Азии. В этом отношении большой интерес вызывает постановочная статья ученого «Связь традиционных верований якутов с древними верованиями народов Тибета и Северной Индии», вышедшая в 2004 г. и написанная на основе собственных полевых наблюдений.

Научное творчество Н.А.Алексеева – это не только продолжение научных принципов, заложенных выдающимся якутским историком-этнографом Г.В.Ксенофоновым, но и дальнейшее развитие проблемного поля современных этнологических исследований по народам Сибири. Все это привело к созданию собственной этнографической школы сибиреведов. Органичный синтез дисциплинарных методов разных гуманитарных наук, где главным источником выступает текст культуры (этнография, фольклор, традиционная религия) в его сравнительных характеристиках – отличительная особенность этой школы. Ученики Николая Алексеевича работают сегодня в разных научных центрах Сибири: Тувы, Бурятии, Хакасии, Ханты-Мансийского автономного округа, Якутии. Среди них 6 кандидатов и 3 доктора наук.

Заслуженный авторитет Алексеева в научном мире способствовал тому, что он становится членом трех диссертационных советов по присуждению степени доктора наук.

Научная, научно-организационная и педагогическая деятельность Николая Алексеевича по достоинству были отмечены высокими правительственными наградами. Он заслуженный деятель науки РФ, лауреат государственной премии РФ в области науки и техники, заслуженный ветеран СО РАН.

Однажды выбрав путь этнографа, он стал признанным специалистом в области этнографии и фольклора тюркоязычных народов Сибири, ученым с мировым именем. Ему принадлежит авторство свыше 100 научных статей, 9 монографий, из которых 4 в соавторстве, ставших сегодня классикой этнографической науки. Заслуженный научный авторитет, широкая известность – следствие его замечательного таланта и профессионализма.

Н.А.Алексеев успешно работал заведующим сектором фольклора народов Сибири в Институте филологии СО РАН (г. Новосибирск),

когда в 2007 г. его назначили директором-организатором объединенного Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в городе Якутске. Так, судьба ученого, проделав длительный путь посвящения, а потом безграничного служения Науке, вернулась на круги своя.

Начинается последний очень короткий, но светлый якутский период жизни Н.А.Алексеева. Многие, вспоминая встречи с Николаем Алексеевичем в Новосибирске, замечали, как он живо интересуется новостями из Якутии, подробно расспрашивая о своих знакомых и друзьях. Готов был оказать любую поддержку землякам, оказавшимся волею судьбы в городе, где ему было все привычно. Во всем этом чувствовалась искренняя любовь и неизбывная тоска по родине. В действительности, Николай Алексеевич в прямом смысле слова был патриотом своей Якутии. Вся его профессиональная деятельность, где бы он ни работал, была посвящена сохранению и защите духовного и культурного наследия народа саха, а шире – народов Сибири. Став директором института, придавая исключительное значение проблеме сохранения традиционной культуры в современных условиях, он принял на себя еще и заведование сектором якутского фольклора.

Три года пребывания Николая Алексеевича на посту директора вновь созданного института проявили его незаурядные организаторские способности в нелегком процессе объединения двух институтов разной ведомственной принадлежности с разным видением своего будущего. Было немало людей, которые не без основания сомневались в успехе данного мероприятия. Однако же, за очень короткий срок институт состоялся как единое целое, обладающее значительным творческим потенциалом. Сегодня в нем представлено 13 научно-исследовательских и 2 научно-вспомогательных структурных подразделения, 123 научных сотрудника, 18 докторов и 68 кандидатов наук. Количество защит кандидатских диссертаций молодыми сотрудниками растет из года в год. Только за прошедший 2010-й институт подготовил шесть кандидатов наук.

Основная деятельность института направлена на сохранение и развитие националь-

ной (этнической) самобытности и культурного наследия коренных народов Якутии, выявление региональных особенностей локальных и мировых трансформаций. Она реализуется в целом ряде крупных научно-исследовательских проектов, разрабатываемых в рамках как общесибирских программ, так и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

Объединительный процесс начинался с установки сверху на сокращение 20% штатных единиц научных сотрудников, чтобы институт сумел без ощутимых финансовых потерь войти в пилотный проект, заслуга Николая Алексеевича как руководителя учреждения заключается в том, что он сумел сохранить научный потенциал института в целостности.

Вновь созданный институт по численности представлял собой один из крупных академических институтов в Сибири, но по сравнению с другими институтами гуманитарного профиля значительно уступал им в то время по научным показателям. Всего лишь за два с небольшим года, благодаря научному авторитету, конструктивным действиям, спокойствию и терпению директора, институт добился значительного повышения своего научного рейтинга. «Кто терпит, тот побеждает». Если обратиться к сухим цифрам научных отчетов, то мы увидим, что заметно возросло количество публикаций сотрудников в рецензируемых научных журналах РФ, количество грантов, полученных из различных научных фондов РФ, Японии и США, расширилась география экспедиционных исследований. Для сравнения: если в 2008 г. было опубликовано всего 16 статей в рецензируемых изданиях, то к концу 2010 г. их количество достигло 45, что касается других, то их насчитывается за последний год более 300. Более того, ученые института разрабатывают научные проекты и пишут учебники и учебные пособия при финансовой поддержке республиканских государственных целевых программ «Сохранение, изучение и распространение якутского героического эпоса олонхо», «Развитие образования в Республике Саха (Якутия)», по грантам президента, правительства и Академии наук Республики Саха (Якутия). Несомненно, активизации рейтинговой деятельности коллектива способствовала эффективно распре-

деляемая по результатам работы система стимулирующих выплат.

Для заведующих секторами было сначала неожиданным, что директор не собирает на «планерки», не вызывает по «авральным» заданиям и в то же время дает право самим определять направление деятельности своих сотрудников и объем их вклада в денежном эквиваленте. Это уважение и доверие директора к заведующим формировало их ответственность за организацию научной работы и создавало условия для их самореализации.

Придя в институт, Николай Алексеевич хотел создать свой журнал, с которым связывал рост научного потенциала сотрудников и установление контакта с российскими научными журналами гуманитарного профиля. По этому поводу он не раз собирал ученый совет, заведующих и всех, кому была не безразлична эта идея. В результате в 2010 г. появился журнал «Северо-Восточный гуманитарный вестник», первый номер которого был приурочен к юбилею института – 75-летию. Николай Алексеевич стремился к тому, чтобы журнал когда-нибудь получил статус рецензируемого.

Для удовлетворения издательских нужд и повышения качества будущих изданий за короткий срок была создана полиграфическая база с профессиональным оборудованием, которую директор хотел в дальнейшем использовать и для укрепления финансовой части института.

К издательской деятельности Николай Алексеевич относился с особой скрупулезностью – сказывался многолетний опыт его работы по изданию 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (он на протяжении 20 с лишним лет был заместителем главного редактора, составителем и переводчиком ряда томов по тюркским языкам), где требовался высокий научно-теоретический уровень представляемых к публикации статей. Эта деятельность выработала широту взгляда и системное видение. В итоге, Алексеев пришел к разработке наиболее чувствительной методики фиксации фольклорных и этнографических феноменов применительно к традиционным культурам Сибири и Дальнего Востока.

Особое внимание уделялось серии «Саха боотурдара», издаваемой на языке оригинала.

Последние три тома серии «Саха боотурдара», издательского проекта института, опубликованные при Николае Алексеевиче, получили высокую оценку специалистов-филологов в г.Новосибирске как уникальный источник языкового богатства якутов.

Широта взглядов на проблему сохранения языкового наследия проявлялась и в том, что Николай Алексеевич при издании текстов на языке оригинала ратовал за создание единого шрифта для всех тюркских языков Сибири и принятие его в качестве официального.

Николай Алексеевич прекрасно осознавал, что широта научных связей – залог профессиональной состоятельности института. В 2009 г. он выезжал в Токио и Чикаго для подписания соответствующих документов о научном сотрудничестве. При этом он считал, что контакты с зарубежными партнерами должны быть взаимовыгодными и равноправными. Сегодня сотрудники института задействованы в четырех крупных проектах в рамках договоров о сотрудничестве с Центром исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку (Сендай, Япония), с группой «Сравнительная популяционная лингвистика» Института эволюционной антропологии им. Макса Планка (Лейпциг, Германия), с Университетом Джорджа Мейсона (Фейрфакс, США), с Александровским институтом Университета Хельсинки (Финляндия). В 2008–2010 гг. институт подписал протоколы о намерениях по взаимодействию и сотрудничеству с Институтом истории Академии наук Монголии (Улан-Батор), с Центральным университетом национальностей Китайской Народной Республики (Пекин), с Центром языка и коммуникации Амстердамского университета (Нидерланды).

Николай Алексеевич придавал большое значение хозяйственному аспекту деятельности руководителя. Понимая, что для успешной работы коллективу института необходимы лучшие условия, еще в 2008 г. он запланировал строительство II очереди здания института на территории, прилегающей к главному корпусу по ул. Петровского. Эта его идея вместе с архитектурным проектом будущего здания получила поддержку в Президиуме СО РАН, но реализация отложена на неопределенное время, вероятно, до

преодоления последствий экономического кризиса в регионе.

В новом здании предполагалось разместить, кроме всего прочего, библиотеку института, а также рукописный фонд института, хранящийся в настоящее время в архиве Якутского научного центра СО РАН. Николай Алексеевич как ученый-этнограф и фольклорист представлял истинную ценность архивных материалов по этнографии, языку, истории, фольклору народов Якутии, собранных за более чем полвека многими поколениями сотрудников института. Он глубоко переживал из-за критического состояния рукописей и готов был принять кардинальные меры по обеспечению их сохранности, поэтому до окончательного решения вопроса по созданию страхового фонда, а также необходимых условий их содержания, инициировал ограничение доступа к фондам.

Когда-то Конфуций сказал: «Тот, кто, обращаясь к старому, способен открывать новое, достоин быть учителем». Николая Алексеевича отличала забота о сохранении «угасающих» архивных текстов, любовь к музейным предметам, почтительное отношение к традиции. При этом, согласно изречению Конфуция, он был открыт всему новому, перспективному, чего бы это ни касалось – жизненных ли принципов, научных ли воззрений. И мы воспринимали его как Учителя, который с высоты научного Олимпа и своей жизненной мудрости мог философски относиться ко всему происходящему вокруг. Интеллигентность и деликатность в сочетании с требовательностью и добротой, тонкая ирония и юмор, равнодушие к людям любого ранга, спокойный, доброжелательный стиль работы, заботливое внимание к своим друзьям и коллегам вне работы создавали неповторимое обаяние его личности.

Постепенно, по мере узнавания друг друга, пришло понимание. Юбилей института в 2010 г. мы встретили как одна семья.

Николай Алексеевич был полон сил и новых замыслов... Внезапная смерть не дала осуществиться его планам. Продолжить его начинания – наш долг.

Светлая память о замечательном ученом и человеке навсегда сохранится в истории и в благодарной памяти коллектива института.

---

## ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

---

УДК 001:930(98+571)

*Д.А.Ширина*

### **Отечественная Академия наук: научное изучение Арктики и Севера. 1914—1930 гг. (Историографический очерк)**

В статье рассмотрен историографический материал 1912 г. — начала XXI в., в котором представлена деятельность отечественной академии в эпоху грандиозных общественных трансформаций, начиная с появления специальной академической структуры (Полярная комиссия) и завершая 1930 г., ознаменовавшим коренную перестройку работы академии, сопровождавшуюся сменой методологии, организации научных исследований, кадрового состава, структуры учреждения. Показаны особенности, этапы и рубежи в исследовании северных территорий. Подчеркнуто решающее значение работ В.И.Вернадского для определения основного вектора академических разысканий в Арктике и на Севере.

*Ключевые слова:* Академия наук, Арктика, Север, производительные силы, историография.

Изученный историографический материал темы имеет непреходящее значение для выявления специфики и направленности не только научных исследований 1914—1930 гг., но и отечественной историографии 1912 г. — начала XXI столетия. Заметим также, что существующая историография темы являет собой довольно мозаичную картину. Чтобы выявить пограничные моменты в научной литературе, посвященной изучению деятельности академии в 1914—1930 гг., наряду с работами о деятельности академии на Севере и в Арктике, рассмотрим сочинения, авторы которых исследовали историю самого академического учреждения, что позволяет также показать условия научных поисков и формирование их направлений.

Учитывая что основная работа Академии наук, предопределившая направление разысканий на северных и арктических территориях России на долгие годы, непосредственно

связана с деятельностью В.И.Вернадского, остановимся на его сочинениях.

В результате переработки курса лекций о становлении отечественной науки, прочитанных в Петербургском университете в 1912 г., В.И.Вернадский написал «Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии», первую главу из которых он опубликовал в 1914 г., затем переиздал в 1922 г. В этом исследовании В.И.Вернадский разработал главу, специально посвященную истории Академии наук первых десятилетий ее деятельности, в которой подчеркнул свое согласие с историком XIX в. К.С.Веселовским, заявившим на торжественном заседании 1864 г. о значении академии для развития науки следующее: «Нет ни одной академии, которая для познания естественных произведений своей страны сделала бы столько, сколько наша академия. Скажу даже более: нет ни одной академии, которую в этом отношении можно было бы даже сравнить с нашей»<sup>1</sup>.

© Д.А.Ширина, 2011.

По подчинению своей деятельности задаче научного знания, по выбору форм и методов его достижения Петербургский научный центр был сравним, замечал автор, с Лондонским королевским обществом и с Парижской академией наук. Точное изучение научных фактов позволило отечественной академии, считал В.И.Вернадский, «пережить без ущерба» время проникновения философских стремлений, теологических и «моральных» построений, «гуманитарно-эстетических исканий», которые порой «заглушали» конкретную научную работу. Среди коллективных академических предприятий он выделял путешествия (естественно-исторические, этнографические, археологические, географические), однако главным, определяющим облик и значение академии, считал личную научную работу отдельных исследователей. Об Л.Эйлере, М.В.Ломоносове, Г.Миллере, П.-С.Палласе В.И.Вернадский писал как о творцах «академической традиции», которые работали в неизученных областях науки; причем изучение России проводилось в связи со знанием о «вселенной и основывалось на научно проверенных фактах». Подчеркивал ученый и практическое значение экспедиций, организованных Академией наук, перечисляя разведение полезных растений, использование рыбных богатств, выявление новых руд и полезных минералов. Эта коллективная деятельность, по словам В.И.Вернадского, имела огромное значение для мировой науки того времени, так как были получены новые свидетельства о мироздании, о евразийском континенте<sup>2</sup>.

Учитывая основное направление исследований Академии наук в Арктике и на Севере в 1914–1930 гг., попытаемся внимательно рассмотреть работы В.И.Вернадского, в которых он поднимал вопросы о естественных производительных силах России. 8 апреля 1915 г. состоялось его выступление на заседании физико-математического отделения академии, текст которого в том же году был опубликован в одном из периодических изданий. Свою речь В.И.Вернадский начал словами о том, что научное исследование природных богатств России было неизменной обязанностью академического центра на протяжении XVIII – начала XX столетий. Однако ученый заметил, что проблема есте-

ственных ресурсов страны никогда не рассматривалась в плане ее планомерного разрешения. Задачей текущего времени В.И.Вернадский считал интенсивную работу по учету запасов естественных богатств России и определению возможностей их использования, что, по его словам, было необходимо не только для преодоления тягот военного времени, но и для выявления новых источников развития в послевоенный период. Именно мировая война, говорил ученый, «совершенно неожиданно» показала экономическую зависимость России от Германии, «недопустимую для сильной, здоровой страны и для живого могучего народа». А одной из причин этой зависимости он назвал «чрезвычайную недостаточность наших знаний о тех естественных производительных силах, которые дала природа России и которые добыты ее прошлой историей». Научного исследования требовали металлы, энергия рек и водопадов, газы и природные соли, водоросли, рыбные богатства, культура лекарственных растений, что, по мнению В.И.Вернадского, позволило бы заменить то, что ввозилось из Германии. Важную роль он отводил академии, для которой эта работа была бы продолжением «ее вековой деятельности». В связи с этим ученый заметил, что при научном центре постановлением конференции от 4 февраля 1915 г. была сформирована специальная структура – постоянная комиссия для исследования естественных производительных сил России. Научные исследования в области производительных сил В.И.Вернадский связывал с работой экспедиций, обработкой результатов их деятельности в лабораториях и научных кабинетах, наблюдениями на местах, последующей сложной экспериментальной работой. Значительными он называл установление наличности сырья, выявление условий наиболее полного их использования и обработки, определение способов извлечения и приемов их использования, поиск новых видов производительных сил, «не известных в других странах». Любопытно его следующее положение, с которым мы встречаемся в работах Римского клуба, в отчете о деятельности Комиссии Брундтланд, в современных международных документах. Отмечая тенденцию к ограниченности про-

дуктов природы по мере распространения общечеловеческой культуры на земном шаре, В.И.Вернадский писал о необходимости охраны природы, бережного отношения к потреблению ее богатств в интересах будущих поколений. В связи с этим замечал, что изучение производительных сил России должно сопровождаться вниманием к более совершенным способам добычи и использования природных продуктов и заключал: «Мало одного учета, надо уметь ими пользоваться»<sup>3</sup>.

Одним из условий успешности работы ученых он считал свободное научное творчество, свободное проявление личностного начала. При этом В.И.Вернадский отмечал, что исследователи «давно привыкли к организации» научных исследований и координации усилий исполнителей<sup>4</sup>.

В статье «Задачи науки в связи с государственной политикой в России», написанной в 1917 г., он вновь писал о необходимости срочного, глубокого, полного исследования производительных сил России, что, по его мнению, определялось особенностями текущего момента и задачами государственного строительства страны. Между тем замечал: «Мы не знаем ресурсов нашей страны и до сих пор не сознавали, до какой степени это необходимо для правильно поставленной государственной политики, для государственной безопасности». Обязанностью государства он считал выделение необходимых средств; увеличение бюджета организаций, занимающихся изучением естественных производительных сил; налаживание планомерных систематических исследований; создание сети исследовательских институтов<sup>5</sup>.

В сочинении «Вопрос о естественных производительных силах России с XVIII по XX в.» он писал, что изучение естественных производительных сил России было одной из основных задач академии, открытой в 1725 г. в Петербурге, «когда Россия и русское общество вошли в жизнь культурного западноевропейского человечества». Более глубокие изменения в исследовании производительных сил он относил к XX в., когда в мире изменилось понимание их значения, а в России, благодаря деятельности Академии наук, отношение к вопросу «получило новое направление, задержанное, но не разрушенное

тяжелым переживаемым кризисом». Очевидец событий, великий ученый В.И.Вернадский воспринимал перемены, происходящие в России в 20-х гг. XX в., как новый мирового масштаба «перелом» в жизни человечества, когда областью реальной политики становился вопрос о формах организации человеческого общества. В этих условиях, по его мнению, знание о потенциальных силах России, умение правильно оценить и понять их значение приобретали особую остроту. По-видимому, уместно заметить, что потенциальными силами В.И.Вернадский называл естественные производительные силы, силы природы и здесь же замечал, что народ, который отличается высокой способностью к работе, честностью, моральными и умственными качествами, знанием и талантом, может многого добиться, даже «если силы страны, им занятой, ничтожны». На ум сразу же приходит современная Япония. Именно духовные силы человечества ученый считал определяющим условием национального богатства. Причинами особого внимания к вопросу о естественных производительных силах в России 20-х гг. XX столетия, в эпоху революционных преобразований и Гражданской войны, «в эпоху величайшего разорения и разрухи нашей страны, в эпоху ее обнищания» В.И.Вернадский считал невозможность «выйти из тех ужасов, в каких приходится нам жить, когда миллионы людей умирают от голода», без правильного быстрого и разумного использования этих потенциальных сил природы, а также утрату части производительных сил путем их передачи в концессию иностранному капиталу. Ахиллесовой пятой России В.И.Вернадский называл изолированность знаний ученых о естественных производительных силах от понимания их народом, обществом («Свобода от науки в этой области не только народа, но и русской интеллигенции паразитическая»), что обусловило бедность государства при колоссальных природных богатствах. Будучи ярким сторонником научных знаний, ученый полемизировал с «философскими построениями прошлого человечества», авторы которых исключали либо считали ничтожной роль личностного начала в науке, и вновь повторял, что научные знания создаются отдельными личностями, свободной



научной мыслью, а не «схематическими стихийными процессами, которыми нередко занимаются историки», что из скопления множества людей средних умственных способностей невозможно создать одного Ньютона либо Фарадея<sup>6</sup>.

В 1915 г. Д.Н.Анучин опубликовал статью, в которой писал о причинах образования при Академии наук специальной структуры для исследования полярных территорий – Полярной комиссии и очертил круг ее задач. Автор сообщал, что решение о создании постоянной специальной структуры, занимающейся вопросами Севера, было принято совещанием академиков и заинтересованных лиц в 1914 г. Своевременным считал автор появление Полярной комиссии по ряду причин: последние полярные экспедиции были «неумело снаряжены»; ошибочным было бы «предоставить иностранцам доканчивать сделанное поколениями русских ученых»; наконец, Первая мировая война поставила перед Россией ряд важных экономических вопросов, в том числе непосредственно связанных с изучением территорий Севера. Между тем, замечал Д.Н.Анучин, топографическая география Севера Сибири недостаточно выяснена; имеющиеся карты неудовлетворительны; гидрография, климатология, растительный и животный мир, население плохо исследованы<sup>7</sup>.

Как и В.И.Вернадский, о значительности личного творчества в науке писал неприменный секретарь Академии наук – С.Ф.Ольденбург, который в одной из своих статей 1923 г. отмечал как «вопиющую ненормальность» то, что это положение «не находит до сих пор достаточной опоры и поддержки в организации» научных исследований. Среди причин, препятствовавших организации научной работы в первые годы советской власти, С.Ф.Ольденбург называл необходимость при решении организационных вопросов считаться с «вполне понятным и нормальным» явлением – индивидуальными особенностями творческих личностей. Последнее обстоятельство, по его мнению, требовало большой осторожности, бережного обращения с учреждениями, организациями «теперь, когда самый темп нашей жизни и весь строй часто побуждают нас к слишком скороспелым решениями», когда «жизнь

требует перемен, притом глубоких перемен», когда «мы рубим с плеча, только чтобы перешагнуть, только чтобы не оставить старого»<sup>8</sup>.

6 сентября 1925 г. он выступил на заседании конференции. Его речь была пронизана глубоким пониманием этапов развития отечественной и мировой науки, ее роли в поступательном движении общества, России. Главная задача отечественной Академии наук во все времена ее деятельности, говорил ученый, состояла в изучении огромной страны. К определению хронологических вех в истории академического центра он подошел, главным образом, учитывая, внутреннее единство науки, цельность, связанность научных знаний. В деятельности академии XVIII столетия С.Ф.Ольденбург особо выделил «знаменитые академические экспедиции». Чтобы подчеркнуть значение этих предприятий для того времени, он обратился к сообщению «Британской энциклопедии» о том, что Россия «могла считаться... наилучше исследованной страной в мире» именно «благодаря академическим экспедициям этого века». Появление экспедиционной формы научной работы, по его словам, значительно расширило деятельность академии, т.к. позволило ученым покинуть кабинеты, лаборатории и приблизиться «к живой природе», а благодаря этнографическим исследованиям – «к людям и к жизни». Именно экспедиции, по его словам, положили начало систематическому научному сбору экземпляров фауны и флоры, насекомых, животных, минералов, этнографических экспонатов, в связи с чем появились гербарии и этнографические коллекции. Высоко оценивал он работу академиков, которые руководили экспедициями, были их непосредственными участниками, разрабатывали программы и инструкции. Обращаясь к XIX в., С.Ф.Ольденбург отмечал идентичность положения отечественной Академии наук и академических центров других стран. Оживление академической деятельности, увеличение значимости ученых он относил к XX в. и связывал это с изменениями в высшей школе. Сужение научных задач Академии наук, сокращение ее кредитования с 1914 г. он объяснял войной и начальным этапом революции. Именно это время С.Ф.Ольденбург считал чрезвычайно важным моментом в

истории страны и академического центра. Тогда же он поднял вопрос о соотношении теории и практики в работе академии, а рациональное взаимодействие этих сторон деятельности определил как одну из «главнейших новых задач академии». Противопоставление же теории и практики молодым поколением, предпочтение его представителями практической деятельности, по его мнению, неминуемо влекло не только к ослаблению теоретической работы, но и к «падению и гибели практической». Не менее важным С.Ф.Ольденбург считал отношение к Академии наук со стороны народных масс, т.к. это, по его словам, имело непосредственное отношение к формированию новых кадров ученых<sup>9</sup>.

Самобытность, определенная независимость, самостоятельность Академии наук, по-видимому, требовали от ее неперемного секретаря в условиях становления нового общественно-политического режима особого внимания к вопросу о практической деятельности научного центра. Именно этому вопросу С.Ф.Ольденбург посвятил большую часть своей статьи, опубликованной в том же году в ежемесячном журнале Центрального Совета секции научных работников Союза работников просвещения СССР.

Научные исследования, стремление использовать их для достижения конкретных практических задач, С.Ф. Ольденбург считал основной чертой деятельности академического центра на всем протяжении его истории. Конкретная научная работа (опыты, наблюдения, систематический сбор фактического материала), по его словам, отличала отечественную академию от идентичных научных центров стран Запада, что позволило ей избежать «увлечений в сторону теологических и моральных или эстетизирующих исканий». Ученый писал, что академия уделяла преимущественное внимание «чистому знанию», отчетливо осознавая, что без него невозможна «никакая практика». Среди практических дел С.Ф.Ольденбург назвал работу академиков по постоянным обращениям государственных учреждений, деятельность академии по исследованию и учету естественных богатств страны в XVIII, XIX, XX вв.; создание специальной комиссии по изучению производительных сил страны, ее

широкую и разнообразную деятельность; популяризацию научных знаний. Значительным видом общения науки с «широкими массами» ученый считал краеведение, начало которого он отнес к деятельности М.В.Ломоносова, его работе над анкетой для сбора разносторонних сведений с мест, а среди современных центров краеведческой работы назвал Центральное бюро краеведения, созданное первоначально при Академии наук. Завершая статью, С.Ф.Ольденбург подчеркнул одну из главных задач академического учреждения на протяжении всего времени его существования – всестороннее исследование громадной страны, ее природы и населения<sup>10</sup>.

Несколько позднее он писал о коренных изменениях академической деятельности в советское время, обусловленных ее «теснейшей увязкой» с социалистическим строительством. Явной «гранью между старым и новым» С.Ф.Ольденбург считал 1930 г.<sup>11</sup>

В 1925 г. ученик В.И.Вернадского – А.Е.Ферсман, вспоминал о прошлом отечественной академической науки, когда ее представители вели борьбу за свободную научную мысль «в рабской, полудикой стране». Он писал об «упорном» труде исследователей на территории, занимавшей одну седьмую суши земного шара, их «чутком прислушивании к жизни, ее потребностям и тяготам»<sup>12</sup>.

7 марта 1929 г. ученый выступил с докладом в Комиссии Академии наук по экспедиционному делу. Расширенное изложение текста этого выступления, посвященного экспедиционной работе научного центра в 1919–1928 гг., было опубликовано в Ленинграде в том же году. Статью А.Е.Ферсман начал с определения истоков экспедиционной деятельности Академии наук СССР, в связи с чем писал, что XVIII столетие, особенно его вторая половина, показало преимущественное значение экспедиционного метода исследования как для практического изучения страны, ее населения и природных богатств, так и для развития науки, сбора различного, в том числе музейного, материала, и заключал: «Было бы исторической ошибкой не оценивать значения этих работ в истории науки и культуры нашей страны».

Составив таблицу о работах экспедиций с указанием территорий их деятельности, ученый пришел к заключению об увеличении числа предприятий за 1919–1928 гг. в Полярную Россию и Сибирь, назвав при этом начало хибинских экспедиций на Кольском полуострове и участие в олонечских экспедициях (1920 г.); экспедицию на реку Пур и продолжение северодвинских раскопок (1923 г.); начало Якутской и североуральских экспедиций (1925 г.); начало Гыданской экспедиции (1926 г.); продолжение Гыданской экспедиции и начало обследования Кольского полуострова (1927 г.); окончание Гыданской и проведение Таймырской экспедиции (1928 г.).

Особо, в отдельном разделе статьи, А.Е.Ферсман рассмотрел работы академии по изучению Севера и арктических территорий СССР. Отмечая, что исследование Арктической области – «давнишняя традиция академии», он перечислил экспедиции, которые работали здесь в 1925–1929 гг.: Новоземельская (1925–1926 гг.), Гыданская и Североуральская, Таймырская. Специальный раздел работы посвящен исследованию Академией наук отдельных республик страны, причем изучение Якутии, учитывая его размах, трудности и важность намеченных задач, А.Е.Ферсман считал «историческим явлением» для всего экспедиционного дела в научном центре<sup>13</sup>.

Характер и направленность научно-исследовательских разысканий на севере европейской части страны в первые годы советской власти определяют и интерес к статьям А.Е.Ферсмана 1945 г. издания<sup>14</sup>. Однако заметим, что в начале первой работы этого времени ученый привел данные об исследователях и их трудах, которые свидетельствуют о становлении в академии науки минералогии с 1745 г. Обращаясь к истории научного центра в советское время, А.Е.Ферсман писал о значительном увеличении численности специалистов и финансирования, об укреплении экспериментальной базы минералогических работ и росте печатной продукции. Организаторами исследований по минералогии, по словам автора, были В.И.Вернадский и его ученики. Среди территорий, на которых проводились минералогические разыскания, он назвал Кольский

полуостров (руководитель А.Е.Ферсман) и Карелию, а результатами – описание значительного количества минералов (некоторые были описаны впервые), выявление особенностей их происхождения, изучение процессов формирования минералогического комплекса хибинских и ловозерских тундр.

В 1925 г. в журналах «Природа» и «Научный работник» были опубликованы практически идентичные по содержанию статьи Б.А.Линденера. В центре внимания автора были естественные богатства страны, деятельность академии в связи с их изучением, особенности исследования ресурсов страны советского времени. Выполнение задачи изучения природных богатств страны, писал Б.А.Линденер, академия взяла на себя еще в XVIII в., когда заинтересовалась «природным богатством Сибири» и организовала экспедиции, которые охватили огромную страну. Значение экспедиционных исследований того времени он видел в том, что они «открыли новую страну мира – Россию, которая прежде была почти неизвестна и фантастически изображена на картах». Отмечая в истории научного центра тяжелое время мировой и Гражданской войн, блокады, Б.А.Линденер писал, как и предшествующие авторы, что академия никогда не прерывала научную работу несмотря на отсутствие газа, реактивов и других необходимых материалов. В условиях же Первой мировой войны, когда Россия была изолирована, в том числе от мировых рынков, и в последующее время, когда встал вопрос о преодолении ее последствий, академический центр, по его словам, первым приступил к изучению природных богатств страны, объединив ученых для совместной работы в составе постоянной комиссии по изучению естественных производительных сил. Однако упомянутая комиссия, появившаяся по инициативе В.И.Вернадского во время мировой войны, писал Б.А.Линденер, стала полноценной структурой лишь при советской власти, которая признавала «громдное государственное значение широкого и глубокого исследования природы страны»<sup>15</sup>.

Пользуясь материалами о работе экспедиций, замечая, что в 1919 г. не состоялось ни одного предприятия, П.В.Виттенбург писал об улучшении положения и деятельности

академии в 1920 г., о значительном размахе экспедиционных исследований к концу 1925 г., когда они достигли уровня «знаменитых экспедиций и путешествий» XVIII–XIX вв. Отсутствие экспедиционной работы в 1919 г. он объяснял блокадой страны «со всех сторон» и одновременно отмечал некоторые изменения ситуации уже в следующем году, когда ареной Гражданской войны оставались запад, юг и восток республики. Освобождение же северных территорий стало, по его словам, условием, которое позволило академику А.Е.Ферсману работать на Кольском полуострове и в Хибинском массиве. Упомянул автор и о своих геологических исследованиях в Лапландии; о работах зоологов на Александровской биологической станции в Кольском заливе с целью продолжить наблюдения в Баренцевом море, на Новой Земле и у берегов Карского моря. А годом позже, писал автор статьи, начались его работы по изучению геоморфологии Северного острова Новой Земли и Н.А.Кулика – по исследованию геологии острова Вайгач и Северного Урала. А.А.Бялыницкий–Бируля, А.М.Дьяконов, В.А.Линдгольм изучали, сообщил П.В.Виттенбург, фауну окрестностей Ленинграда, а Н.А.Буш, В.А.Траншель, С.С.Ганешин – растительный покров тех же мест. Таким образом, подытожил ученый, в начале 20-х гг. научные исследования были возможны лишь в Ленинградской губернии и на северных территориях республики. Из последующих предприятий П.В.Виттенбург упоминал геоботаническую экспедицию под руководством Б.И.Городкова, гидробиологическую экспедицию академии по исследованию Белого моря. Значительное внимание автор статьи уделил Якутской академической комплексной экспедиции 1925–1930 гг.

В том же 1925 г. в журнале «Научный работник» была опубликована статья П.В.Виттенбурга, в основном совпадающая с предыдущей. Остановимся лишь на его размышлениях относительно научных исследований Академии наук XVIII–XIX вв. и Якутской академической комплексной экспедиции 1925–1930 гг. Отмечая развитие экспедиционной деятельности за последние пять лет, П.В.Виттенбург писал, что экспедиции 1920–1925 гг. являются естественным продолжением работы академии в области

географии и изучения естественных производительных сил страны на протяжении всех 200 лет. Подчеркивая комплексный характер экспедиций предшествующего времени, «в силу энциклопедичности исследователей», ученый писал, что по мере развития науки дисциплины дифференцировались, в связи с чем экспедиции «принимали все более односторонний характер и специальное направление». В разделе о Якутской академической комплексной экспедиции получил определенное развитие тезис о преимуществах нового времени. О значении этого предприятия П.В.Виттенбург писал, что экспедиция была первой, в ходе проведения которой отдельные территории республики «подверглись столь всестороннему изучению». А причиной обширных исследовательских работ в Якутии, по его словам, стало то, что «эта далекая отсталая окраина, ранее служившая местом ссылки и каторги, получила автономное устройство и преобразование в республику»<sup>16</sup>.

В журнале «Природа» 1925 г. были опубликованы статьи Л.Я.Штернберга, А.А.Борисяка, Л.С.Берга, которые писали о роли Академии наук в развитии этнографии, геологии и географии, отмечали исключительность деятельности академических экспедиций XVIII–XIX вв., эпохальное значение XVIII в. в истории естествознания и геологии, в выработке научных представлений о геологическом строении севера и востока Сибири, формировании прочной основы географии России на основании трудов предшествующих столетий<sup>17</sup>.

Особое внимание ряда авторов публикаций, рассмотренных выше в данной статье (В.И.Вернадский, С.Ф.Ольденбург, А.Е.Ферсман, Б.А.Линденер, П.В.Виттенбург, Л.Я.Штернберг, А.А.Борисяк, Л.С.Берг), к вопросам о значении научной работы отечественной академии XVIII–XIX вв.; ее практической значимости, обусловленности развитием отечественной и мировой науки; цельности и взаимосвязанности «чистой науки» и прикладной; преимуществах экспедиционной формы научных исследований того времени; необходимости свободы творчества личности становится понятным при чтении статей Н.И.Бухарина 1927, 1931 гг., которые знакомят с подготовлявшимися и проводимыми

изменениями в деятельности Академии наук. Любопытны эти работы и для представления о начале формирования в советской историографии четкой жесткой грани в интерпретации дореволюционного и советского периодов в истории отечественной академии.

Текст публикации «Наука в СССР», вышедшей в свет в 1927 г., построен, главным образом, на противопоставлении капиталистической и социалистической систем, в том числе в развитии научных знаний. Подчеркивая общечеловеческое значение пролетарской революции 1917 г. в России, Н.И.Бухарин писал о том, что она стала своеобразным тараном, который пробил ворота от «предыстории человечества» к его действительной истории. Будущее отечественной науки он связывал с революционными преобразованиями в ней самой (метод исследований, организация научного труда, соотношение между различными научными дисциплинами, практическое значение науки). «Величайшей трагедией» значительной части отечественной интеллигенции, сформировавшейся в условиях капитализма и находящейся в плену у адекватных этой формации представлений («частная собственность», «частная инициатива»), Н.И.Бухарин считал то, что она, будучи «исторически ограниченной», не могла предвидеть перспективу развития социализма и восприняла революцию 1917 г. как «посягательство на вечные и лучезарные ценности человеческой культуры вообще». Новым принципом организации науки в условиях социализма Н.И.Бухарин считал плановость. Для всех наук единым научным методом, который получал все большую признательность, писал Н.И.Бухарин, становился при социализме диалектический материализм К.Маркса. Одобрив сосредоточенность советских ученых на изучении производительных сил, Н.И.Бухарин подчеркивал, как отличие отечественных разработок, пристальное внимание к живой рабочей силе, хозяйствующему субъекту, «самой массе физиологических организмов»; заинтересованность в «сбережении организма трудящихся» (буржуазные же исследователи при изучении человека, по его мнению, руководствовались принципом рентабельности).

Критикуя сторонников «чистой науки» за непонимание непосредственной связи между

научными знаниями и классами, он утверждал, что науки, свободной от общественных классов, не существует. «Великий революционный переворот» 1917 г., писал Н.И.Бухарин, поставил вопрос о кооперации научного труда, являющейся организационной предпосылкой планирования научно-исследовательской работы, а основной задачей этой работы он назвал изучение естественных богатств СССР. Свою статью Н.И.Бухарин закончил словами: «Необходимо смелее и решительнее врать с традициями старого академизма»<sup>18</sup>.

В.П.Волгин в том же 1931 г. опубликовал статью, посвященную реорганизации академии. Отмечая высокую научную ценность работ АН СССР в первые годы ее деятельности, автор констатировал, однако, ее определенную изолированность от социалистического строительства. Годом рождения новой академии, годом «реализации новых установок» он считал 1930 г. Новый устав академии, по словам В.П.Волгина, обязывал научный центр содействовать выработке единого научного метода на основе материалистического мировоззрения, изучать производительные силы страны, применять научные теории к практике социалистического строительства, предъявлять новые требования к действительным членам академического центра (требование научной квалификации было дополнено требованием «активного участия в социалистическом строительстве»). Актуальным направлением реорганизации академического центра автор статьи считал планирование научных исследований.

Одной из причин неприятия этой идеи он назвал гипертрофированный «крайний индивидуализм научных работников», при этом заметил, что у многих отрицательное отношение к плану носило политическую окраску и означало отрицательное отношение к власти и социальному строю, «насквозь пронизанному идеей плановости». Большую роль для работы Академии наук в новых условиях, по его мнению, сыграло «значительное обновление» научных кадров. Автор статьи замечал, что в научном центре работало большое количество людей высокой научной квалификации, но те из них, которые были враждебно настроены к социали-

стическому строительству и не могли принять «новые установки академии», являлись для нее «тяжелым балластом». Потребность же в сотрудниках, способных проводить в своих исследованиях научную методологию на основе материалистического мировоззрения, по его мнению, неизбежно ставила вопрос о пересмотре личного состава учреждения, о замене старых работников новыми, о подготовке новых кадров<sup>19</sup>.

Вопросы о преимуществах Академии наук в условиях социализма, направлениях ее реорганизации, а также о периодизации ее деятельности были рассмотрены А.С.Орловым. В начале статьи, опубликованной в 1932 г., автор замечал, что в первые годы революционных преобразований бережное отношение пролетариата к науке и сложная обстановка Гражданской войны способствовали консервации старого уклада в академии, ее замкнутости и автономии. Время 1917–1924 гг. А.С.Орлов характеризовал как существование научного центра «по старой инерции», когда «академия еще не могла называться и не была советской». Особое положение, по его словам, занимали Комиссия по изучению естественных производительных сил России и Комиссия по изучению племенного состава страны. Указывая на их появление во время мировой войны, на их связь с ней и преодолением ее последствий, ученый писал: «Каковы бы ни были намерения ее организаторов», работа этих комиссий «объективно оказалась весьма полезна». Среди отделов, входивших в состав Комиссии по изучению естественных производительных сил России в 1919 г., А.С.Орлов назвал Северный. Годом, которым завершался первый период «пооктябрьской» истории академии, он считал 1924 г., а переломным моментом и началом нового периода — 1925 г., когда академический центр был объявлен всесоюзным, когда усиливалось его участие в социалистическом строительстве, «пока пассивное, не единодушное и внутренне не организованное, но уже вполне реальное». Во второй половине 20-х гг. XX столетия, по словам А.С.Орлова, Академия наук приблизилась, но еще не пережила «своей Октябрьской революции». Он же сообщал, что в Комиссии по изучению племенного состава России к 1926 г. существовала

Урало-Мурманская подкомиссия, что в 1925 г. академия организовала, кроме Якутской комплексной экспедиции, еще 12 экспедиций, а постоянный рост этого вида академической работы вызвал к жизни новую структуру — Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик, преобразованный в 1928 г. в Комиссию экспедиционных исследований. С работой Особого комитета автор связал исследование Карелии и Севера (1927 г.). Резкую грань между прошлым и будущим академического центра, по мнению А.С.Орлова, провел Устав научного учреждения 1930 г., согласно которому предусматривалась перестройка академии в направлении, приближающем ее к обслуживанию потребностей социалистического строительства. О значении планированности в науке А.С.Орлов замечал следующее: «План есть самое мощное орудие классовой политики пролетариата на фронте научно-исследовательской работы»<sup>20</sup>.

К вопросу об изучении академией производительных сил страны в 1937 г. обратился И.М.Губкин. Развитие широкой деятельности по исследованию естественных богатств страны, по его словам, началось лишь в советское время, причем силами ряда академических структур (Комиссия по изучению производительных сил, Особый комитет по изучению союзных и автономных республик, Комиссия экспедиционных исследований, Комиссия по изучению Якутской республики, объединившиеся в 1930 г. в Совет по изучению производительных сил). Определяющим звеном в постановке вопроса о производительных силах он считал разработку В.И.Лениным плана научно-технических работ в апреле 1918 г., за которым в том же месяце последовало решение Совета народных комиссаров о правильном распределении промышленности и рациональном использовании хозяйственных сил<sup>21</sup>.

Достаточно подробно работа В.И.Ленина «Набросок плана научно-технических работ» рассмотрена в статье «Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за двадцать лет», опубликованной в «Вестнике Академии наук СССР» в 1937 г. Несмотря на то, что автор статьи не назван, текст, напечатанный в официальном периодическом ака-

демическом издании, представляется интересным и с точки зрения установления начала формирования определенного клише, характерного для последующей историографии советского периода, и потому, что содержит оценку деятельности Н.И.Бухарина, которая приоткрывает причину его (а может быть, и других ученых) страстных выступлений о преимуществах нового общественно-политического режима. Кроме того, статья позволяет оценить значение и пронаблюдать развитие идей великого В.И.Вернадского.

В.И.Ленин писал в ней о необходимости поручить Академии наук «изучение и обследование естественных производительных сил России». Суть этого поручения сводилась к формированию комиссии для разработки плана реорганизации промышленности и экономического подъема России, предусматривающего вопросы рационального размещения промышленности (близость сырья, наименьшие потери труда) и рационального слияния производства в немногих крупнейших предприятиях; самостоятельность Советской республики («без Украины и без занятых немцами областей») в снабжении себя основными видами сырья и промышленности; особое внимание к проблемам электрификации промышленности и транспорта, применения электричества в земледелии. Однако автор статьи отметил, что на ленинский призыв академия не откликнулась в то время, которое В.И.Ленин называл «трагическим моментом», когда социалистическая революция вступила «в наиболее опасный и тяжелый фазис», когда Советская республика переживала тяготы Брестского мира, разруху, контрреволюционный саботаж, «троцкистско-бухаринские провокации». По его словам, в 1918–1920 гг. «тяжелый и аморфный организм старой академии со скрипом и сопротивлением поворачивался к новым задачам», а значительное число академиков, не знакомых с марксизмом («некоторые из них даже враждебно относились к нему»), защищали право исследовать проблемы, далекие от практики. Переломным моментом в истории академии назван в статье 1929 г. (тогда в состав учреждения вошли 42 новых действительных члена, среди которых были люди, непосредственно связанные с практикой социалистического строительства), а

начало коренной перестройки отнесено к 1930 г., когда «архаичная структура академии, выросшая случайно и хаотично, была пересмотрена». Выступление некоторых академиков за автономию научного центра было квалифицировано автором как «псевдоним политического, организационного и научного отрыва Академии наук от практики социалистического строительства». Связав с реконструкцией народного хозяйства изучение естественных богатств страны, он упомянул исследования на Кольском полуострове, завершившиеся созданием там значительного индустриального центра, и разыскания А.Е.Ферсмана в Хибинах, в результате которых появились новые теоретические обобщения. Продолжая тему о дореволюционной академии, автор статьи перечислил негативные стороны ее деятельности – отрыв от практики, автономию, отдаленность от народа («старая академия находилась во власти антинародной клики»), «традиции раболепия» перед иностранцами<sup>22</sup>.

Авторы обобщающих трудов по истории Академии наук, опубликованных в 1945-м – конце 80-х гг. прошлого столетия<sup>23</sup>, также подчеркивали отличие и преимущества научного центра в условиях власти большевиков (исключение составляет текст «Введения» к «Очеркам по истории Академии наук. Геолого-географические науки», написанный В.А.Обручевым); сделали интересные наблюдения о неблагоприятном влиянии Первой мировой войны на развитие академии, о постепенном встраивании учреждения в ткань новой формации, об изменении характера научных работ, направленных, прежде всего, на выявление и исследование естественных богатств страны, учитывающих потребности промышленности и сельского хозяйства. Важным моментом этих работ является выработка представления о периодизации истории академии: 1889–1917 гг. – «на пороге нового времени»; 1917–1925 гг. – «первые годы советской власти»; 1926–1932 гг. – «борьба за реконструкцию народного хозяйства» и общая характеристика времени с 1917 по 1930 г.: «Академия наук еще не стала в те годы центром развития советской науки». Г.Д.Комков, Б.В.Левшин и Л.К.Семенов отметили: Первая мировая война «повысила значение северных морских границ России»,

что требовало планомерного систематического исследования Арктики. А появление Полярной комиссии, по их словам, стало значительным событием в истории научного центра, т.к. была создана специальная академическая структура для изучения полярных территорий и естественных богатств Севера. Кроме того, ученые назвали экспедиции, связанные с изучением Кольского полуострова под руководством А.Е.Ферсмана (с 1920 г.), с исследованием Новой Земли (1923–1925 гг.) и пролива Маточкин Шар (1924 г.). Середину 20-х гг. XX в. они характеризовали как время начала помощи академии развитию наук в национальных республиках и областях. А.В.Кольцов несколько расширил перечень академических предприятий для изучения северных территорий и назвал Олонецкую научную экспедицию 1919 г., направленную в Карелию; Пресноводную биологическую станцию Ленинградского общества естествоиспытателей (основана академиком И.П.Бородиным в 1896 г.), переведенную в 1926 г. в Карельскую АССР; исследования в Якутии; лесозооэкономическую экспедицию 1926 г., направленную академией в Карелию в ответ на просьбу Совнаркома КАССР. Подводя итоги экспедиционной деятельности Академии наук в 20–30-х гг., ученый писал, что проведенные исследования способствовали развитию экономики страны и культуры различных народов, ликвидации фактического неравенства и укреплению связей академического центра с союзными и автономными республиками.

Работа этого же автора – «Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России 1915–1930 гг.» (СПб., 1999), написанная в новых условиях истории России, резко отличается от предыдущей характеристикой способов вовлечения академии в систему социалистических отношений. Ученый пишет, что усиливавшееся с каждым годом давление государственных и партийных органов на Академию наук часто принимало «формы грубого вмешательства в ее внутреннюю жизнь». Особо он выделяет 1929 г., в августе которого Комиссия по проверке аппарата Академии наук приступила к работе, сопровождавшейся увольнением технических сотрудников и ученых «по политическим и дело-

вым качествам». А.В.Кольцов пишет, что тогда же был лишен работы А.Ф.Шидловский, специализирующийся на изучении Севера (причина – его работа в дореволюционное время олонекским губернатором). Появление в 1929 г. специальной Комиссии для расследования «академического дела» по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) ученый комментирует следующим образом: «Как видно, открывается дорога для прямого вмешательства в жизнь академии высшего государственного органа страны» и отмечает отставку С.Ф.Ольденбурга, массовые увольнения сотрудников академических учреждений, аресты академиков, нахождение в начале декабря 1929 г. «под следствием» более 100 сотрудников, в т.ч. тех, которые занимались организацией экспедиционных исследований. Одновременно ученый высоко оценивает деятельность самой академии, называя среди организационных центров исследовательских работ Комиссию для изучения естественных богатств России («наиболее динамичное учреждение Академии наук») и созданный по ее инициативе в декабре того же 1929 г. Совет по изучению производительных сил. При этом А.В.Кольцов подчеркивает, что все подразделения комиссии были созданы в соответствии с современными требованиями для решения практических задач<sup>24</sup>.

Тенденции, характерные для некоторых статей 30-х гг. и обобщающих трудов 1945 г. – конца 80-х гг., выразившиеся в утверждении преимуществ социализма, в противопоставлении работы научного центра дореволюционного и советского времени при одновременном признании заслуг отдельных ученых прошлых столетий и Комиссии по изучению производительных сил страны, отражены и в ряде статей 60–70-х гг. XX в. Так, Г.Д.Курочкин пишет, что именно деятельностью Комиссии по изучению производительных сил в Советском Союзе «было положено начало изучению и использованию минеральных ресурсов», на базе которых «выросла мощная индустрия первой социалистической страны»<sup>25</sup>. А в статье 1966 г. он привел краткие сведения о Северо-Уральской экспедиции 1925–1928 гг., точнее о подготовке к организации геолого-поисковых исследований полезных ископаемых<sup>26</sup>.



И.В.Батюшкова в сжатой форме рассмотрела организацию, направление разысканий Якутской экспедиции, Североуральской, Гыданской, Кольской, Северодвинской и сделала вывод о том, что в северных районах были проведены важные исследования, достигнуты существенные научные результаты в изучении геологического строения и полезных ископаемых Кольского полуострова, Гыданской тундры и Северного Урала<sup>27</sup>.

Вопросам деятельности Академии наук в Сибирском регионе посвящен сборник «Академия наук и Сибирь. 1917–1957 гг.» (Новосибирск, 1977). В.Л.Соскин опубликовал в названном издании статью «Академия наук СССР и Сибирь в первое десятилетие советской власти». Возобновление исследований в Арктике автор относит к началу 20-х гг. XX в., пишет о работах В.И.Ленина по проблемам Севера и «ленинском плане освоения Арктики». Привлекают внимание его сообщения об участии в 1920 г. гидрографов в вывозе хлеба из Сибири и Оби к северным морям в Архангельск, о работах сотрудников академии (Т.Б.Баярунас, И.Д.Стрельников, Т.И.Баженов) в научных наблюдениях 1921 г. Внимательно В.Л.Соскин рассматривает экспедиции Б.Н.Городкова, деятельность А.И.Толмачева. Определенным рубежом в работе Академии наук ученый считает середину 20-х гг., после которых последовало значительное расширение исследований. Среди причин этой ситуации он называет завершение периода восстановления народного хозяйства и переход к индустриализации страны. Свидетельством «новых тенденций» в работе академии В.Л.Соскин считает усиленное внимание к изучению «национальных окраин», в связи с чем останавливается на рассмотрении создания Комиссии по изучению Якутской республики, подготовительной работе академиков, роли Госплана и Совнаркома СССР. Он же выделил в деятельности Якутской экспедиции 1927–1928 гг., когда «в основном изучались северные территории Якутии»; писал о причастности к работе экспедиции местных партийных и советских органов, научного общества «Саха кэскилэ», отдельных исследователей Якутии<sup>28</sup>.

В этом же сборнике издана статья В.Н.Сакса «По следам первых геолого-географических экспедиций в Северную Сибирь». Подчеркивая

слабую связь академии с практикой в царское время, автор пишет об укреплении этой связи после социалистической революции 1917 г. Особенностью экспедиционной деятельности академического учреждения в первые годы Советского государства он считает ограничение ее территориями, приближенные к промышленным центрам, и вовлечение в народное хозяйство страны ее северных областей. Начало работ на северных окраинах Сибири он датирует 1923 г. (посещение академическими отрядами северных районов Западной и Средней Сибири с целью составления географических карт и общегеографического обследования территорий). Довольно подробно рассмотрены автором исследования Б.Н.Городкова в Пуровском районе, на восточном склоне Урала между Уралом и низовьем Оби, на Гыданском полуострове и работа Колымской геологической экспедиции, организованной в 1929 г.<sup>29</sup>

А.А.Запороженко, опубликовав в этом же сборнике статью «Организация геологических исследований в Сибири», замечает, что в полной мере изучение геологии началось лишь после социалистической революции. Обращаясь к истории Якутской академической комплексной экспедиции, А.А.Запороженко пишет об изучении Новосибирских островов, о том, что в 1928–1929 гг. на острове Большой Ляховский была построена геофизическая станция, а М.М.Ермолаев составил геолого-геоморфологический очерк этого острова<sup>30</sup>.

Отличительной чертой ряда работ 30-х гг. а также изданных в 1945-м – конце 80-х гг. (обобщающие работы и отдельные статьи), стало признание преимуществ особого значения советской эпохи. Работа В.И.Ленина «Набросок плана научно-технических работ», создание единого государства (формирование СССР), решения партии и правительства рассматривались как наиболее важные условия для развития производительных сил России. Одновременно исследователи значительно расширили представления о работах на северных территориях.

Упоминания, краткие очерки, рассмотрение отдельных сторон истории организации и деятельности Якутской академической комплексной экспедиции в 1925–1930-х гг., как и Комиссии по изучению Якутской авто-

номной республики, завершились изданием специальных монографических исследований Е.П.Виттенбург и Ю.Н.Ермолаевой<sup>31</sup>.

Ю.Н.Ермолаева, используя значительный разнообразный документальный и литературный материал, изучила организацию предприятия, различные аспекты деятельности экспедиции и Комиссии по изучению Якутии. Привлекает особое внимание обращение автора к вопросу о деятельности А.Е.Ферсмана и работе В.И.Вернадского в 1916–1917 гг. В книге Ю.Н.Ермолаевой находим строки о том, что А.Е.Ферсман начал заниматься изучением производительных сил в 1915 г., что по его инициативе в то время была создана Комиссия сырья и химических материалов. Относительно доклада В.И.Вернадского на общем собрании Комиссии по изучению производительных сил (декабрь 1916 г.), в котором он сформулировал положение о создании государственной сети научно-исследовательских институтов, Ю.Н.Ермолаева замечает: «По существу, это выступление стало программным документом для преобразования науки в последующие годы». Сообщает она и о статье В.И.Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой в России» (начало 1917 г.), в которой он, сообразуясь «с особенностями текущего момента», писал о необходимости «срочного, глубокого и полного изучения естественных производительных сил страны и прилегающих к ней стран» и сосредоточенности государственной деятельности на научном учете этих сил, изучении их свойств и особенностей. Новый период во взаимодействии власти и ученых Ю.Н.Ермолаева связывает с октябрьским переворотом 1917 г., после которого началось время, по выражению автора, их «странного сотрудничества», «альянса государственных и научных учреждений», когда одной из точек соприкосновения стали природные ресурсы страны. Определение «странное сотрудничество» автор уточняет цитатой из «Истории цивилизаций» Ю.В.Яковца: «И хотя революционный взрыв дал небывалый всплеск творческого поиска, раскованной культуры, вскоре методично, шаг за шагом, на нее надевали жесткую идеологически-репрессивную смирительную рубашку. Всякие попытки нестандарт-

ного, самостоятельного мышления, расхлебавшегося с идеологическими догмами, особенно в науке и культуре, немедленно пресекались, смельчаки отправлялись в лагеря или уничтожались»<sup>32</sup>.

Подводя итог развитию отечественной историографии до 1990 г., К.И.Зубков пишет, что освоение восточных территорий России исследователи связывали «с экономическими новациями большевистского режима», установками, свидетельствующими о «программном подходе к освоению богатств Азиатской России». По мнению автора, сформулированные в вышеназванных работах ленинские положения о материальной основе крупной индустрии за счет ресурсов Урала и Сибири; о рациональном размещении промышленности страны; о ее независимости, самостоятельности в снабжении основными видами сырья и промышленности, а также появление концепции Урало-Кузнецкой республики следует объяснять проблематичностью текущего момента и «не столько перспективно-программными» задачами, «сколько международно-политическими» (коллизии в связи с Брестским миром), политикой изоляции от капиталистических стран («социализм в одной стране»), поисками возможностей для стабилизации нового режима, идеей перенесения базы этого режима в тыл. Краеугольным камнем идеологии «социализм в одной стране» исследователь считает задачи социалистической индустриализации и укрепления экономической самостоятельности СССР; относит постановку вопроса о региональных приоритетах, связанного с политикой индустриализации, к середине 20-х гг. («восстановление экономики страны»)<sup>33</sup>.

В 2007 г. в издании «Одиссей» был опубликован отзыв С.Д.Серебрянного на публикацию Б.С.Кагановича «Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии» (СПб., 2006). Названную работу отличает интерес автора к вопросу о рубежах в истории отечественной Академии наук. Наиболее важным среди них он считает время, обусловленное Первой мировой войной и особенно революцией 1917 г. При этом автор отмечает, что некоторые выдающиеся представители дореволюционной культурной элиты России, не ушед-

шие в эмиграцию, попали в «мясорубку террора». Отмечая нелегкий путь интеграции Академии наук в новую общественную систему, С.Д.Серебрянный выделяет период в истории научного центра, когда у власти был В.И.Ленин, и утверждает, что между ним и академическим учреждением был заключен конкордат («Академия наук гарантирует свою лояльность новой власти» и участие в ряде ее программ; власть «гарантирует академии определенную независимость»). 1925 г. определен им как время «балансирования между различными альтернативами будущего развития», а 1928–1929 гг. — как курс кремлевской власти на «тотальный контроль над обществом», в том числе над академией<sup>34</sup>.

\* \* \*

Одним из достижений существующей историографии является определение основного вектора академических исследований в Арктике и на Севере в 1914–1930 гг. — изучение и освоение естественных производительных сил страны. Работы В.И.Вернадского, образование Комиссии по изучению естественных производительных сил России стали поворотным моментом в деятельности Академии наук, определив основное направление научных исследований на долгие годы. Научно-исследовательская деятельность Академии наук 1914–1930 гг. на Севере и в Арктике специально не рассматривалась и представлена главным образом экспедициями, либо в форме упоминаний о них, либо краткими описаниями некоторых предприятий. Наибольшую информацию о них содержат обзорные статьи А.Е.Ферсмана и П.В.Виттенбурга. Значительное количество сведений об организации этих предприятий, их участниках, маршрутах, результатах деятельности содержат сочинения, посвященные изучению деятельности отдельных академических структур, главным образом, комиссий, творчеству отдельных ученых (например, А.Е.Ферсмана), а также специальные исследования об организации и работах Якутской комплексной академической экспедиции (Ю.Н.Ермолаева, Е.П.Виттенбург). Рубежом в изучении северных территорий был назван 1920 год, когда по освобождению их от войск Антанты были начаты работы в европейской части страны (Кольский полу-

остров, Кольский залив, Лапландия, острова — Новая Земля и Вайгач, Ленинградская область, Белое море). Вторым значительным рубежом академических экспедиционных разысканий на Севере ученые считают 1925 год, когда изучение северных территорий значительно расширилось за счет Сибири (Якутская академическая комплексная экспедиция).

Для характеристики условий научных исследований 1914–1930 гг., воссоздания исторического фона научно-исследовательской деятельности того времени значительными являются наблюдения ученых об истории академического центра. Перечислив события, негативно отразившиеся на ведении научных разысканий (Первая мировая и Гражданская войны, социалистическая революция 1917 г. и время революционных преобразований), авторы значительной части сочинений, рассмотренных в данной работе, сформировали представление о пограничной ситуации, характерной для отечественной Академии наук 1917–1930 гг., когда в научном центре сформировалось особое культурное поле, пронизанное разнородными тенденциями, разнообразными контактами различных человеческих миров. Преобразование всех сфер жизнедеятельности сопровождалось разрушением нравственных ценностей ученого мира прошлой эпохи и одновременно — ростом творческого потенциала в области знаний, отвечающих интересам новой власти (в данном случае речь идет о науках, связанных с изучением и освоением производительных сил России). В Академии наук мир деятелей складывавшейся веками академической науки вошел в непосредственное соприкосновение с миром политических интересов защищавших и укреплявших свои позиции власти большевиков. Зоной столкновения, по наблюдениям исследователей, стали методология научных исследований, организация научной работы, кадровый состав. В результате взаимодействия этих разнонаправленных тенденций к 1930 г. сложилась обстановка, свидетельствующая, что бытие Академии наук как структуры советского режима приобрело достаточно устойчивый характер.

Сама историография темы на протяжении 1914 г. — начала XXI в. прошла не одну гра-

ницу, испытав в своем развитии особые перемены, обусловленные неоднозначным развитием отечественной истории. Остановимся лишь на некоторых моментах. Значительной вехой, гранью, разделившей отечественных ученых, стало отношение к деятельности дореволюционной академии. Если в работах первой четверти XX в. представлена высокая оценка ее работы, учитывая этапы развития отечественной и мировой науки, то в последующих сочинениях авторы, придерживаясь классового подхода в трактовках исторических событий и явлений, подчеркивая превосходство социалистического строя, историческую миссию Великой Октябрьской революции и пролетариата, заслуги В.И.Ленина, коммунистической партии и советского правительства, писали о негативных сторонах работы академического учреждения в прошлом (отрыв от практики и народа, автономия, раболепие перед иностранцами), противопоставляя современную им академию прежней. Однако, несмотря на принципиальные разногласия, исследователи были практически едины в высокой оценке экспедиционной формы научных исследований и достижений отдельных выдающихся ученых. Освобождение исторической науки от догматов марксистско-ленинского мировоззрения стало новым рубежом в отечественной исторической науке, способствовало появлению работ, опубликованных в конце 90-х гг. XX — начале XXI вв., авторы которых подчеркивают насильственный характер встраивания Академии наук в систему социалистических отношений, дают высокую оценку деятельности В.И.Вернадского, по-новому ставят вопросы о рубежах в истории отечественной Академии наук, связывают появление ленинских положений о материальной основе крупной индустрии с международно-политическими проблемами того времени.

#### ЛИТЕРАТУРА

- <sup>1</sup> Вернадский В.И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. — М., 1988. — С. 175, 191.
- <sup>2</sup> Вернадский В.И. Академия наук в первое столетие своей истории // Там же. — С. 207, 215, 220, 224–225, 229–230.

<sup>3</sup> Вернадский В.И. Об изучении естественных производительных сил России // Изв. Импер. Академии наук. — 1915. — Серия VI, № 8, — С. 679–681, 683–686.

<sup>4</sup> Вернадский В.И. О государственной сети исследовательских институтов. 1916 г. // Проблемы организации науки в трудах советских ученых. 1917–1930-е годы. — Л., 1990. — С. 67.

<sup>5</sup> Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России. 1917 г. // Там же. — С. 68.

<sup>6</sup> Вернадский В.И. Вопрос о естественных производительных силах в России с XVIII по XX в. (Фрагменты) // Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. — С. 333, 336–340.

<sup>7</sup> Анучин Д.Н. Наши северные экспедиции и Полярная комиссия АН // Землеведение. — 1915. — Т. 22, кн. I, II. — С. 59–60.

<sup>8</sup> Ольденбург С.Ф. Вопрос организации научной работы. 1923 г. // Проблемы организации науки в трудах советских ученых. 1917–1930-е годы. — Л., 1990. — С. 170–175.

<sup>9</sup> Ольденбург С.Ф. Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за двести лет. — 2-е изд. — Л., 1926. — С. 7, 9, 15, 18–21.

<sup>10</sup> Ольденбург С.Ф. К двухсотлетию Российской Академии наук // Научный работник. — М., 1925. — Кн. I. — С. 65–67.

<sup>11</sup> Ольденбург С.Ф. Первая отчетная выставка Академии наук // Вестник Академии наук СССР. — 1931. — №1. — С. 37.

<sup>12</sup> Ферсман А.Е. К двухсотлетнему юбилею Академии наук // Природа. — 1925. — № 7–9. — С. 5.

<sup>13</sup> Ферсман А.Е. Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи // Материалы Комиссии экспедиционных исследований. — Л., 1929. — Вып. 10. — С. 1, 4–6, 11–12, 14.

<sup>14</sup> Ферсман А.Е. Минералогия в Академии наук за 220 лет // Геолого-географические науки. — М.; Л., 1945. — С. 32–38; Ферсман А.Е., Власов К.А. Геохимия в Академии наук // Там же. — С. 38–44.

<sup>15</sup> Линденер Б.А. Исследовательская работа Академии наук СССР в советской обстановке // Научный работник. — 1925. — Кн. III. — С. 9, 10; Его же. Природные богатства СССР и их изучение Академией наук // Природа. — 1925. — №7–9. — С. 229–238.

<sup>16</sup> Виттенбург П.В. Экспедиции Академии наук с 1920 по 1925 гг. // Природа. — 1925. — № 7–9. — С. 221–228; Его же. Экспедиции Академии наук // Научный работник. — 1925. — Кн. III. — С. 25–26, 30.

<sup>17</sup> Штернберг Л.Я. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев // Природа. — 1925. — № 7–9. — С. 45–49, 54, 56; Борисяк А.А. Геологический музей Академии наук в русской геологии // Там же. — С. 103, 105–112; Берг Л.С. Роль Академии наук в истории географических открытий // Там же. — С. 148–149.

<sup>18</sup> Бухарин Н.И. Наука в СССР // Печать и революция. – 1927. – Кн. 7. – С. 7–14; *Его же*. О планировании научно-исследовательской работы // Вестник Академии наук СССР. – 1931. – № 1. – С. 13–17, 21, 22–24.

<sup>19</sup> Волгин В.П. Реорганизация Академии наук // Там же. – С. 9, 11–12.

<sup>20</sup> Орлов А.С. Всесоюзная Академия наук за 15 лет // Там же. – 1932. – №11. – С. 1, 3, 6, 9–12, 16.

<sup>21</sup> Губкин И.М. Совет по изучению производительных сил СССР // Там же. – 1937. – № 10–11. – С. 121.

<sup>22</sup> Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за двадцать лет // Там же. – С. 7–8, 10, 15–16.

<sup>23</sup> Очерки по истории Академии наук. Геолого-географические науки. – М.; Л., 1945; Князев Г.А. Академия наук СССР за 30 лет // Вестник Академии наук СССР. – 1947. – №11; Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. – 2-е изд. – М.; Л., 1957; История Академии наук СССР. – Т. 1. (1724–1803) / гл. ред. К.В.Островитянов. – М.; Л., 1958; Т. 2. (1803–1917). – М.; Л., 1964; Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. – 2-е изд. – В 2 т. – М., 1974; Левшин Б.В. Академии наук СССР 250 лет. – М., 1974; Кольцов А.В. Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932 гг. – Л., 1982. *Его же*. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. 1917–1961 гг. – Л., 1988.

<sup>24</sup> Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. 1917–1961 гг. – Л. 1988.

<sup>25</sup> Курочкин Г.Д. Из истории изучения Академией

наук минеральных ресурсов Советского Союза // К истории открытия и изучения месторождений полезных ископаемых. – М., 1963. – С. 8.

<sup>26</sup> Курочкин Г.Д. Исследования минеральных ресурсов Урала экспедициями Академии наук СССР (1925–1945) // История исследований полезных ископаемых экспедициями Академии наук СССР. – М., 1966. – С. 73–74.

<sup>27</sup> Батюшкова И.В. Геологические исследования Академии наук СССР (1925–1930) // Там же. – С. 30–39, 41–67.

<sup>28</sup> Соскин В.Л. Академия наук СССР и Сибирь в первое десятилетие Советской власти // Академия наук и Сибирь. 1917–1957 гг. – Новосибирск, 1977. – С. 20–21, 23–24.

<sup>29</sup> Сакс В.Н. По следам первых геолого-географических экспедиций в Северную Сибирь // Там же. – С. 63–66.

<sup>30</sup> Запороженко А.А. Организация геологических исследований в Сибири // Там же. – С. 76.

<sup>31</sup> Виттенбург Е.П. Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1930 гг.): организация и методика работы: исторический очерк. – Якутск, 2008.

<sup>32</sup> Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг. Развитие науки в Якутии. – Новосибирск, 2001. – С. 17–19, 21, 24–25.

<sup>33</sup> Алексеев В.В., Зубков К.И., Алексеева Е.В., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв. – М., 2004. – С. 78, 80, 82–83.

<sup>34</sup> Серебрянный С.Д. Науки и власть в России. Актуальные размышления над современной книгой // Одиссей 2007. – М., 2007. – С. 358, 368–369.

*D.A. Shirina*

**The domestic Academy of sciences: scientific exploration of the Arctic and North. 1914–1930.  
(Historiographical sketch)**

The article considers historiographical material from 1912 – the beginning of the 20th century which represents the activities of the domestic academy during the epoch of grandiose social transformations starting from the emergence of a special academic structure (Polar commission) and ending with 1930 which marked radical restructuring of the work of the scientific centre. Shown are peculiarities, stages and frontiers in the exploration of northern territories. Underlined is the decisive role of V.I. Vernadsky's works in the determination of the principal vector of academic research in the Arctic and in the North.

*Keywords:* Academy of sciences, Arctic, North, industrial forces, historiography

Л.Н.Жукова

## Этнография и фольклор одулов (лесных юкагиров) о древних формах погребений

Статья посвящена традиционным способам захоронений лесных юкагиров в конце XIX – начале XX вв. Самые древние имеют аналоги у финноугорских народов Западной Сибири: труположение на земле (в легких шалашах), на дереве. От тунгусов заимствованы воздушные захоронения на столбах. Грунтовые могилы появились с принятием христианства.

Автор обнаруживает аналогии в похоронных обрядах юкагиров, финноугорских народов Западной Сибири и тунгусов.

*Ключевые слова:* захоронения грунтовые, наземные, воздушные; ивовый шалаш, типологические параллели.

Представления народов Севера о Времени и Человеке были неразрывно связаны с воззрениями на смерть и выражались в существовавших различных способах погребения умерших. Понимание этой взаимозависимости заложено в мифопоэтической картине мира. В соответствии со стадиальными изменениями воззрений на строение мифологической Вселенной менялись и представления о ее внутренних связях. Как хронологически изменялся «облик» особого мира мертвых, загробной жизни умерших и возможности их возвращения (инкарнации) в мир живых показывают различные формы погребений и погребальной обрядности народов Севера.

Погребальная обрядность юкагиров, как и многие другие аспекты древней культуры этого народа, изучена недостаточно. Этнографические материалы показывают, что юкагирам были известны несколько способов захоронений, наиболее распространенными среди них были захоронения тунгусского типа – воздушные на столбах, стволах деревьев, пнях или на земле. Такие воздушные захоронения на помостах *курул* и христианские погребения в земле были рассмотрены и описаны пионером юкагироведения В.И.Иохельсоном в конце XIX – начале XX в. Исследователь считал, что до принятия христианства юкагиры не знали подземных (грунтовых) захоронений<sup>1</sup>.

О том же писал первый из числа малочисленных народов Севера ученый-экономист,

одул из местечка Нелемное Н.И.Спиридонов (Тэки Одулок) в своем исследовании о родном народе. «Предавать покойника земле – большой грех и мучение для покойника и его живых сородичей. Последний способ, однако, под влиянием христианства стал отчасти также применяться»<sup>2</sup>. Если придерживаться высказанной этими исследователями точки зрения, то следует считать обнаруженные археологами на территории Якутии древние грунтовые захоронения, не принадлежащими древнеюкагирской культуре. Они могли быть оставлены древними пришлыми группами населения преимущественно южного происхождения. В таком случае не верно рассматривать антропологические характеристики и сопровождающий инвентарь редких грунтовых погребений и могильников неолитического времени, бронзового и раннего железного веков как праюкагирские.

В начале XX в. Н.И.Спиридонов (Тэки Одулок) сделал краткое описание сезонных древнеюкагирских способов захоронения умерших. Зимой покойнику сооружали из веток лиственницы или стволов ивы шалаш, обращали его на юг к солнцу и засыпали снегом. Летний погребальный обряд нес следы глубокой архаики. «Выбирают потолще дерево, на ветвях которого делают надстилку из толстых ветвей на подобие орлиного гнезда, и сверху подстилают свежие и пахучие ветви лиственницы, где укладывают покойника, наряженного в легкий летний

костюм»<sup>3</sup>. Архаика летнего ритуала сопоставима с древним одульским способом лечения бездетной женщины, когда та для внебрачного зачатия ищет червя на дереве в разросшейся «копне» ветвей. «На высоких деревьях растут иногда целые копны сучьев с одного места, которые образуют веерообразный навес. Нужно подняться на дерево и срубить их, и если в основании их женщина найдет белого червя и съест его, то тогда может получиться внеполовое зачатие и ребенок»<sup>4</sup>. Погребальное и лечебное для воспроизведения новой жизни обрядовые действия связаны с деревьями и могут указывать на зоо-, орнитоморфный код жизни: присутствует подобие птичьего гнезда («веерообразный навес»), в котором хоронят умершего или отыскивают душу ребенка в виде червя-зародыша. Душа умершего или новорожденного имеет отношение не к стихии земли, или воды, а к воздушной среде, причем через посредство дерева. Дерево является медиатором между человеком и небесным божеством (образ Мирового Древа). Это элементы культуры лесных жителей. Обряды выполнялись в теплый период года: с прилетом птиц и их гнездованием, с усилением солнечной активности оживала жизнь таежных обитателей. На главном одульском празднестве в начале лета, длившемся почти месяц, исполнялись пантомимические импровизационные танцы с имитацией движений и голосов птиц.

Зимнее захоронение юкагиров в шалаше нашло отражение в материалах устного народного творчества и этнографии. В.А.Туголуков со ссылкой на Н.И.Спиридонова (Тэки Одулока) писал о шалаше «конической формы, как чум, но с закругленным верхом из-за отсутствия дымового отверстия («глухой»)». Шалаш подобного типа мне приходилось встречать у селькупов в Туруханском районе Красноярского края. Селькупы его называют *кумар*. Каркас этого шалаша сделан из полутора-двух десятков тонких молодых деревцов (например, березок), воткнутых в землю по кругу и связанных вместе вершинами»<sup>5</sup>.

Аналог такому легкому жилому сооружению обнаруживается в этнографических реалиях одулов недавнего времени. Старые люди из верхнеколымских юкагиров еще в

начале – середине XX в. на местах летних рыбалок, на островах ставили себе отдельный небольшой ивовый дом (шалаш) рядом с жилищем взрослых семейных детей. В нем жили в одиночестве, отдыхая и занимаясь своими делами (информация одула В.Г.Шалутина, с. Нелемное Верхнеколымского района РС(Я)), он же соорудил на берегу р. Ясачной такой шалаш из тальниковых стволов. Каркас был сделан из трех жердей, использованы тонкие стволы тальников с ветками и листьями, не связанные в вершине. В одульском летнем шалаше не было кострища, в жаркий летний день он давал тень и приятный ароматный воздух. Пребывание старого человека еще при жизни в ритуальном доме обнаруживает соотнесенность с темой смерти и ее будущего преодоления через реинкарнационные представления. Как известно, юкагиры и другие народы Севера оставляли покойников в домах, в которых те умерли. Поэтому ивовый шалаш как временное жилище старого человека порой становился его надмогильным сооружением.

Интересно, что легкие погребальные постройки без дымового отверстия существовали у многих народов Сибири. Так, один из способов погребения у нганасан был таким: покойного, завернутого в шкуры, укладывали прямо на землю, зимой зарывали в снег или оставляли на поверхности земли в шалаше из лесин<sup>6</sup>. Энцы «обычно покойного оставляли на нартах в вытянутом на спине или сидячем положении. Над нартами делали чум из лесин без дымового отверстия, обвязывали его, как обычный чум, веревками, не оставляя входа»<sup>7</sup>. Ительмены «желающего умереть помещали в специально сооруженный из травы шалашик, где он и умирал от голода или замерзал. Этот шалашик и служил ему надмогильным памятником»<sup>8</sup>. У тунгусов-оленевонов «тело без гроба прикрывалось ветвями либо над ним водружали шалаш или "балаган"»<sup>9</sup>. Погребальные традиции обнаруживаются и в фольклоре тунгусов. В тунгусской сказке мальчик-карлик соорудил себе юрту из лиственничных веток. Он ничего не ел, только разрисовывал свой живот углем<sup>10</sup>. Можно привести параллель с южносибирскими этнографическими материалами. «На

юге Тувы шаманов иногда хоронили в сооружении, которое называлось *чадыр*, что означает «чум, шалаш, шатер». Оно представляло собой небольшой конический шалаш из жердей»<sup>11</sup>.

Таким образом, юкагирские этнографические материалы конца XIX – начала XX в. показывают, что легкий шалаш *өнмиэдиэ нумэ* 'дом из молодых лиственниц', не имевший кострища, летом служил персональным жилищем стариков, зимой его сооружали в качестве погребального.

В этнографической литературе высказано предположение о том, что древнейшими способами захоронения у народов Сибири были следующие: оставление покойника на земле на съедение диким животным, птицам и собакам, помещение тел на ветвях деревьев или на помосте. «В настоящее время трудно установить, восходят ли эти древние формы к одному типу или развились самостоятельно, независимо друг от друга. Видимо, именно эти формы господствовали в эпоху заселения человеком Крайнего Севера и проникновения его в Америку»<sup>12</sup>. Как показывает скудный этнографический материал, все перечисленные формы древних погребений зафиксированы у юкагиров верхней Колымы. Устное народное творчество одулов дополняет, уточняет и расширяет сведения этнографии. Обратимся к имеющемуся в фольклоре описанию погребального сооружения.

В наиболее архаичном цикле сказок о людоеде *Чуолиды Полут'е* описан широко распространенный у многих народов Сибири способ хоронить умерших в особом сооружении – травяном, ивовом или из стволов лиственницы шалаше.

В «Сказке о Луннолицем» людоед приходит к дому девушки, защитником выступает ее родной брат. Одолев противника, над ним «юноша соорудил из ивовых веток юрту, как это делают для особых покойников», и, вернувшись домой, женился на сестре. Утром девушка вошла в ивовую юрту и увидела там прекрасного юношу, который расчесывал волосы. Она спросила: «Хороший человек, откуда ты пришел?». Юноша ответил: «Я умер как Луннолицый, а возродился как человек»<sup>13</sup>.

В тексте «О Маленькой Старушке сказка»<sup>14</sup> после того, как Старушка победила

*Чуолиды Полут'а*, она отсекла голову, вытащила тело из дома и соорудила над ним *өнмиэдиэ нумэ* 'лиственничный дом'. Сама же вернулась в свой дом и легла спать. Наутро она проснулась молодой девушкой в прекрасном доме, а в середине *өнмиэдиэ нумэ* сидел красивый юноша, расчесывая голову (волосы). «Посмотрев друг на друга, они поженились».

Пребывание тела старика-людоеда в погребальной постройке, вероятно, предполагает его реинкарнационное возвращение к жизни в молодом облике. П.Е.Прокопьева сравнивает возведение погребального шалаша над древним стариком с юкагирской традицией помещать фрагменты тела умершего и расчлененного шамана в специально сооруженном для этой цели доме<sup>15</sup>. Этот древний погребальный обряд записал В.И.Иохельсон в 1896 г. со слов юкагира Н.Самсонова<sup>16</sup>. В специальном сооружении – ивовом доме хоронили мягкие ткани шамана без головы и костей вместе с жертвенными собаками. Разделенные на пай кости шамана члены рода зашивали в кожаные мешочки и носили под одеждой как амулеты. «Амулеты защищали путника от бед, а также приносили удачу на охоте и войне»<sup>17</sup>. Из черепа, который брал самый близкий родственник, изготавливали родовую святыню, называемую *хойл* 'бог'. К черепу приставляли сделанное из дерева туловище, которое одевали в верхнюю и нижнюю вышитую одежду. На череп, очевидно, накладывали маску, потому что В.И.Иохельсон записал: «Для его лица одежду делали, места для глаз белые делали, рот ему тоже делали», сверху надевали шапку. Такого хойла заворачивали в ровдугу и сажали в переднем углу жилища. При каждой еде символически кормила *хойла* и огонь. Бог (*хойл*) становился родовой святыней, использовался в гадании перед тем, как начать какое-либо дело.

Аналогичные сведения записаны в первой половине XVIII в. участником Второй Камчатской экспедиции Я.И.Линденау. Исследователь писал, что юкагирский бубен «сделан из кожи шаманов, которую они сдирают после их смерти и натягивают на деревянную основу. С костей соскабливают мясо, и кости собирают в скелет, одевают в платье, как человека, и почитают скелет как боже-



ство.. помещают такие наряженные кости постоянно наверху в своих юртах, иногда по 10–15 штук... Во время путешествия и на охоте юкагиры берут эти кости в нартах... сажают на постели, покрытые оленьими шкурами, всех в кружок, как живых»<sup>18</sup>.

Из текста можно заключить, что Я.И.Линденау и В.И.Иохельсон зафиксировали один и тот же обряд изготовления юкагирами родовых святынь. Этот весьма архаично выраженный культ предка-покровителя существовал у юкагиров Яны, Индигирки, Колымы еще в начале XX в.

Неожиданные параллели обнаруживаются в традиционных культурах и искусстве народов Юго-Восточной Азии, где к черепу родственника приделывали деревянную статуэтку в сидячей позе, а в глазницы вкладывали белые раковины<sup>19</sup>.

Традиционно изготавливали изображения умерших предков народы Якутии (эвенки, эвенки, якуты)<sup>20</sup>, финноугорское население Западной Сибири. Манси после похорон человека изготавливали куклу *иттырма*. «В первое время после похорон эту куклу берут к столу во время еды и в ее ящичек кладут самую лакомую пищу»<sup>21</sup>. Селькупы после похорон шамана делали куклу. «Ее некоторое время хранили дома и носили с собой на охоту. По истечении определенного срока ее заворачивали в бересту, подвешивали на дерево, а некоторое время спустя, сжигали»<sup>22</sup>. То же у ненцев: «По прошествии некоторого времени после похорон изготавливали изображения мертвых, которые хранили женщины. Через несколько лет после смерти шаман «проводил душу» умершего в загробный мир»<sup>23</sup>.

Выраженный таким образом культ предков у народов Севера возник, по-видимому, в дошаманский период и был вызван желанием не только не расставаться с уважаемыми и мудрыми людьми, но продолжать пользоваться покровительством и помощью их, уже находящихся в ином физическом состоянии. Тела предков мумифицировали (сушили) либо использовали отдельные фрагменты тела для изготовления «куклы» (череп, кости, мягкие ткани), в позднее время просто делали «куклу» из дерева. Родовая святыня почиталась как помощник и охранитель более сильный, чем живые соплеменники. Ныне у юкагиров одним из

выражений культа предков являются антропоморфные изображения остроголового человека на мягких материалах — узор *өнмиэдиэ*.

Культурно-генетические контакты с тунгусами, а также влияние христианства способствовали распространению воздушных захоронений тунгусского типа и грунтовых могил.

## ЛИТЕРАТУРА

<sup>1</sup> Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. — Новосибирск: Наука, 2005. — С. 305–321.

<sup>2</sup> Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. — Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 1996. — С. 52.

<sup>3</sup> Там же. — С. 51–52.

<sup>4</sup> Там же. — С. 45.

<sup>5</sup> Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М.: Наука, 1979. — С. 87.

<sup>6</sup> Семейная обрядность народов Сибири: (Опыт сравнительного изучения). — М.: Наука, 1980. — С. 149.

<sup>7</sup> Там же. — С. 152.

<sup>8</sup> Там же. — С. 222.

<sup>9</sup> Там же. — С. 175.

<sup>10</sup> Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. — С. 420.

<sup>11</sup> Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). — Новосибирск: Наука, 2008. — С. 198.

<sup>12</sup> Семейная обрядность народов Сибири... — С. 229.

<sup>13</sup> Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. — С. 342–343.

<sup>14</sup> Там же. — С. 350–354.

<sup>15</sup> Прокопьева П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. — Новосибирск: Наука, 2009. — С. 86.

<sup>16</sup> Иохельсон В.И. Материалы по юкагирскому языку и фольклору, собранные в Колымском округе. — Якутск: Бичик, 2005. — № 37.

<sup>17</sup> Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. — С. 238.

<sup>18</sup> Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. — Магадан: Кн. изд-во, 1983. — С. 155.

<sup>19</sup> Мириманов В.Б. Малая история искусств: (Первобытное и традиционное искусство). — М.; Дрезден: Искусство, VEB VERLAG DER KUNST, 1973. — С. 286–287.

<sup>20</sup> Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов... — С. 207–208;

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 30–31; Семейная обрядность народов Сибири... – С. 200–201.

<sup>21</sup> Семейная обрядность народов Сибири... – С. 236.

<sup>22</sup> Там же. – С. 155.

<sup>23</sup> Там же. – С. 147.

*L.N. Zhukova*

## The Odul (the Forest Yukagir from Upper Kolyma) folklore and ethnography about ancient forms of burials

In the late 19th – early 20th centuries, the Oduls (the Forest Yukagirs from Upper Kolyma) knew several methods of burying dead bodies. The most ancient ones have analogies with the Finno-Ugric peoples of Western Siberia: dead body is put on land (in light cabins), on wood. They borrowed from Tungusic peoples the air burials on pillars. The subsoil burials appeared together with the adoption of Christianity.

*Keywords:* subsoil, ground, air burials; willow cabin, typological parallels.

УДК 94(47)(094.1)

*А.А. Павлова*

## Законодательное регулирование отдельных видов иных мер уголовно-правового характера в дореволюционной России

Основываясь на дореволюционном уголовном законодательстве, автор отслеживает процесс становления мер уголовного воздействия, альтернативных уголовному наказанию. Проведенный анализ позволяет утверждать, что основные виды иных мер уголовно-правового характера, регламентирующиеся по действующему уголовному законодательству, не имея обобщающего названия, имели место быть на протяжении всей истории уголовного права России.

*Ключевые слова:* дореволюционное уголовное законодательство, меры медицинского характера, меры воспитательного воздействия, конфискация имущества, условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочка отбывания наказания, институт иных мер уголовно-правового характера.

Первым актом, в котором обнаруживается прототип одного из видов иных мер, законодательно закрепленных в УК РФ, в дореволюционном уголовном законодательстве является Русская Правда. В качестве одной из мер уголовно-правового воздействия за совершенное преступление в Русской Правде была закреплена конфискация имущества, подразумеваемая под наказанием, называемым «поток и разграбление», и применяемая за «убийство в разбое», «за под-

жог», «за конокрадство»<sup>1</sup>. А.В.Наумов предполагает, что прообраз конфискации имущества как вида наказания под названием «поток и разграбление» «могло означать и убийство осужденного, и разграбление его имущества, и изгнание с конфискацией имущества, и продажу в холопы»<sup>2</sup>. Э.В.Георгиевский, к мнению которого мы присоединяемся, конфискацию имущества, лишение имущественных прав и даже уничтожение имущества виновного лица<sup>3</sup> рассматривает под термином «разграбление».

© А.А.Павлова, 2011.

В Двинской (конец XIV в.) и Белозерской уставных грамотах (конец XV в.) упоминается такое дополнительное наказание, как отбирание имущества. Лишение имущества в качестве дополнительного наказания к изгнанию, смертной казни и телесным наказаниям предусматривалось и в Судебнике 1497 г. и, по мнению В.С. Егорова, являлось по своей сути аналогом конфискации имущества<sup>4</sup>.

Более детально конфискация имущества рассматривалась Соборным Уложением царя Алексея Михайловича 1649 года и назначалась в основном в качестве дополнительного наказания к смертной казни за политические преступления. Примечательно, что конфискованное имущество передавалось либо государю, либо *лицам, которые способствовали раскрытию политических преступлений* (курсив мой. — А.П.). Смеем предположить, что с помощью данного вида наказания стимулировались доносы, ослаблялись политические противники, и, конечно же, увеличивались доходы как государя, так и доносчиков. Этому же мнению придерживается Карнович: «...готовилась опала сильного и богатого сановника не только из личной к нему неприязни, но и из желания поживиться отобранным у него имением»<sup>5</sup>.

В период правления Петра I конфискация имущества как уголовное наказание применялось очень широко. В артикуле Воинском 1715 г. полная или частичная конфискация имущества относилась к имущественным уголовным наказаниям, наряду со штрафом и вычетом из жалования, и применялась за религиозные, государственные преступления<sup>6</sup>. Конфискация также предусматривалась за воинские преступления по Воинскому уставу 1719 г. В этот период конфискация так же, как и ранее, была дополнительным видом наказания и присоединялась к таким наказаниям, как смертная казнь, каторга или телесные наказания<sup>7</sup>. Отметим, что уголовное законодательство Петровской эпохи отличалось особой жестокостью, для него было типичным несоответствие между тяжестью преступления и характером наказания, главной целью наказания устанавливалось устрашение, наказания были жестокими, что свидетельствует о европейском влиянии того времени. Так, за

торговлю с рук готовым платьем была предусмотрена каторга и конфискация имущества, за сон солдата на карауле — смертная казнь и т.д.

При этом необходимо отметить, что эпоха Петра I ознаменована и определенными позитивными переменами в отношении некоторых категорий лиц, совершивших преступные деяния.

Законодательство допетровского периода не содержало каких-либо норм о принудительном лечении лиц, страдающих психическими заболеваниями, совершивших общественно опасное деяние. Первые упоминания о невиновности душевнобольных, совершивших убийство, установлены в Соборном Уложении 1649 г. после появления в 1669 г. ст. 79 «Новоуказные статьи о татьбах, разбойных и убийственных делах»<sup>8</sup>. Данные лица заключались в монастыри для «призрения», но не для излечения. При этом в монастырь заключались не все душевнобольные, уличенные в совершении общественно опасного деяния, а только те из них, которые совершили преступления против государственной власти и религиозных установлений, остальная часть оставалась среди населения. Отношение к душевнобольным в монастырях было жестокое: для усмирения их держали в кандалах, пытали «для изгнания беса» и т.д. В целом, вплоть до XVIII в. задачей государства являлось лишь ограждение общества от данной категории людей.

Петром I была сделана первая попытка закрепить в законодательстве норму о принудительном лечении душевнобольных. Так, по Указу от 1723 г. были установлены запрет на отправку данных лиц в монастыри и обязанность учредить госпитали, возложенная на Главный магистрат. Однако после смерти Петра I, упразднения Главного магистрата, 12 мая 1725 г. был издан сенатский указ «Об отсылке беснующихся в Святейший Синод для распределения по монастырям», которым на монастыри вновь возлагалась обязанность содержать таких больных в особых помещениях, «имея над ними надзирание, чтобы они не учинили какого себе и другим повреждения»<sup>9</sup>. Таким образом, монастыри оставались на протяжении длительного времени местом содержания душевнобольных для их усмирения и изоляции от общества,

без применения к ним каких-либо мер медицинского характера. В дальнейшем, вплоть до 1761 г., когда Петр III повелел отдавать душевнобольных не в монастыри, а в специально для них построенные дома (представляется, что они являлись прообразами психиатрических лечебниц), издававшиеся указы касательно положения душевнобольных практически повторяли положения, уже принятые ранее, и в основном регулировали вопросы направления душевнобольных для призрения в монастыри. Окончательно монастыри перестают быть местом содержания душевнобольных с 1775 г., после учреждения Екатериной II «Приказа общественного призрения и его должности», в ведении которого находилось управление народными школами, госпиталями, приютами для больных и умалишённых, больницами, богадельнями и тюрьмами. Позже, с момента издания Именного Указа «Об учреждении больниц и богаделен», в 1785 г., психически больные люди передаются под наблюдение врачей.

В 1782 г. в России появляется норма о принудительном лечении алкоголиков. Устав благочиния или полицейский в ст. 256-й предписывал обязательное помещение в смиренный дом тех, кто «злообычен в пьянстве, непрерывно пьян, нежели тверез» до их исправления<sup>10</sup>. Представляется, что данная мера применялась в качестве полицейской меры в отношении всех лиц, страдающих алкоголизмом, и не являлась мерой уголовно-правовой, однако являлась ее зачатком, введенным в уголовное законодательство в советский период.

Кроме попытки законодательно закрепить положения о принудительных мерах медицинского характера в отношении душевнобольных, в петровский период были установлены некоторые меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетних. Так, в толковании к ст. 195-й артикула Воинского 1715 г. была закреплена возможность замены наказания несовершеннолетним за воровство «поркой» лозами, т.е. мерами воздействия со стороны родителей<sup>11</sup>. Об этих мерах Ю.Е.Пудовочкин высказался следующим образом: «... не можем рассматривать наказание лозами собственно как наказание, так как оно применялось не от

имени государства, а «порка» была не менее обычным воспитательным средством, чем убеждение. В силу этого мы усматриваем в «лозах» некий прообраз современных мер воспитательного воздействия, при помощи которых государство, освобождая несовершеннолетнего от уголовной ответственности, принуждало его к соблюдению уголовно-правовых норм»<sup>12</sup>. Соглашаясь с мнением Ю.Е.Пудовочкина, отметим, что в этом случае возникает вопрос, являются ли эти несовершеннолетние субъектами уголовного права и какова природа этих мер – правовая или педагогическая. Представляется, что в данном случае государство выводит несовершеннолетних за рамки правовых отношений и рекомендует применять к ним чисто педагогические меры.

Продолжая анализ законодательных актов касательно исторических видов иных мер уголовно-правового характера, можно выделить Жалованную грамоту дворянству (1789 г.) Екатерины II, в которой она частично отменила конфискацию имущества. Этим актом Екатерина II освободила дворянство от общей конфискации имущества<sup>13</sup>. По нашему мнению, в этом действии Екатерины II отразились европейские передовые мысли того времени о полном отказе от конфискации имущества, как вида уголовного наказания, в частности, идеи гуманиста - просветителя Чезаре Беккариа. Позднее, в 1802 г., Александр I своим указом распространил освобождение от конфискации на купеческое, мещанское и земледельческое состояния.

Проведенная Николаем I систематизация российского уголовного законодательства, выразившаяся в издании Свода законов уголовных 1832 г. и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) впервые на законодательном уровне закрепила возможность принудительного лечения лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости. В Своде законов устанавливалось освобождение «безумных и сумасшедших» от наказания и применение к ним принудительного лечения «в долгаузах отдельно от других пациентов»<sup>14</sup>, а в Уложении о наказаниях более полно отрегулированы вопросы применения к ним данной меры воздействия. В Уложении впервые

даны определение понятия невменяемости как уголовно-правовой категории и основания применения принудительного медицинского лечения, разграничены юридический и медицинский критерии невменяемости, определены такие виды принудительного лечения, как отдача на попечение родственников, родителей, опекунов и возложение на них обязанности надзора за душевнобольным; заключение в дом для душевнобольных. Выбор вида принудительного лечения производился судом в соответствии с Циркуляром министра юстиции от 18 июля 1873 г.<sup>15</sup> Интересным моментом Уложения является приравнивание к невменяемым глухонемых, совершивших общественно опасное деяние, освобождение их от ответственности и назначение им принудительного лечения (ст.98). Полагаем, что это связывалось с тем, что человек без слуха и речи, из-за отсутствия должного воспитания и образования, не может знать о законодательных установках на запрет того или иного деяния.

В указанных выше актах – Своде законов Российской империи и Уложении о наказаниях уголовных и исправительных также регулировались вопросы применения конфискации имущества, сформулированного как «отобрание имущества», относимого к дополнительным наказаниям, наряду с церковным покаянием и отдачей под надзор полиции. В Уложении конфискация имущества делилась на общую (полную), которая назначалась за преступления политически-изменнического характера и предусматривала отобрание всего, и специальную, предполагающую конфискацию орудий и средств преступления. Специальная конфискация позже предусматривалась и в ст.2 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 г.)<sup>16</sup>.

Тем же Уставом 1864 г. (в редакции от 1897 г.) несовершеннолетние от 10 до 14 лет, совершившие преступные деяния, вместо применения к ним наказания, по усмотрению мирового судьи, могли отдаваться под ответственный надзор родителям, опекунам или иным родственникам для «домашнего исправления» при согласии последних<sup>17</sup>.

Следующим видом ныне имеющихся иных уголовно-правовых мер, с которым и

мы сталкиваемся в истории дореволюционного уголовного законодательства, является отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. Данная мера уголовного воздействия в пору своего становления регулировалась не уголовным законодательством, а уголовно-процессуальным, хотя и разрабатывалась в теории уголовного права и называлась отсрочка исполнения приговора. По мнению Ф.К.Набиуллина, замена законодательной формулировки отсрочки продиктована тем, что «отсрочка исполнения приговора отражает не материальный, а уголовно-процессуальный аспект. Исполнение приговора – это категория уголовно-процессуального права»<sup>18</sup>. Однако, невзирая на изменение наименования, суть отсрочки, применяемой к указанной категории женщин, на сегодняшний день существенно не изменилась.

Как отмечено выше, изначально отсрочка была закреплена в нормах уголовно-процессуального законодательства, в таких актах, как Устав уголовного судопроизводства (1864 г), ст. 297-я и 464-я Устава о ссыльных (1857 г), ст. 182-я и 183-я Устава о содержащихся под стражей (1890 г). Так, на основании ст.959-и Устава уголовного судопроизводства отсрочка исполнения приговора распространялась на осужденных в случае болезни, препятствующей отбыванию наказания, беременных женщин и рожениц, а также женщин, «питающих грудью младенцев»<sup>19</sup>. Применение отсрочки зависело от двух групп условий – естественных и юридических. В отношении рассматриваемой категории женщин имела значение первая группа условий, которая включала в себя беременность и роды, при которых отсрочка личного наказания предоставлялась до истечения 40 дней после родов, и кормление грудью – предоставление отсрочки личного наказания до достижения ребенком 18 месяцев, даже если сама осужденная не ходатайствовала о ее применении.

В уголовное же законодательство дореволюционной России отложение исполнения приговора (отсрочка отбывания наказания) как одна из мер уголовного воздействия была введена при пересмотре в 1889 г. раздела VI Военно-судебного устава, где в ст.1412-й было установлено отложение исполнения

приговора в отношении военнослужащего до окончания войны, если виновный был осужден к исправительному наказанию (к ссылке на житье в Сибирь, исключению из службы, к временному заключению в крепости, разжалованию в рядовые, к заключению в одиночной тюрьме, денежному взысканию, отдаче в дисциплинарный батальон и т.п.)<sup>20</sup>. Представляется, что данное узаконение отсрочки исполнения приговора было продиктовано необходимостью пополнения рядов действующей армии.

Со второй половины XIX в. в уголовно-исполнительном законодательстве появляются зачатки условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Упомянувшимся Уставом о ссыльных (в редакции от 1892 г) предусматривалось деление каторжных на испытываемых и исправлявшихся. Если каторжный из отряда испытываемых показал себя с положительной стороны, он направлялся в отряд исправлявшихся на срок от 3 лет до 1 года, по истечении которого у него появлялась возможность жить вне места заключения (острога), вступать в брак, строить себе дом, для чего ему выделялся лес, выдавались его денежные сбережения<sup>21</sup>. Кроме того, Уставом о содержащихся под стражею также предусматривалось условное освобождение из исправительных приютов осужденных, показавших себя исправившимися.

На законодательном уровне условно-досрочное освобождение под указанным наименованием было предусмотрено законом «Об условно-досрочном освобождении», утвержденном 22 июня 1909 г. Ст. 1-я Закона гласила: «Приговоренные к заключению в тюрьме, в исправительном арестантском отделении или в исправительном доме могут быть условно освобождены из заключения по отбытии не менее трех четвертей определенного им судебным приговором срока наказания, если они провели в месте заключения во исполнение приговора не менее шести месяцев, без зачета в этот последний срок времени, проведенного до того под стражею»<sup>22</sup>. Основаниями применения освобождения являлись следующие: отбытие не менее шести месяцев назначенного приговором суда наказания, положительное поведение во время отбывания нака-

зания, а также Законом предписывалось учитывать поведение данного лица до совершения преступления и предполагаемое поведение после освобождения. Ст. 3-я устанавливала, что к осужденным «...1) за казнокрадство и 2) к тем из заключенных, кои по отбытии наказания срочным лишением свободы подлежат по закону водворению в Якутской области или ссылке на поселение»<sup>23</sup>, данное освобождение не применялось.

Регламентация уголовной ответственности несовершеннолетних в 1897 г. претерпела изменения после принятия закона «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних», который установил, что основным средством воздействия на них должны стать не карательные, а исправительно-воспитательные меры<sup>24</sup>. В качестве альтернативы уголовному наказанию установлена возможность передачи несовершеннолетних с 10 до 17 лет под надзор родителям или иным лицам, помещение в воспитательно-исправительное учреждение (приюты и колонии), направление несовершеннолетних девушек в женский монастырь.

Последний по времени принятия в дореволюционный период кодифицированный нормативный акт материального уголовного законодательства – Уголовное уложение, принятое 22 марта 1903 г., значительно трансформировал систему мер уголовного воздействия, однако перенял из предыдущего закона норму по дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних.

Из мер воздействия, относящихся к иным, которые были упомянуты в актах до Уголовного уложения, в тексте Уложения изменения коснулись конфискации имущества. Так, общая (полная) конфискация как вид уголовного наказания уже в Уложении не упоминается, предусматривается только конфискация специальная.

Кроме того, в ст. 39-й Уложения предусматривалось обязательное помещение в смиренный дом лиц, совершивших ряд наиболее опасных деяний: лишение жизни другого лица, совершение поджога, изнасилования, причинения тяжкого вреда здоровью другого человека или покушения на одно из указанных деяний в состоянии

невменяемости. В случаях, когда невменяемым были совершены иные преступные деяния, и оставление его без особого присмотра признавалось опасным как для общества, так и для него, суд мог отдать его «под ответственный надзор родителям или другим лицам, пожелавшим принять его на свое попечение». В то же время, если за психически больным ответственный надзор, возложенный на родителей или иных лиц, осуществлялся небрежно, то для последних предусматривалась уголовная ответственность<sup>25</sup>.

Подводя итог рассмотрению дореволюционного законодательства криминального цикла, можно сделать вывод о том, что в этот период характерны попытки установления в законодательстве альтернатив уголовному наказанию, возникновение прототипов некоторых иных мер, предусмотренных ныне действующим уголовным законом, таких, как: конфискация имущества, принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия, отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде лишения свободы. Данный период можно охарактеризовать как начальный, постановочный, в то время как последующий – советский ознаменован большими переменами в регламентации отдельных видов альтернативных наказанию мер, установлением новых и совершенствованием уже имеющихся.

#### ЛИТЕРАТУРА

- <sup>1</sup> Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М., 1984. – С. 64.
- <sup>2</sup> Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М., 1996. – С. 61.
- <sup>3</sup> Георгиевский Э.В. К вопросу о «потоке» по Русской Правде // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 107.
- <sup>4</sup> Егоров В.С. Вопросы правового регулирования мер уголовного принуждения. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. – С. 13.
- <sup>5</sup> Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 2. – М.: Наука, 1994. – С. 159.
- <sup>6</sup> Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. – М., 1986. – С. 324.
- <sup>7</sup> Там же. – С. 348.
- <sup>8</sup> Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. Т. 1. № 44117.
- <sup>9</sup> Жариков Н.М., Морозов Г.В., Хритинии Д.Ф. Судебная психиатрия: Учебник для вузов. – М.: НОРМА, 2003. – С. 11.
- <sup>10</sup> Российское законодательство X–XX веков / Под общей ред. О.И.Чистякова. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М., 1986. – С. 377.
- <sup>11</sup> Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М., 1984. – С. 494.
- <sup>12</sup> Пудовочкин Ю.Е. Ювенальное уголовное право: теоретико-методологические и историко-правовые аспекты. – М.: Глобус, 2001. – С. 65–66.
- <sup>13</sup> Владимирский–Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону, 1993. – С. 155.
- <sup>14</sup> Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 25.
- <sup>15</sup> Батанов А.Н. Принудительные меры медицинского характера (история, теория, законодательное регулирование и практика применения): Дисс...канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2004. – С. 46.
- <sup>16</sup> Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 2. – М., 1994. – С. 269.
- <sup>17</sup> Фирсова А.П. Объект уголовно-правового воздействия: Дисс... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2008. – С. 72.
- <sup>18</sup> Набиуллин Ф.К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение: Дисс... канд. юрид. наук. – Казань. 2008. – С. 73–74.
- <sup>19</sup> Российское законодательство X–XX вв. в 9 томах. Т. 8. – М. 1991. – С. 316–317.
- <sup>20</sup> Российское законодательство X–XX вв. в 9 томах. Т. 3: Акты земских соборов. – М.: Юрид. лит-ра, 1985. – С. 12.
- <sup>21</sup> Пионтковский А.А. Избранные труды. Т. 1. – Казань. 2003. – С. 286.
- <sup>22</sup> Закон об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан: (Собор. Узак. 1909 г. № 126, ст. 1216) / Под ред.: Д.А.Коптев. – СПб.: Изд. Г.Г.Ходунова, 1909. – С. 33.
- <sup>23</sup> Там же. – С. 44.
- <sup>24</sup> Масалитина И.В. Особенности уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних: Учебное пособие. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 41.
- <sup>25</sup> Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера (теория, уголовно-правовое регулирование, практика): Дисс... д-ра юрид.наук. – Архангельск, 2004. – С. 28.

A.A. Pavlova

## Legislative regulation of separate types of other measures of criminal legal character in pre-revolutionary Russia

The article, based on the pre-revolutionary criminal law, describes the process of establishing interventions, alternative to criminal penalties. The analysis gave the author grounds to argue that the main types of other measures under criminal law, under the current legislation, had the place to be throughout the history of the criminal law of Russia.

*Keywords:* pre-revolutionary criminal law, medical measures, educational measures, confiscation of property, probation, parole, sentences deferred, the other measures under criminal law.

УДК 377(571.5)”17/18”

A.A. Павлов

## Навигацкие школы Северо-Востока Сибири. XVIII – XIX вв.

Рассматривается история Охотской и Якутской навигацких школ. Эти учебные заведения существовали в трудных условиях, но тем не менее готовили кадры для морского ведомства: штурманов, канониров, судостроителей, баталеров из местного населения. Выпускники этих школ работали на судах, обслуживающих Северо-Восток России.

*Ключевые слова:* навигацкие школы, Камчатская экспедиция, цифирные школы, Российско-американская компания, Тихоокеанский бассейн, командор, артиллерия, геология, геодезия.

Специальной работы о навигацких школах Восточной Сибири нет. В 1866 г. перед офицерами адмиралтейства выступил А.Стибнев, его выступление было опубликовано в том же году в журнале «Морской сборник»<sup>1</sup>. Некоторые сведения об Якутской и Охотской навигацких школах дает профессор Ф.Г.Сафронов в работе «Ссылка в Восточную Сибирь в первой половине XVIII в.» (Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX века)<sup>2</sup>. Учитывая недостаточную изученность темы, автор представляет на суд читателя эту небольшую работу.

Первая навигацкая школа в России была учреждена в Москве в 1701 г. по указу императора Петра I, как говорилось в том указе, для «мореходных хитросно искусств учения» — математических и навигацких<sup>3</sup>. В школу принимались дети дворян, дьяков, бояр и других чинов, от 12 до 17 лет. Обучали арифметике, геометрии, тригонометрии, артиллерии, геодезии, а главное — навигации и астрономии. В этих школах находились парал-

лельные классы, так называемые цифирные, в которых детей обучали грамоте, словесности, арифметике, первоначальным понятиям геометрии. По окончании воспитанники из дворян почти исключительно назначались во флот на офицерские должности или помощниками крупных чинов морского флота, а разночинцы выпускались в писари и мастерами в адмиралтейство. Лучшие ученики, окончившие с успехом полный курс наук, получали звание навигаторов, некоторые становились учителями. Петр особо следил за учебой, часто посещал занятия в школе, иногда сам принимал экзамены.

Сибирские школы создавались после смерти Петра I. Беринг после возвращения из Первой Камчатской экспедиции пришел к мысли, что необходимо организовать в Сибири навигацкие школы. В апреле 1730 г. подал императрице записку, где указал, что «для морского пути крайне важно обучать молодых казачьих детей всякому морскому обыкновению... И ежели бы оное учинилось, то бы и отсюда посылать не надобно, и на всякое судно довольно по 12 или 15 человек

© А.А.Павлов, 2011.



для науки»<sup>4</sup>. Вопрос, поднятый командором, направили в Сибирский приказ для реализации, тот решил обосновать школу «в Охотске или в каком-либо другом удобном месте». В феврале 1731г. по просьбе Беринга императрица подписала указ, обязывающий вновь назначенного начальника Охотска Скорнякова-Писарева «завести начальную школу не для одной грамоты, но и для цифири навигацкой»<sup>5</sup>. Для исполнения указа Сибирский приказ просил сенат командировать из адмиралтейства в Сибирь трех штурманов и 6 матросов, «которым придать ... казачьих детей молодых, и обучать их морскому делу, дабы там своих штурманов и матросов завести». Скорняков-Писарев получил инструкцию, что нужно открыть в Охотске хотя бы народную школу не для одной грамоты, но для цифиры и навигации, «завести тебе, Писареву, и жалованье малое для содержания учеников давать, из чего могут, люди на службу знающее возрастать, а не дураками оставаться»<sup>6</sup>. Но Писарев не торопился выполнять инструкцию, не сумел наладить контакта с местными чиновниками, запустил работу. Школу открыли в 1732 г., но фактически работать она стала с 1736 г., после энергичного вмешательства Беринга. Первое время школа испытывала финансовые и материальные трудности, особенно с кадрами. По просьбе Беринга прибыли образованные морские офицеры, которые стали преподавать, и учебная работа значительно улучшилась. Будущие специалисты изучали арифметику, черчение, геометрию, геодезию, судостроительное дело и мореходство. Школа должна была готовить специалистов довольно широкого технического профиля и штурманов «для морской купеческой промышленности». Работе школы начальник края не помогал, а наоборот, всячески препятствовал. 13 апреля 1739 г. Скорняков-Писарев был отстранен от должности за казнокрадство, дурное поведение, разврат и по велению императрицы Анны Иоанновны арестован и предан суду. Но ему повезло, сумел уйти от наказания: в 1742 г. возвращен в столицу «как безвинно пострадавший», восстановлен в генеральском звании, вскоре стал консультантом по Сибири, «как хорошо знающий этот край»<sup>7</sup>. Вместо него начальником назначили отбывающего ссылку в Якутии бывшего обер-полицмейстера Санкт-

Петербурга Антона Девиера, который был честным и энергичным руководителем. В нарушение установленной Петром I традиции принимать в школу в основном детей дворян и разночинцев, он приказал зачислять отпрысков казачьего, крестьянского сословия и даже инородцев. Первое время энергичные действия дали хорошие результаты. Начальник обращал серьезное внимание на питание и обмундирование воспитанников, с согласия восточносибирского генерал-губернатора назначил учителем попарасстригу Якова Самгина; по мнению Девиера, «он весьма тому достоин и в учении искусен»<sup>8</sup>. Работа школы улучшилась, но желающих отдавать своих детей в школу было мало.

3 декабря 1740 г. последовал высочайший указ, по которому предписывалось: «В Охотске отобрать детей разных сословий человек 20, не старше 12 лет, записать их в полную службу с жалованием и хлебным довольствием и учить их грамоте, рисованию и арифметике; а для школы отвести одно из конфискованных зданий». Получив царский указ, начальник Охотска Девиер в 1741 г. лично отобрал 21 ребенка из нижних чинов, поставил их на довольствие. Каждому ученику полагалось по 20 фунт. муки в месяц, а часть пособия деньгами — 30 копеек в месяц<sup>9</sup>. Попытка решить вопрос с учительскими кадрами не увенчалась успехом, и до 1752 г. школа почти не выпускала подготовленных мореходов. Наконец, в 1753 г. стать учителем дал согласие студент Камчатской духовной свиты Каншигин. Пришлось установить по тем временам огромную зарплату — 250 руб. в год<sup>10</sup>. Но он учил только арифметике и словесности. Навигационные науки стали преподавать после приезда из Иркутска пятерых штурманов, окончивших Иркутскую навигацкую школу; они привезли с собой карты, навигационные приборы, учебники по арифметике, геометрии, тригонометрии, астрономии, русскому языку, библии, карты. Установили дневное содержание учеников от 1,5 до 2 коп. Кроме того ученику выдавали муки 2 четверти, крупы 1/4 четв. и 2 фунта соли в месяц. А с 1777 г. ученики уже получали по 54 руб. в год, по тем временам неплохие деньги. Ученику на питание полагалась в день 10–12 коп. Кроме

того ученики получали обмундирование и место в общежитии<sup>11</sup>.

Школа получила второе дыхание при начальнике коллежском асессоре Берзине, который значительно улучшил материальное и финансовое положение школы. С 1790 г. школа была переведена на государственное содержание. В 1790 г. Сенат отпустил с учетом всех расходов школы, включая зарплату учителей и стипендии учащихся, 3446 руб. 5 коп.<sup>12</sup> В последующие годы средств отпускалось все меньше при полнейшем равнодушии к делу последующих комендантов, назначаемых несведущих в морском деле армейских офицеров и сменявшихся каждые два, три года.

К счастью, такое положение дел было непродолжительным. В 1796 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Селифонтов потребовал от охотских властей полный отчет о работе школы. Пришлось признаться, что денег нет для содержания школы и найма учителей, по этим причинам она находится на грани закрытия, в то же время 6 судов стоят на рейде из-за отсутствия штурманов. Ремонтные работы не проводятся, ибо нет подготовленных ремонтников.

После вмешательства правительства пришлось охотскому руководству срочно заниматься организационными вопросами, с согласия Павла I решено было выделять ежегодно по 1040 руб. для школы. Но положение не изменилось. Вновь назначенный начальник порта Миницкий по прибытии в Охотск нашел, что дети охотских обывателей живут без всякого призрения, ходят босые, достойны сожаления, а потому он распорядился обмундировать хозяйственным способом 27 учеников и занялся приведением школы в порядок. Купил на свои средства необходимые книги и припасы и за счет пожертвований построил дом, первое время некоторые предметы преподавал сам и взял под свой контроль работу учителей<sup>13</sup>.

В 1809 г. он доложил иркутскому генерал-губернатору, что успехи некоторых учеников уже таковы, что он надеется, что через два-три года восполнит недостаток в Охотске в штурманах, а тех учеников, которые близки к совершеннолетию, заставил обучаться разным специальностям. В 1812 г. часть учащихся направляют штурманами: пятеро луч-

ших отправлены служить на шлюпе «Диана», остальных передали на торговые суда.

Школа еще существовала усилиями отдельных энтузиастов, понимавших необходимость усиления морских позиции в Тихоокеанском регионе. Но бюрократическая система урезала финансирование школы. Дело дошло до такого абсурда, что учителям, работающим по найму, платили по 85 руб. в год, уменьшили также пособие учащимся до 1 руб. 80 коп. в месяц, без продуктового набора<sup>14</sup>. На эти деньги нельзя было жить, когда фунт ржаной муки стоил 12коп, мяса – 14–15 коп, мелкой рыбы – 1–2 коп., фунт масла или сахара – 1 руб. 10 коп.<sup>15</sup> В предписании от 27 августа 1804 г. было сказано, что в школе полагалось содержать 12 штурманских учеников и 18 канониров (пушкарей). Несмотря на всю пользу, приносимую штурманами, подготовленными Охотской школой в условиях Сибири, несмотря на нехватку профессиональных кадров, правительство оставалось глухим к просьбам сибирских губернаторов о достаточном финансировании крайне важного учебного заведения. В 1831 г. выпущены из школы 1 штурман, 1 помощник штурмана<sup>16</sup>. Остальных определили в писари и баталеры. Позднее школа существовала на бумаге. Полностью зависела от финансирования, чувствуя себя пасынком. Правительство считало, что содержание школы обходится слишком дорого для государства. Кроме того навигацкая школа потеряла свое значение в связи с упадком г. Охотска как торгового порта вследствие ликвидации Российско-американской компании и роста других, более южных, теплых портов Приморья. В 1849 г. был закрыт Охотский порт и ликвидировано самостоятельное Охотско-Приморское управление. Положение города еще больше ухудшилось. В 1855 г. осталось 32 дома 207 жителей<sup>17</sup>.

Охотская навигацкая школа существовала с перерывами около 130 лет и окончательно была закрыта специальным указанием иркутского генерал-губернатора М.С.Корсакова в 1870 г.

В 1732 г. императрица Анна Иоанновна поручила Берингу возглавить Вторую Камчатскую экспедицию. Однако составление инструкции с участием Академии наук, Сената и Адмиралтейства затянулось на

целый год. Перед участниками ставилась задача – изучить Северный Ледовитый океан и его побережье от Архангельска до устья Енисея, от устья Енисея до устья Лены, от Лены на восток, до Камчатки. В Тихом океане предписывалось провести наблюдения «от Камчатки до Японии и Америки», изучить берега Охотского моря, Курильские и Шантарские острова. Ставилась задача, еще поставленная Петром I, – узнать «сходятся ли оные Американские берега с Азией или нет». Члены экспедиции должны были изучить климатические, природные условия, фауну, флору – все это нанести на карту. В предписании говорилось о необходимости описать историю, общественно-культурный уровень народов, быт, обычаи, обряды и политический строй аборигенных народов.

Беринг понимал, что для выполнения поставленной задачи придется привлечь не только материальные, но и людские ресурсы, прежде всего подготовленных моряков. С этой целью он предполагал учредить навигацкую школу на Камчатке. Проезжая через Иркутск, нанял учителем школы находившегося в ссылке старшего нотариуса юстиц-коллегии Гейдерейха, испросив у Сената разрешение выдавать ему жалованье по 150 руб. в год из сибирских доходов<sup>18</sup>.

Гейдерейх приехал в Якутск в 1736 г., здесь же находился и Беринг, который распорядился открыть в Якутске навигацкую школу на базе гарнизонной и начать обучение казачьих детей грамоте и морским наукам. Город Якутск в то время был главным политическим и культурным центром обширной северо-восточной части Российской империи, опорным пунктом в присоединении огромных территорий Чукотки, Камчатки, Тихоокеанского побережья, Дальнего Востока. Из Якутска начинались Охотский, Аянский, Колымский тракты, связывающие с Тихоокеанским побережьем и Севером России. Через Якутск и эти тракты до строительства Великой Сибирской железнодорожной магистрали осуществлялись все экономические, культурные связи со странами Тихоокеанского региона. Так, город Якутск с XVII в. вносит свою лепту в освоении просторов Дальнего Востока и Восточной Сибири.

В 1739 г. прибывший в Якутск по делам экспедиции советник Адмиралтейств-коллегии Ларионов нашел, что навигацкая школа

не открыта: родители не хотели отдавать своих детей в школу. С помощью воеводы ему удалось собрать 110 детей и начать отборочные занятия. Через год он отобрал из них 25 учеников и их начали обучать геометрии, тригонометрии, астрономии, навигации и артиллерии. Из Петербурга в 1744 г. было получено «25 арифметик, 37 логарифмов, 25 таблиц, 25 карт, 72 циркуля простых, 2 треножных, 87 шкал простых, 37 гантирских, 1 квадрант, 50 досок аспидных, 150 грифель»<sup>19</sup>.

Гейдерейх оказался неподготовленным учителем, и в 1741 г. его уволили, оплатив половину обещанной зарплаты. После него учителями работали случайные люди, им жалованья не платили, скоро школа перестала существовать. В 1764 г. якутский воевода Ф.В.Чередов вошел с ходатайством к иркутскому губернатору о необходимости возобновления работы школы. 18 сентября 1765 г. Сенат дал иркутскому губернатору ответ следующего содержания: «Хотя в г. Иркутске и есть школа, но по весьма не ближнему оттоль расстоянию, тамошние (якутские) дети боярские и казачьи могут безвременно, не имея должного к себе призрения, пропадать напрасно, и ради того немедленно там завести школу, в которую из тамошних дворянских и казачьих детей набрать человек до 40. Школьникам в год давали 1 руб. 80 коп. и по пуду на месяц провианта»<sup>20</sup>.

В 1766 г. набрали в школу 40 учеников. Из Петербурга получили книги, наглядности и инструменты. Специально присланный учитель в том же году умер. Его заменил штурманским учеником Андреем Турчаниновым. Он по поручению воеводы вместе с прапорщиком Чемесовым снял план Якутской крепости. К работе относился добросовестно, тем не менее на него написали донос, в котором указали, что Турчанинов не способен к учительской работе, учащимся знания не дает. Последовал строгий наказ иркутского губернатора Бриля с требованием проэкзаменовать самого Турчанинова как учителя и учащихся в отдельности и итоги представить в Иркутск. Надо заметить, что в 1774 г. экзамен принимали чиновники, ничего не ведающие о морских науках, оценить работу учителя не могли. Учащиеся учителя не подвели, многие показали хорошие знания.

Турчанинов был вызван в Иркутск, вернулся на работу в 1777 г. Из отчета видно, что в школе учились 22 человека, из них 14 навигации и 8 арифметике и геометрии. Оказалось, что все ученики пережились и некоторые обзавелись детьми, бросили учебу<sup>21</sup>. Бедственное положение учащихся и мизерная зарплата учителей привели школу на грань закрытия. Все просьбы о субсидировании школы, увеличении стипендии учащимся и жалованья учителю оставались без ответа. Оказавшись в безвыходном положении, в 1783 г. учащиеся подали иркутскому губернатору прошение, в котором указали свое бедственное положение и просили увеличить содержание. В том же году получили отказ в финансировании «по неимению в виду сумм, на которые можно было бы отнести этот расход...»<sup>22</sup>. В 1783 г. в связи с реорганизацией по случаю учреждения Сибирского наместничества губернские власти отказались финансировать Якутскую навигацкую школу. Школа была передана на попечение Приказа общественного призрения, что значительно ухудшило ее материальное положение, школа теперь могла финансироваться только попечителями. После отказа государства финансировать школу, она существовала в чрезвычайно сложных условиях. Бесконечная переписка в течение семи лет ни к чему утешительному не привела. По распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири И.А.Пиля в 1791 г. трех старших учеников школы произвели в сержанты геодезии, а остальных распределили по другим ведомствам. 13 октября 1792 г. школу закрыли, о чем доложили генерал-прокурору.

Охотская и Якутская навигацкие школы работали в сложных условиях, постоянно чувствуя недостаток финансирования и подготовленных преподавателей. Но, тем не

менее, их выпускники обслуживали суда, выполнявшие коммерческие рейсы и участвующие в изучении и освоении районов Восточной Сибири и бассейна Тихого океана.

#### ЛИТЕРАТУРА

- <sup>1</sup> Сгибнев А. Навигацкие школы Сибири // Публичные лекции, прочитанные в феврале 1866 г. «Морской сборник». Т. XXXVII № 11. Ноябрь 1866. — СПб. 1866 г. — 6.
- <sup>2</sup> Сафронов Ф.Г. Из истории якутской ссылки первой половины 18 века // Ученые записки Якутского государственного университета. — Якутск, 1963, вып. 14. — С. 102–104.
- <sup>3</sup> Сгибнев А. Указ. соч. — С. 6.
- <sup>4</sup> Мостахов С.Е. Русские путешественники-исследователи Якутии (XVII — начало XX вв.). — Якутск, 1982. — С. 53.
- <sup>5</sup> История Якутской АССР. Т. 2. — М., 1957. — С. 255.
- <sup>6</sup> Сгибнев А. Указ. соч. — С. 6.
- <sup>7</sup> Там же. — С. 12.
- <sup>8</sup> Сафронов Ф.Г. Ссылка в Восточную Сибирь в первой половине XVIII века // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII — начало XX века). — Новосибирск, 1975. — С. 21.
- <sup>9</sup> Морской сборник. Т. XXXVI. Июнь 1866 г. — С. 79.
- <sup>10</sup> Сгибнев А. Указ. соч. — С. 22.
- <sup>11</sup> НА РС(Я). Ф. 167 и. Оп. 1. Д. 124. Л. 32.
- <sup>12</sup> Там же. Д. 10. Л. 22.
- <sup>13</sup> Там же. Л. 57.
- <sup>14</sup> Там же. Ф. Д. 96. Л. 30–32.
- <sup>15</sup> Там же. Ф. 12 и. Оп. 1. Д. 10. Л. 80.
- <sup>16</sup> Сгибнев А. Указ. соч. — С. 8.
- <sup>17</sup> НА РС(Я). Ф. 167. Оп. 1. Д. 125. Л. 14–15.
- <sup>18</sup> Там же. Д. 96. Л. 63 (об).
- <sup>19</sup> Сгибнев А. Указ. соч. — С. 12.
- <sup>20</sup> НА РС(Я). Ф. 167 и Оп. 1. Д. 125. Л. 21.
- <sup>21</sup> История Якутской АССР. Т. 2. — М., 1957. — С. 255.
- <sup>22</sup> Сгибнев А. Указ. соч. — С. 9.

*A.A. Pavlov*

### Navigation schools in north-eastern Siberia in the 18th-19th cc.

The article expounds the foundation history of the Okhotsk and Yakutsk navigation schools. These institutions had prepared the first specialists from among the local population who stood at the origins of the formation of the naval department in the North-East of Siberia.

*Keywords:* navigation schools, Kamchatka expedition, arithmetic schools, Russian-American company, Pacific basin, commander, artillery, geology, geodesy.

Е.П.Антонов

## Из истории научных и культурных контактов польских ссыльных и якутской интеллигенции

Рассматривается культурное взаимовлияние польских ссыльных и якутской интеллигенции в научной и культурной деятельности, а также их роль в формировании национальной интеллигенции.

*Ключевые слова:* якутская интеллигенция, польские ссыльные, культурный потенциал региона, олонхосуты, информаторы (сказители), краеведы.

Одной из значительных тем историографии Якутии являются якутско-польские историко-культурные контакты. Особенно выделяется в этом плане XIX в., когда в Якутской области в качестве ссыльных побывали многие представители почти всех этапов национально-освободительного движения польского народа. Они развернули здесь многогранную деятельность, которая оказалась чрезвычайно плодотворной, внесли существенный вклад в региональный культурный процесс, в духовное обогащение населения области<sup>1</sup>.

Еще в 60-е гг. XVII в. один из первых представителей ранней польской ссылки Константин Конюховский стал первым учителем школы в Якутском остроге, где обучались четверо детей якутского воеводы И.Голенищева-Кутузова. Кстати, надзирателем этого острога был Адам Каменский-Длужик — автор первого историко-этнографического труда о народах Сибири<sup>2</sup>.

Польские ссыльные, склонные к умственной работе, проходили во время ссылки своего рода «университеты»: много читали, изучали языки, стремились постичь особенности культуры, традиций и быта окружающего населения и т.п. Вацлав Серошевский выделил по роду занятий два отличающихся периода жизни ссыльных: весенний и летний, предназначенные для работы в поле, и зимний, который заполняло чтение и письмо<sup>3</sup>.

Польские ссыльные не сторонились местного населения, хотя в их отношениях присутствовала социально-культурная дистанция, обусловленная незнанием языка, культуры, обычаев друг друга. Существовало

определенное противостояние «мы — они», которое играло не последнюю роль в межэтнических отношениях. По мере привыкания и узнавания друг друга отношения становились более ровными и стабильными. Имели место взаимопомощь, совместная хозяйственная деятельность, заключались межнациональные браки. Постепенно этнические границы в данной ситуации становились менее отчетливыми. Якуты достаточно толерантно относились к полякам, как ко всем «политическим» вообще, хотя имели место случаи неприязненных, даже враждебных отношений<sup>4</sup>.

В своих научных изысканиях польские ссыльные активно сотрудничали с представителями местной интеллигенции. Например, Сергиуш Ястремский при подготовке к изданию «Грамматики якутского языка» привлек грамотных якутов из числа знатоков родного языка. Его окружение из числа интеллигентных якутов в стремлении помочь ему показывало «ему все самое лучшее». Представитель якутской интеллигенции, уроженец Оспетского наслега Дюпсинского улуса А.П.Афанасьев оказывал изо дня в день помощь Ястремскому в изучении якутского языка. Ссыльный прожил в доме Афанасьева 1,5 года. С его слов политссыльный исправлял искаженные места в фольклорных записях. С каждым разом Ястремский все глубже познавал строй языка, перед ним рельефнее вырисовывались образы языческих божеств, старинный культ, нравы, обряды и т.д. В результате были переведены на русский язык олонхо «Грозный разящий», «Бессмертный витязь» и «Удаганка», получившие высокий отзыв Афанасьева: «...прекрас-

ный, поэтический язык, строго выдержанный стиль...».

Впоследствии польский ссыльный записал олонхо «Кулун Куллустур» от певца-импровизатора Николая без помощи посредника. Правда ранее сказитель имел уже опыт выступлений под запись перед представителями национальной интеллигенции. Ястремский самостоятельно записал у 60-летнего старика Григория Свинобоева (Ырья Гриша) олонхо «Эр Соготох» (Одинокий). В течение 5 дней Ырья Гриша (Певец Гриша) диктовал его длинными отрывками, которые польский ссыльный заносил на бумагу. При возникновении сомнений насчет отдельных оборотов и слов сказитель вновь повторял скороговоркой свой отрывок. К тому времени познания польского ссыльного были настолько солидными, что быстрота и буквальная точность записей приводило в восторг якутов, интересовавшихся олонхо, «которое пойдет в далекую южную страну». В конце-концов, для ссыльного не составляло труда записать «какой угодно длины олонхо», но перевод на русский язык, записанного в течение 5 дней, отнимал 2 месяца интенсивной работы и то при наличии опытного толкователя. Афанасьев никогда не утомлялся и занимался с Ястремским до тех пор, пока не было разъяснено последнее неизвестное слово<sup>5</sup>.

А.П.Афанасьев, отлично владея обоими языками, стремился разъяснить смысл каждого непонятого выражения и неизвестных слов и язык загадок. Объяснения иллюстрировались описаниями традиционного быта и духовной жизни якутов. Собственно он был больше, чем информатором. Ястремский без помощи якутского интеллигента не смог бы записывать фольклорные тексты. Основным препятствием было то, что когда олонхосут утомлялся, то излагал краткую «суть» в скомканном виде, в результате чего утрачивался своеобразный поэтический колорит эпоса. Тогда Афанасьев заставлял сказителя диктовать скороговоркой длинные эпизоды, а затем диктовал Ястремскому, записывавшему их бётлингковским начертанием. Благодаря посредничеству Афанасьева трое грамотных родовичей составили рукопись загадок, поговорок и пословиц. Кроме того, Афанасьев записал до сотни загадок, 4 песни и языче-

скую присягу, сообщенную его родственником В.В.Никифоровым<sup>6</sup>.

Местный знаток якутского языка Д.Д.Попов оказывал, по словам Э.Пекарского, «совершенно бескорыстную помощь» в течение тринадцати лет. Д.Д.Попов со своим сыном И.Д.Поповым сообщил в 1895 г. дополнительные слова, связанные с охотничьим промыслом, рыболовством уроженцев Олекминского и Вилюйского округов. 5 февраля 1895 г. в своем письме Пекарский просил Географическое общество предоставить ему «рукописный список якутских слов», составленный неким Евгением Борисовым, и рукопись краеведа Н.П.Припузова, «признанные г. Радловым достойными напечатания, но оставшиеся, однако, ненапечатанными, вероятно, потому, что писаны не бётлингковской транскрипцией». Речь идет о рецензии В.В.Радлова на опубликованный в 1887 г. труд Н.П.Припузова «Сведения для изучения этнографии Якутского округа, собранные по программе Императорского Русского географического общества»<sup>7</sup>.

Просьбы Пекарского не игнорировались, и в ответ поступал обильный материал. Так, вилюйский краевед Я.С.Еремисов предоставил в распоряжение Э.Пекарского словник объемом в 106 страниц, включавший отсутствовавшие в ранее изданных томах «Словаря» слова. В 1895 г. Я.В.Стефанович, В.Е.Горинович и Н.А.Виташевский передали якутские имена (прозвища) и топонимы, К.Г.Оросин – разъяснения смысла архаичных якутских слов, Г.Ф.Осмоловский – список названий зверей, птиц, рыб, уроженец Хатырыкского наслега Намского улуса Н.Прядезников – сказку<sup>8</sup>.

Выпускник Казанской фельдшерской школы, член этнографического отдела РГО якут П.Ф.Порядин выехал в 1877 г. из Петербурга в Якутск, «желая заниматься самостоятельно в Якутской области этнографическими, антропологическими и статистическими исследованиями края и его народов». Он составил «Якутско-русский словарь», содержащий 7051 заглавное слово, транскрибированное русскими буквами со своеобразными обозначениями якутских специфических звуков. Пекарский обращался во ВСОРГО с целью получить во временное пользование неизданный словарь Порядина. Различия в произношении (звуковые отклонения) и в наименованиях одних

и тех же предметов в разных местах Якутской области предоставляли возможность Пекарскому наметить разделение якутского языка на наречия<sup>9</sup>.

Получив словарь Порядина, Пекарский изучал его в течение года. Собственно новых, неизвестных основ в нем имелось сравнительно немного, но словарь изобиловал массой производных от каждой основы, «в большинстве встречаемых мною впервые». Польский ссыльный остерегался заносить в свой словарь производные слова, которые не могли быть произнесены ни одним якутом. Встречая же эти слова у Порядина, Пекарский смог широко использовать их, что, несомненно, улучшило «в количественном и качественном отношении» его будущий фундаментальный труд<sup>10</sup>.

Со скрупулезной тщательностью Пекарский выполнял огромную и кропотливую текстологическую редакторскую работу при подготовке фольклорных текстов к печати: исправлял бессчетное количество фактических ошибок тогдашних полуграмотных собирателей. Великолепно овладев языком фольклора, он иногда вторгался даже в текст подлинника, предлагая свои варианты, как правило, в смысловом отношении более точные, в стилистическом — более уместные. Пекарский написал совместно с известным этнографом и фольклористом В.Н.Васильевым статью «Плащ и бубен якутского шамана». Шаманскую атрибутику В.Васильев приобрел в верховьях р.Татты в 1906 г. у одного шамана. В 1925 г. по просьбе Пекарского В.Н.Васильев и М.Н.Андросова-Ионова были включены в состав экспедиции АН СССР по изучению производительных сил республики<sup>11</sup>.

В 1902 г. первый врач из якутов П.Н.Сокольников обратился к Пекарскому с просьбой взять на себя организацию составления краткого русско-якутского словаря», в котором, по мнению местной интеллигенции, давно ощущалась острая потребность. Сокольников и В.В.Никифоров-Кюлюмнюр собрали для этой цели 140 руб. среди сородичей. На эти средства Пекарский привлек к работе политссыльных П.В.Оленина, М.К.Логовского, В.Е.Гориневича и якутов С.М.Афанасьева, Г.В.Ксенофонтова, В.В.Никифорова и других. Редактирование и корректуру вел Ионов<sup>12</sup>.

Ссыльный Эдуард Пекарский пользовался среди народа «таким авторитетом и влиянием, каким не пользуются старосты и старшины». Выдающийся писатель А.Е.Кулаковский заявил: «Вы поистину заслуживаете названия «отца якутской литературы». К работе над «Словарем якутского языка» он привлек образованных лиц: протоиерея Д.Д.Попова, политссыльного, этнографа В.М.Ионова, собирательницу фольклора М.Н.Андросову-Ионову, создателя официальной (массовой) якутской письменности С.А.Новгородова, лингвиста Г.В.Баишева-Алтан-Сарына, студента А.Н.Никифорова и других. После кончины Д.Д.Попова словарь Пекарского редактировали В.М.Ионов с супругой М.Н.Андросовой-Ионовой<sup>13</sup>.

В 1905 г. В.В.Никифоров и 42 деятеля якутской интеллигенции в своем приветственном адресе дали высокую оценку трудам Пекарского и выразили глубокую благодарность от имени якутов<sup>14</sup>.

Пекарский руководил работой исследовательской группы по изучению языка и духовной культуры якутов. Он и Ионов устраивали обстоятельный опрос информаторов, записывали ответы каждый отдельно, затем сравнивали записи. Если в записях имелась разница, то снова опрашивали и записывали до тех пор, пока не достигали полного совпадения. Оба относились к типу скрупулезных исследователей, поэтому полученную информацию рассматривали с разных сторон<sup>15</sup>.

Еще в 1895 г. Пекарский получил «для хранения и редактирования» от Ястремского собранные в Дюпсинском улусе и переведенные «Образцы народной устной словесности якутов». В 1907–1918 гг. он опубликовал «Образцы народной литературы якутов» в трех томах (восьми выпусках). В этом деле оказали огромную помощь представители якутской интеллигенции и олонхосуты (сказители): В.Н.Васильев, М.Н.Андросова-Ионова (впоследствии удостоена малой золотой медали РГО), грамотные певцы-импровизаторы, уроженцы I Игидейского наслега Ботурусского улуса К.Г.Оросин, И.Н.Оросин, Жулейского наслега Ботурусского улуса — Н.Т.Абрамов, Р.Александров (Тимофеев), Р.К.Большаков, Хаяхсытского наслега Ботурусского улуса — Н.Попов, Л.Г.Тимофеев-Теплоухов, Эмисского наслега Амгинского

улуса – Т.В.Захаров-Чээбия, Бетюнского наслега Ботурусского улуса – Ф.Т.Егоров, Хатырыкского наслега Намского улуса Н.Прядезников, I Жехсогонского наслега Ботурусского улуса – Е.Д.Николаев-II, II Игидейского наслега Баягантайского улуса – А.Петров, учитель В.И.Попов, врач Е.П.Попов, улусный писарь В.В.Шестаков, рано умерший воспитанник Якутской прогимназии Н.Артемьев, записавший олонхо в 1880-е гг., и др. В «Образцах народной литературы якутов» под редакцией Э.Пекарского названы 16 человек (и это далеко не полные данные, так как некоторые выпуски не вышли в свет), участвовавших в создании серии<sup>16</sup>.

Э.Пекарский умело организовывал работу путем удачного подбора соавторов и умелого руководства ими. Не принижая его личных заслуг, следует отметить, что такие значительные результаты его исследований были достигнуты благодаря труду многочисленной группы людей. Иначе говоря, он проводил исследования, опираясь на хорошо организованную сеть умело подобранных информаторов и сотрудников<sup>17</sup>.

Польские ссыльные активно привлекали к экспедиционной деятельности представителей местной интеллигенции. Так, Пекарский заручился согласием работать в Сибиряковской экспедиции: В.Е.Гориневича и якута Е.Д.Николаева-II (жилище, кухня и одежда), В.В.Никифорова (семейный быт), псаломщика А.И.Некрасова, Г.Ф.Осмоловского и якута Н.С.Слепцова (рыболовство, звероловство, игры) и В.В.Ливадина (ремесла и земледелие). В.М.Ионов занимался сбором материалов о верованиях якутов<sup>18</sup>.

Большая часть публикаций Э.Пекарского появилась в сотрудничестве с другими авторами. Соавторы менялись в зависимости от темы или периода жизни Пекарского. Однако роль не всех его соавторов была одинаковой. Лучше всего это видно на примере соавторов «Словаря» – В.М.Ионова и Н.П.Попова. Первый имел теоретическую и практическую подготовку, второй досконально знал якутский язык. Сама экспедиция проходила в период с 21 июля по 12 августа 1903 г. под руководством Э.Пекарского и В.Ионова. Э.Пекарский опросил 66 глав семей на якутском языке. Уезжая из Якутии, он оставил эти материалы В.Ионову, который вначале перевел их с

якутского на русский и дополнил новыми материалами.

В статье «Знание якутского языка в школе» Э.Пекарский поставил вопрос о введении в якутских школах обучения на родном языке и преподавании русского языка в качестве учебного предмета. Он писал, что «действительно, у якутов нет письменной литературы, но есть очень богатая устная литература». Что касается азбуки, то, по мнению автора, «имеется безупречный научный алфавит академика О.Бётлингга»<sup>19</sup>.

Отдельный интерес представляет эпистолярное наследие Э.Пекарского, переписывавшегося со многими деятелями якутской интеллигенции: П.Н.Сокольниковым, А.И.Софроновым-Алампа, И.С.Говоровым, В.Н.Васильевым, А.А.Ивановым-Кюндэ, И.И.Говоровым, А.Ф.Бояровым и другими<sup>20</sup>.

Представители польской ссылки высоко отзывались об уровне трудов местных краеведов. К примеру, участник экспедиции А.Чекановского 1875 г. З.Венгловский писал о члене РГО, купце Н.С.Горохове: «Этот купец просвещенный, довольно начитанный человек, патриот Якутии, горячо любящий свой родной край... Он занимается метеорологией, устроил у себя небольшую обсерваторию,...записывал предания, рассказы, сказки якутского народа...Интересом к чтению и к литературной работе и вообще всем своим образованием он был обязан главным образом ссыльным полякам, с которыми служил в конторах частных компаний по добыче золота на Олекме и Витиме, он с благодарностью хранил память о своих прежних товарищах и учителях»<sup>21</sup>.

Следует подчеркнуть большое культурное значение и благотворное влияние на местное население польских ученых. Это выражалось, во-первых, в том, что исследователи довольно широко привлекали местное население к своим занятиям, сбору материалов, тем самым приобщая их к высокой культуре и способствуя утверждению сознания о большой ценности устного народного творчества, что стимулировало его дальнейшее развитие. С другой стороны, местное население оказывало существенную помощь в работе политссыльных<sup>22</sup>.

Огромную роль в сборе материалов для польских ссыльных играли местные информаторы. К примеру, Яну Строжецкому, при-



бывшему в ссылку в 1897 г., интеллигентный якут, сын шамана Ф.Винокуров, помог в записи на фонографе камлания шамана. Местный учитель Н.Н.Березкин переводил с якутского на русский язык, так как ссыльный хотел быть уверенным, что имеет дело с настоящими шаманами<sup>23</sup>. Информатором В.Серошевского в местности Андылах (Колыма) стал молодой якут Иван Слепцов, он же доставлял сведения Н.Виташевскому, Э.Пекарскому и другим. Информатор Афанасьев находил сказителей для С.Ястремского. Якуты так привыкли к исследователю и к записям, что иногда спрашивали Серошевского, почему он ничего не записывает, ведь раньше в подобных ситуациях записывал<sup>24</sup>.

Поскольку в Якутии женщин из Европы было очень мало, то якутки на положении жен ссыльных становились их товарищами на период ссылки. Это незримой нитью связывало ссыльных с якутским обществом. Среди якуток встречались также женщины, которые, как, например, жены В.Серошевского и Э.Пекарского, сыграли большую роль в качестве учителей якутского языка, информаторов или посредников в получении необходимой информации<sup>25</sup>.

Н.Виташевский писал: «Мы и собственным примером, и внушением способствовали умственному, нравственному политическому развитию местной, инородческой и русской молодежи. Мы развивали в инородцах и русских якутянах сознание собственного достоинства, пробуждали чувство солидарности, зажигали искру борьбы». И это не было пустой декларацией — Н.Виташевский занимался наиболее актуальными вопросами Якутии и даже после отъезда из нее продолжал поддерживать живые контакты с молодой якутской интеллигенцией, которая питала к нему не менее горячие чувства<sup>26</sup>.

Польские ссыльные участвовали в открытии библиотек, представлявших собой один из важных центров формирования интеллигенции. Так, в Среднеколымске в 1897–1900 гг. ссыльный Л.Ф.Янович был заведующим библиотеки. В ней в 1896 г. насчитывалось около 200 экз. книг, а в 1905 г. — 3000 наименований. Она не уступала библиотеке любого провинциального города России<sup>27</sup>.

Со стороны польских ссыльных звучала не только благодарность, но и слова упрека и

недовольства в адрес якутской интеллигенции. Так, Э.Пекарский писал В.Н.Леонтьеву в 1927 г.: «...Я занимаюсь якутским языком, не покладая рук, вот уже 46-й год, печатаю Словарь и тексты, а получил ли от кого-либо из интеллигентных якутов какую-либо помощь в работе. Тщетно я пытался привлечь кого-либо к переводу изданных «Образцов народной литературы якутов». Даже те, кто обещали, ничего не сделали. Много ли получил замечаний, поправок и дополнений к своему Словарю. Интеллигенция якутская недостаточно любит свой язык и свою народную литературу... Без хвастовства смею уверить, что другого Пекарского не дождетесь. Надо рассчитывать отныне только на свои силы. Только теперь в Якутске спохватились, что нужно записывать пока не поздно старинные произведения устной словесности»<sup>28</sup>.

Вызвано это было личным недовольством по отношению к некоторым представителям национальной интеллигенции. Так, А.Е.Кулаковский выступил с нападками на Э.К.Пекарского, который «приехал молоденьким, вертлявеньким, поджареньким, а уехал стареньким, ехидненьким». В письме выдвигались необоснованные обвинения, что польский ссыльный сделал якутский язык «своим коньком», на «котором сначала поехал в Питер, а теперь едет вверх — по пути славы и великих почестей» и предсказывал в отношении словаря Пекарского: «труд его погибнет так бесславно, ничей не радуя взор». Э.Пекарский сравнивал скромность протоиерея Д.Д.Попова с претензией С.А.Новгородова, который «проработав у меня с грехом пополам без малого 2 года, требовал, чтобы я выставил на обложке словаря его имя, ссылаясь на данное будто бы мною обещание и имея дерзость утверждать, что он дал больше, чем оба моих сотрудника, именами коих украшена обложка моего словаря»<sup>29</sup>.

В 1924 г. жители Игидейского наслега Таттинского улуса писали Э.Пекарскому: «Мы часто вспоминаем о Вас и о Ионове и думаем, что многих инородцев Вы обучили грамоте. От этого и началась грамота. Теперь в Таттинском улусе 361 грамотный. Когда Вы приехали к нам, у нас не было почти ни одного грамотного якута». В 1929 г. бедняк С.А.Григорьев упоминал с благодарностью о

пожертвовании Э.Пекарским в 1896 г. трех рублей для обучения его сыновей. Впоследствии его сыновья продолжили учебу. Никита окончил двухгодичные педагогические курсы и работал учителем в Олекминском улусе, Михаил – Московский медицинский институт, Константин – Иркутскую учительскую семинарию и поступил в Московский промышленно-экономический институт<sup>30</sup>.

Польские ссыльные оказывали влияние на якутов своей профессиональной деятельностью в качестве учителей, врачей, юристов, ремесленников и т.д. Многие школы в улусах появились по инициативе ссыльных. Один из молодых якутов высказал Николаю Виташевскому свое мнение о влиянии ссыльных на коренных жителей: «...вы подняли в них чувство человеческого достоинства. Раньше все якуты дрожали перед каждым казачком, который появлялся в улусе. Теперь мы – молодые защищаем свои права, независимо от того, кто их нарушил: казак, губернатор или министр»<sup>31</sup>.

Влияние польских ссыльных на формирование и развитие якутской интеллигенции остается малоисследованной темой. Представители польской интеллигенции, находясь в более близком контакте с местным населением по сравнению с русской интеллигенцией, внесли существенный вклад в становление интеллектуального потенциала региона, а также в научное и культурное развитие. Труды поляков положили начало развитию многих направлений научных дисциплин, таких, как якутская филология, этнография, фольклористика, история, экономика, социология и т.д. Польские ссыльные объединяли вокруг себя местное образованное общество, и из числа местных информаторов позднее сформировались кадры интеллигенции. В якутской среде возник устойчивый образ поляка как представителя умственного труда, гуманиста и защитника интересов народа. С польской ссылкой связана целая эпоха бурного развития гуманитарных дисциплин в Якутии. Более того, плодотворная совместная деятельность польских ссыльных и местной интеллигенции способствовала продвижению научных достижений о Якутии на российский и международный уровни. Результаты изысканий ссыльных из Польши также

легли в основу идеологической платформы общественно-политического и национально-го движения в регионе в начале XX столетия. Особое значение имели межнациональные браки, способствовавшие цивилизационному взаимовлиянию.

## ЛИТЕРАТУРА

<sup>1</sup> *Ссылные поляки в Якутии: сб. науч. тр.* – Якутск, 1999. – С. 46–47.

<sup>2</sup> *Петров П.П.* Памятные места г. Якутска, связанные с именами поляков // Якутский архив. – 2001. – №2. – С. 43.

<sup>3</sup> *Армон В.* Польские исследователи культуры якутов. – М., 2001. – С. 67.

<sup>4</sup> Россия и Польша. Историко-культурные контакты (сибирский феномен). – Новосибирск, 2001. – С. 49–50.

<sup>5</sup> Государственный архив Иркутской области (в дальнейшем сокр. ГАИО), Ф. 293. Оп. 1, Д. 473. Л. 7–9, 12.

<sup>6</sup> Там же. Л. 5–6.

<sup>7</sup> ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 475. Л. 21, 29; *Оглезнева Т.Н.* Русское географическое общество: изучение народов северо-востока Азии. 1845–1917 гг. – Новосибирск, 1994. – С. 50; *Радлов В.В.* Отзыв о рукописи Н.П.Припузова «Сведения для изучения этнографии Якутского округа, собранные по программе Императорского Русского географического общества // Известия Русского географического общества. – 1888. – Т. XXIII. – С. 767–769.

<sup>8</sup> *Оконешников Е.И.* Якутский феномен Э.К.Пекарского. – Якутск, 2008. – С. 77; ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 475. Л. 25–26; *Емельянов Н.В.* От редколлегии // Захаров–Чээбий Т.В. Ала-Булкун. Якутское олонхо. – Якутск, 1994. – С. 5.

<sup>9</sup> *Оконешников Е.И.* Указ. соч. – С. 64; ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 475. Л. 20–21.

<sup>10</sup> ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 475. Л.24.

<sup>11</sup> Ссылные поляки в Якутии. – С. 110–111; Поляки в Якутии. – С. 45–46.

<sup>12</sup> *Оконешников Е.И.* Указ. соч. – С. 20.

<sup>13</sup> Там же. Указ. соч. – С. 15–16, 99; Поляки в Якутии: Материалы научно-практической конф. – Якутск, 1998. –С. 43; ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 475. Л. 28.

<sup>14</sup> Там же. – С. 71.

<sup>15</sup> *Армон В.* Указ. соч. – С. 101, 106–107.

<sup>16</sup> ГАИО. Ф. 293, Оп. 1. Д. 475. Л. 25, 29; *Емельянов Н.В.* Указ. соч. – С. 5–7; *Оконешников Е.И.* Указ. соч. – С. 42, 31.

<sup>17</sup> *Армон В.* Указ. соч. – С. 110.

- <sup>18</sup> ГАИО, Ф. 293. Оп. 1. Д. 475. Л. 13; Малькова А. Василий Никифоров. События. Судьбы. Воспоминания. — Якутск, 1994. — С. 95.
- <sup>19</sup> Оконешиников Е.И. Указ. соч. — С. 55.
- <sup>20</sup> Там же. — С. 120.
- <sup>21</sup> Поляки в Якутии. — С. 64.
- <sup>22</sup> Ссылные поляки в Якутии. — С. 116.
- <sup>23</sup> Армон В. Указ. соч. — С.152.
- <sup>24</sup> Там же. — С. 83–85, 57–58.
- <sup>25</sup> Там же. — С. 57; Ссылные поляки в Якутии... — С. 74.
- <sup>26</sup> Поляки в Якутии. — С. 37; Армон В. Указ. соч. — С.126.
- <sup>27</sup> Ссылные поляки в Якутии. — С.82.
- <sup>28</sup> Оконешиников Е.И. Указ. соч. — С.35.
- <sup>29</sup> Кулаковский А.Е. Якутской интеллигенции. — М., 2002. — С. 51–53; Пекарский Э.К. Автобиографические наброски // Пекарский Э.К. Словарь якутского языка в трех томах. Т. I. — СПб., 2008. — С. XVI.
- <sup>30</sup> Там же. — С. 33–34.
- <sup>31</sup> Армон В. Указ. соч. — С. 56.

*Е.Р. Antonov*

## **From the experience of scientific and cultural contacts of Polish exiles and Yakut intelligentsia**

This article considers mutual civilizational influences between Polish exiles and Yakut intelligentsia in scientific and cultural activities as well as the role of these influences in the formation of the national identity of the Yakuts.

*Keywords:* Yakut intelligentsia, Polish exiles, the intellectual potential of the region, Olonkho performers, informants (narrators), ethnographers.

УДК 316.3/.4(=1–81)(571.56)

*П.В. Сосин*

## **Социальная инфраструктура стационарных и подвижных (мобильных) поселений коренных этносов Севера**

Анализируются современное состояние и проблема развития социальной инфраструктуры стационарных и мобильных поселений на основании социологического исследования в местах компактного проживания коренных народов Севера.

*Ключевые слова:* социальная инфраструктура поселений, коренные малочисленные народы Севера, социальные нормативы, кочевой образ жизни, типы поселений, номенклатура объектов социальной инфраструктуры сельских поселений.

Строительство на селе в первые годы советской власти велось стихийно. В 1924 г. были разработаны «Обязательные правила о распланировании селений и их застройке», где содержались типовые схемы размещения деревень, а позднее появился «Альбом проектов построек в колхозах».

Большую роль в планировке сельской местности сыграл отвод участков колхозным селам на основе «Общих начал землепользования и землеустройства», принятых в производство с 1928 г. В дальнейшем в проектах

предусматривались функциональное зонирование территории и создание общественных центров. С 1960 г. в схемах районной планировки был принят курс на ускоренное укрупнение сельских населенных мест.

Основным документом, определяющим комплексную застройку сел и направление развития базы стройиндустрии, стала «Номенклатура жилых и общественных зданий». В основе нормативной базы лежали СНиПы (Строительные нормы и правила), временные нормативы, инструкции, методические рекомендации, различные ГОСТы.

В 1961 г. Государственным институтом по проектированию сельскохозяйственного строительства районов Сибири «Сибгипро-сельхозстрой» (Новосибирск) было разработано «Пособие по составлению схем планировки сельскохозяйственных районов Сибири». Этот документ, как и указанные выше, не учитывал особенностей мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера.

Коренные народы Севера в XX столетии прошли через советизацию, коллективизацию, ликвидацию неграмотности и переселение из обжитых мест в крупные населенные пункты, выполняющие административные функции (районные центры, центральные усадьбы колхозов и совхозов).

Нам представляется, что ключевые политические, экономические и социальные проблемы коренного населения изучались и решались без постоянного комплексного подхода, при этом считалось возможным их решение в неопределенном будущем. Такой подход к освоению территорий северных регионов, населенных коренными малочисленными народами Севера, на наш взгляд, сопровождался следующими негативными явлениями:

- пренебрежительное отношение к циркулярной культуре народов Севера, созданной многовековым опытом северян;
- нарушение при экстенсивном промышленном освоении экологической устойчивости среды обитания коренных малочисленных народов Севера и уклада их жизни;
- переход к социалистической системе ведения хозяйства, минуя капиталистический уклад жизни.

В 1920–1930 гг. начали строиться фабрики, в которых местное население сбывало пушнину, взамен покупало предметы повседневной необходимости – от утвари до боеприпасов и пр. С началом коллективизации в населенных пунктах стали строить современные типы жилья и других объектов социальной инфраструктуры. Но в 1960-е годы резкий скачок, связанный с ускорением перехода на оседлый образ жизни в «перспективных» селах, нанес невосполнимый удар по традициям передачи многовекового опыта старшего поколения новому, по-европейски просвещенному поколению.

Укрупнение «перспективных» сел с численностью жителей свыше 1000 чел. в Якутии проводилось в три этапа:

- первый (1970–1980 гг.) – переселение жителей из мелких поселений в центральные усадьбы совхозов или отделений;
- второй (1980–1990 гг.) – ликвидация поселений «ограниченного развития»;
- третий (1990–2000 гг.) – на территории Якутии было намечено сельских жителей 14 северных районов республики разместить в 23 «перспективных» поселениях.

Перевод малых сел в центральные усадьбы совхозов и в большие поселения с численностью населения свыше 1,0 тыс. чел. преследовал цель – достичь уровня жизни населения более развитых регионов страны и сблизить его с таковым сельского и городского населения. При этом предполагалось сэкономить расходы на энерго- и теплоснабжение крупных населенных пунктов. Этот процесс нарушил традиционную систему расселения народов Севера, основанную на жизненном опыте предыдущих поколений, сохранивших окружающую природную среду в естественном состоянии.

По данным Всесоюзных переписей населения 1959, 1979, 1989 гг., по Якутии количество мелких сельских поселений численностью жителей до 5 чел. сократилось в 16,6 раза, 6–10 – в 60,6 раза, 11–25 – в 47,8 раза, 26–50 – в 15,4 раза, 51–100 – в 6,9 раза, 101–200 – в 2,6 раза и с 201 до 500 жителей – в 1,7 раза. За эти годы количество сельских населенных пунктов с числом жителей от 501 до 1000 чел. увеличилось в 2,8 раза, от 1001 до 2000 чел. – в 4,7 раза, от 2001 до 3000 чел. – в 1,3 раза. Если в 1959 г. был один поселок численностью жителей от 3 до 5 тыс. чел., то к 1989 г. их стало три. В том же году более чем по 5,0 тыс. чел. проживали в семи сельских населенных пунктах. Таким образом, в процессе укрупнения сел по республике было ликвидировано 3782 мелких сельских поселения, где в основном занимались: в Центральной Якутии – животноводством, в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера – традиционными видами северного хозяйства (оленьеводство, охотничий промысел и рыболовство).

Разработанные в 1982 г. Научно-исследовательским институтом градостроительства и районной планировки (НИИГП) Академии строительства и архитектуры СССР научные рекомендации и проект «Методических указаний по составлению схем планировки сельскохозяйственных районов», а также утвержденная Госстроем и Министерством сельского хозяйства РСФСР «Инструкция по составлению схемы планировки сельскохозяйственных районов» не отражали зональные особенности регионов Сибири и Дальнего Востока.

В конце 1980-х гг. якутские архитекторы «Якутагропромпроекта» разработали проекты объектов социальной инфраструктуры для сельских населенных пунктов, рассчитанных на 100–150–250 жителей. Появились первые проекты по автономному благоустройству одно- и двухквартирных домов из бруса, а также арболитовых домов с монолитными стенами. Объекты социальной инфраструктуры малых сел (50–100 жителей) в основном были представлены девятью типами: детсад-ясли, школа, баня, магазин, пункт бытового обслуживания, медпункт, столовая и здание клуба с административными помещениями.

В 1991–1995 гг. в Республике Саха (Якутия) для индивидуального жилищного строительства были рекомендованы проекты одно- и двухквартирных жилых домов, разработанные институтами «Якутагропромпроект», «Якутгражданпроект», ЦНИИЭП «Граждансельстрой» и ЛенЗНИИЭП.

На строительстве объектов производственной и социальной инфраструктуры на селе до реструктуризации совхозов в 1992 г., были задействованы ПМК. С переходом на рыночные отношения из-за повышенных тарифов на энергоносители, транспортные услуги сельские строительные организации практически перестали существовать.

В постановлении Правительства Республики Саха (Якутия) от 11 января 1998 г. № 369 «Временные нормативы обеспеченности сетью учреждений, персоналом и транспортом в социальной сфере» приняты основные количественные величины, указанные в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 3 июля 1996 г. № 1063-р, содержится перечень объектов социальной

инфраструктуры для поселений с числом жителей не менее 200 чел. Но и в этих указанных документах особенности мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера не были учтены.

Поэтому 22 декабря 2000 г. Комитет по природопользованию, проблемам Севера, Арктики и малочисленных народов палаты представителей Государственного собрания (Ил Тумэн) РС (Я) организовал круглый стол на тему «Социальная инфраструктура в местностях (территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера». Среди прочих вопросов было замечено, что жители малых сел лишены элементарных условий жизни (тепло, свет, торговое и бытовое обслуживание, услуги связи и транспорт), а также прав на достойное образование, профессиональную подготовку, удовлетворение минимального уровня духовных потребностей, охрану здоровья<sup>1</sup>.

Дальнейшая работа по разработке проекта закона «О социальной инфраструктуре мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» была прекращена в связи с наводнением в Ленске, предвыборной подготовкой по избранию президента РС(Я), прекращением депутатских полномочий депутатов Госсовета (Ил Тумэн) РС(Я), включенных в рабочую комиссию, и уходом ее руководителя М.В.Мучина на другую работу.

Основные направления современного развития социальной инфраструктуры населенных пунктов традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера должны включать решение следующих первоочередных задач:

– разработку юридического статуса национального населенного пункта (для сохранения традиционной культуры и языка этноса);

– поиск оптимального развития социальной инфраструктуры, не зависящей от административного статуса и численности населения отдельного населенного пункта;

– учет при планировании и застройке населенных мест специфических особенностей хозяйственной деятельности, традиционного уклада и образа жизни малочисленных народов Севера;

– развитие транспорта и связи между населенными пунктами не только муниципального образования, но и с соседними улусами (районами);

– создание четкого механизма формирования капитальных вложений на основе законов и нормативных актов по развитию социальной инфраструктуры стационарных и мобильных (передвижных) поселений.

Необходимо отметить, что коренное население Севера приспособлялось к оседлому образу жизни постепенно, процесс адаптации коснулся и их жилых построек. Согласно исследованиям этнографов, изучавших особенности поселений, жилищ и уклада жизни коренных северных этносов, поселения оседлых и полуседлых таежных групп состояли из 1–5 домов, представляющих три типа жилищ: стационарное (постоянное), сезонное, временное. Так, эвенкийское стойбище таежных охотников и оленеводов состояло из 1–3 чумов\*, где проживали 2–3 семьи, у эвенков были и другие жилища – калта\*\*, голомо\*\*\*, угдан, угдама дю\*\*\*\* и др. Эвены имели три типа жилищ: чум, чорама-дю и голомо тунгусского типа. Долганы пользовались болохом – переносным жилищем на нартах, строили якутские юрты, голомо. У юкагиров было два типа поселений: постоянное – в зимнее время и сезонное – летом. Юкагирское жилище состояло из пяти типов: чум, голомо, балаган, чандал и сруб. Стойбище чукчей-олленеводов состояло из 2–10 яранг. В зимних и летних поселениях оседлых и полуседлых чукчей число жилищ достигало 20 единиц. Стационарные поселения были у якутов и зверобоев морских побережий. Якуты жили зимой и летом в отдельных юртах, после прихода русских освоили рубленые избы,

летом использовали также берестяные ураса. Прежде чем начинать осваивать новые земли они узнавали о качестве питьевой воды, произрастающей там растительности, болезнях людей, скота и пр. При строительстве жилья тщательно выбирали место для него, безошибочно определяя близость подземных льдов на аласах, лугах или полянах.

На 12 января 1989 г. в сельской местности республики насчитывалось 719 населенных пунктов, из них 641 стационарных и 78 временных поселений. В целом по Якутии в результате широкомасштабных мероприятий по укрупнению колхозов и совхозов республики, переселению жителей из малых поселений с численностью до 500 чел. (всего из 3782 сельских поселений, или 85,5% всех сел, где проживало 99200 чел.) прекратили существование освоенные многими поколениями аборигенов традиционные места обитания истинных носителей циркумполярной культуры Севера, что способствовало ускорению процесса ассимиляции на новых поселениях. Большая часть этих поселений выполняла функцию центральных усадеб укрупненных колхозов и совхозов. Количество населенных пунктов с численностью населения от 501 до 2000 чел. в 1959–1989 гг., увеличилось с 83 до 249, т.е. на 166 единиц. При этом численность жителей этих поселений увеличилась с 62349 чел. до 218993 чел., или в 3,5 раза.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., на территории Республики Саха (Якутия) было зарегистрировано 173 сельских населенных пункта с числом жителей менее 200 чел., в которых проживало всего 7397 жителей, в том числе 1283 чел. (17,3%) – жители 11 малых поселений в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера.

Территории современного расселения коренных малочисленных народов Севера были зафиксированы постановлением Правительства Российской Федерации от 11 января 1993 г. № 22 «О перечне районов проживания малочисленных народов Севера» в 28 субъектах страны, в том числе по Республике Саха (Якутия) на территории 20 улусов.

По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., общая численность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и

\* Чум – сооружение конической формы из 20–40 жердей. Высота 2–4 м, диаметр 3–6 м. Покрывается оленьей шкурой, ровдугой.

\*\*Калта – временное жилище, получум.

\*\*\*Голомо – жилище пирамидальной или усечено-пирамидальной формы. Для его строительства используют жерди, плахи, кору лиственницы, дерн и зимой – снег.

\*\*\*\* Угдан, угдама-дю – летнее жилище из жердей и бревен четырехугольной формы с двухскатной крышей из коры.

Дальнего Востока, проживающих на территории Российской Федерации, составила 243982 чел., из них 169543 чел. (69,7%) — жители сельской местности. Коренное население мест компактного проживания малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока составило всего 175142 чел., в том числе городское — 25024 чел. (14,3) и сельское — 15018 чел. (85,7). В целом в Республике Саха (Якутия) доля коренных малочисленных народов Севера составляет 3,5% населения республики.

В Республике Саха (Якутия) общая численность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока составила 33133 чел., т.е. 13,6% представителей коренных аборигенных этносов Российской Федерации: долганы 1272 чел. (17,5% этого этноса), эвенки 18232 чел. (51,3%), эвены 11657 чел. (61,1%), юкагиры 1097 чел. (72,7%) и чукчи 602 чел. (3,8%). Таким образом, наибольшая часть этносов (эвенки, эвены, юкагиры) проживают в Республике Саха (Якутия). Большая часть городского населения из числа коренных малочисленных народов Севера проживает в городах Якутске — 3731 чел. (11,3%) и Нерюнгри 1199 чел. (3,6%) с подчиненными им территориями.

В законе «О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей (территории) их компактного проживания в Республике Саха (Якутия)» (в новой редакции), в Постановлении Государственного собрания (Ил Тумэн) РС(Я) от 19 июля 2003 г. 3 № 122–111 и Указе Президента РС(Я) В.Штырова от 29 июля 2003 г. в 20 муниципальных образованиях выделены 69 сельских населенных пунктов и 10 возрождающихся поселений. В 1989–2002 гг. численность населения этих 69 сельских поселений сократилась в целом на 5224 чел. и составила всего 44022 чел.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), средняя обеспеченность жильем одного жителя составила 19,5 м<sup>2</sup> общей площади, а в 20 муниципальных образованиях коренных малочисленных народов Севера — 18,0 м<sup>2</sup>.

Необходимо отметить, что существующие СНИПы не учитывают специфические особенности населенных пунктов традиционно-

го проживания малочисленных народов Севера, прежде всего уклад и образ жизни коренного населения Севера, существенные отличия ведения традиционных отраслей хозяйства, не имеющего аналогов по природно-климатическим условиям.

С переходом на рыночные отношения востребованы новые нормативные акты, подкрепленные новыми законами, принятыми в Российской Федерации и Республике Саха (Якутия).

Правовая основа социально-экономического и духовного возрождения малочисленных народов Севера гарантирована ст. 12 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», ст. 42 Конституции Республики Саха (Якутия), а также ст. 30 Закона Республики Саха (Якутия) «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера», где подчеркнуто, что «Республика Саха (Якутия) гарантирует создание социальной инфраструктуры в национальных административно-территориальных единицах малочисленных народов Севера». В то же время в следующем пункте акцентируется, что «органы государственной власти разрабатывают минимальные нормативы обеспечения социальной инфраструктуры в местах компактного проживания малочисленных народов Севера...». Следовательно, что законом гарантируется всестороннее развитие инфраструктуры, — это декларация, правительственные органы будут только разрабатывать «минимальные нормативы в виде планов стабилизации, сдерживая спад производственной сферы».

В другом законе «О родовой, родоплеменной кочевой общине коренных малочисленных народов Севера» в ст. 17 говорится о том, что в бюджетах улусов и республиканском бюджете финансовое обеспечение общины предусмотрено только «на содержание жилищно-коммунального хозяйства социальной сферы общин, передаваемых в коммунальную собственность». В этой статье подчеркивается, что объекты социальной инфраструктуры родовых кочевых общин финансируются только при условии передачи их не уточненному хозяину то ли улуса, то ли Министерства жилищно-коммунального хозяйства республики или вообще АО, или другому собственнику. В этом плане

нужен новый закон «О правовом статусе населенного пункта компактного проживания и кочевого (передвижного) поселения малочисленных народов Севера», на основе которого должны быть выработаны нормативные акты, обеспечивающие соответствующие условия жизни. Объекты социальной инфраструктуры должны быть разработаны исходя не из нормативных показателей из расчета на 1000 жителей, а из образа жизни, национальных традиций, развития языка и культуры малочисленных народов Севера.

В методике изучения формирования социальной инфраструктуры нужен другой подход, наиболее полно учитывающий социально-экономическую характеристику национального поселка. Численность и плотность населения в силу сложности сравнения различия последствий экстремальных природно-климатических условий не дают полной характеристики и могут служить как среднестатистический синтетический показатель. Остаются в тени усредненные показатели качества оборудованности и эксплуатации жилищного фонда. За безликой численностью проживающих не видны остро нуждающиеся граждане, до которых не доходит адресная государственная помощь.

В связи с распадом совхозов и повышением транспортных расходов в местах кочевья оленеводов были созданы кочевые школы для детей коренных малочисленных народов Севера. Согласно концепции Министерства образования и ИПМНС СО РАН (Якутск, 2004 г.) «Система общинного образования кочующих народов Севера» кочевая малокомплектная школа должна выполнять следующие функции: обучение и воспитание детей в условиях семейного производственного кочевья народов Севера, ознакомление с живыми народными традициями, обычаями родителей, привитие навыков, ценностей, культуры выживания в экстремальных условиях. Нормативно-правовая база ее основана на федеральном и республиканском законах «Об образовании», «О государственном сельском образовательном учреждении» и др.

Учебный год в кочевой школе начинается с 1 августа и длится 34 недели. Учебный процесс имеет четыре четверти: первая продолжительностью с 1 августа по 30 сентября,

вторая – с 9 октября по 30 ноября, третья – с 1 февраля по 31 марта и четвертая – с 10 апреля по 14 июня. Установлены зимние (1 декабря – 31 января) и летние (15 июня – 31 июля) каникулы.

Кочевые школы (чум, яранга, утепленные палатки) перемещаются вместе с оленеводами и охотниками. Малокомплектная, из 10–15 учащихся, кочевая школа – один из объектов социальной инфраструктуры мобильного (передвижного) поселения работников двух-трех оленьих стад или промысловых бригад. Опорными школами являются базовые средние школы стационарных поселений. В семи улусах республики: в Алданском, Анабарском, Верхнеколымском (с.Утая), Кобяйском, Нижнеколымском (община «Нутендли»), Оленекском («Куенэлики») и Среднеколымском (община «Уродан») – успешно работают кочевые малокомплектные школы. Более 10 лет в Анабарской тундре действует Улахан-Кюельская кочевая начальная малокомплектная долганская школа. Дети в ней учатся с 2003 г. по программе «Уроки предков», рассчитанной на пять лет, где предусмотрены уроки: «Игры и игрушки северных народов» – 34 часа, «Жизнь предков, их традиции и обычаи» – 34 часа, «Охота и рыболовство» – 68 часов, «Оленеводство» – 34 часа.

Из 23 учеников, выпускников начальной Улахан-Кюельской кочевой школы, (2006 г.) 19 продолжили учебу в базовой школе (с.Саскылах), один окончивший базовую школу с серебряной медалью, учится в университете, другой окончил среднее техническое училище.

Жилище оленеводов в местах постоянного кочевья – в основном палатки, тордохи, яранги, долганские болохи на нартах. В 2003–2006 гг. НАОК «Таба» получила около 170 ед. мобильного жилья: батайские юрты и утепленные палатки «Сфера», а также дом контейнерного типа. Следует отметить, что с переходом на рыночные отношения ранее разработанные опытные образцы мобильного жилья широко не распространились. Мобильное жилище, изготовленное на заводе для вахтовых поселений геологов, нефтяников и транспортников, по многим параметрам не соответствует кочевому образу жизни, так как никем не учтены трудности его транспортировки и частота разборки и сборки.



Правительством Республики Саха (Якутия) от 16 марта 2003 г. №124 принято постановление «Об утверждении стандарта жилья для работников традиционных отраслей Республики Саха (Якутия)». Нормативно-правовой документ по стандартизации кочевого жилья состоит из трех разделов: «определение, виды и разновидности кочевого жилья»; «технические условия современного кочевого жилья»; «нормы кочевого жилья».

На основе существующих нормативно-правовых актов, по расчетам отдела социального обустройства ДТОС Министерства сельского хозяйства Республики Саха (Якутия), на обустройство одной бригады из 13 чел. и кочующих с ними 6–8 детей всего потребуется не менее 2,8 млн. руб. капитальных вложений в ценах 2005 г.

В 2005 г. по приглашению МСХ РС(Я) в Алданский район (улус) к оленеводам с.Хатыстыр с целью изучения кочевого уклада и образа жизни приезжали инженеры ВПК «Вымпел». На следующий год они изготовили палатку «Сфера» из нового материала «мембрана». Утепленные палатки получили оленеводы Усть-Янского улуса. Стоимость одной палатки 60,0 тыс. руб. Из-за высокой стоимости слабо внедряются различные отечественные и зарубежные разработки, очень нужные для работников традиционных отраслей северного хозяйства.

В XXI в. для повышения комфортности жилья коренных малочисленных народов Севера необходимо ускорить использование технологических новинок, созданных отечественными и зарубежными фирмами. В частности, имеются разработки микрогидроэлектростанций типа микро-ГЭС мощностью от 0,5 до 10 кВт и малых ГЭС до 5000 кВт, ветроэнергоустановки (ВЭУ) мощностью от 500 Вт до 10 кВт, миниветроэлектростанции – 100–200 Вт общим весом 40 кг, работающие при скорости ветра от 3 до 25 м/с. Для автономного обеспечения малой энергией работы радиостанции «Карат» можно использовать солнечные батареи мощностью одного модуля 10 Вт, напряжением 16 В. Для освещения переносного жилища создан солевой фонарь, разработанный специалистами отечественного ВПК (военно-промышленным комплексом). Он работает на основе солевого раствора (4 чайные ложки пищевой соли на 400 мл воды). Может служить источником

питания электроприборов и аудиовидеоаппаратуры, напряжением 12 В и мощностью до 8 Вт. Для питания радиоприемника или лампочки напряжением 4,5 Вт разработан термоэлектрогенератор (ТЭГ) на керосиновой лампе напряжением 4,5 В. Для любой печи с железной трубой диаметром около 12 см ВПК разработал термоэлектрогенератор «Чолбон» весом 7 кг, который перерабатывает тепло от трубной печи в электроэнергию, напряжением 12 В и мощностью 8 Вт. Для приготовления чая и ухи на костре или печи разработан терморегулятор, на котелке, вырабатывающий электроэнергию напряжением 12 В<sup>2</sup>.

Для развития социальной инфраструктуры кочевых (мобильных) поселений необходимо следующее:

- учитывать трудности транспортировки жилища и большую частоту его разборки и сборки;
- использовать многовековой опыт строительства переносных жилищ коренными народами Севера;
- применять экологически чистые строительные материалы.

С учетом перечисленного выше следует разработать и начать производство модулей помещений объектов социальной инфраструктуры кочевых (передвижных) поселений в г.Якутске.

В методологическом плане изучение социальной инфраструктуры должно исходить, прежде всего, из функциональной направленности ее объектов (детские сады, школы, больницы, клубы и т.д.). В теоретических разработках должны рассматриваться направления изучения дальнейшего развития объектов социальной инфраструктуры. В практическом отношении объекты социальной инфраструктуры должны не только соответствовать требованиям Госстандарта, но и наиболее максимально учитывать образ жизни человека и создавать комфортные условия для его жизнедеятельности.

#### ЛИТЕРАТУРА

<sup>1</sup> *Сосин П.В.* Социальная инфраструктура мест компактного проживания малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). – Новосибирск: Наука, 2005. – 204 с.

<sup>2</sup> *Находкин Н.А.* Современные технологии для жителей Севера. – Харбин, 2006. – 208 с.

P. V. Sosin

## Social infrastructure of stationary and mobile settlements of the indigenous ethnic groups of the North

On the basis of the sociological research carried out among the peoples of the North, the article considers the analysis of the contemporary state of development of social infrastructure in stationary and mobile settlements. It proposes the new all-embracing approaches of solution to the problem of development of social infrastructure in the various types of settlements in the areas traditionally inhabited by the indigenous numerically small peoples of the North.

*Keywords:* social infrastructure of settlements, indigenous small-numbered peoples of the North, social norms, nomadic way of life, types of settlements, nomenclature of the objects of social infrastructure of rural settlements.

УДК 316.346.32—053.6(571.56—13)

С.М.Баишева

## Молодёжь Южной Якутии в контексте региональной модернизации

Рассматриваются участие молодёжи республики и региона в реализации инвестиционных проектов Южной Якутии, особенности государственной молодёжной политики в регионе, приводятся официальные данные статистики и результаты начального этапа социологического исследования.

*Ключевые слова:* молодёжь, государственная молодёжная политика, промышленное освоение территории, коренные малочисленные народы Севера, социализация молодёжи, ценностные ориентации.

Модернизация Южной Якутии предусматривает создание каскада гидроэлектростанций и ряда промышленных предприятий на базе государственно-частного партнерства и в перспективе формирование нового промышленного района России. В период до 2020 г. будет осуществляться поэтапное строительство крупных промышленных объектов.

Эти планы обусловили необходимость комплексного этносоциологического исследования образа жизни молодёжи в Южной Якутии с целью поиска конструктивных

решений по участию различных групп молодого поколения в реализации мегапроектов.

В соответствии с частью 2 статьи 2 Закона Республики Саха (Якутия) от 3 декабря 1998 г. 3 № 49-П «О государственной молодёжной политике в Республике Саха (Якутия)» (с изменениями от 16 июня 2004 г.) молодёжь (молодые граждане или молодое поколение. — С.Б.) — это граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства в возрасте от 14 до 30 лет, проживающие на территории Республики Саха (Якутия).

Молодёжь как социально-демографическая группа выделяется на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и иных социально-психологических свойств, обусловленных общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитанием.

Наше исследование начато в 2010 г. Одна из ведущих задач его — выявление основных

---

\* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №10-03-79302а/Т «Молодое поколение Южной Якутии в условиях нового промышленного освоения: социологический портрет»

тенденций и проблемных вопросов в определении социального статуса молодёжи при промышленном освоении этноориентированных муниципальных образований региона (Алданский, Нерюнгринский районы), разработка обоснованных научно-практических рекомендаций для органов исполнительной и законодательной власти разных уровней. К числу наименее изученных групп молодёжи региона относятся представители коренных малочисленных народов Севера (эвенки), компактно проживающие в местах освоенных ими территорий традиционного природопользования.

Проблемы молодёжи разных возрастных групп и слоёв рассматриваются нами по основным тематическим блокам исследования: 1) политико-правовое сознание молодёжи Южной Якутии (к.и.н., н.с. Т.С.Ермолаев); 2) аддиктивное поведение молодёжи (к.социол.н., Ю.И.Жегусов); 3) информационные предпочтения молодёжи Южной Якутии (лаборант-исследователь О.В.Осипова); 4) социальный образ молодёжи коренных малочисленных народов Южной Якутии (к.э.н., с.н.с., рук. проекта С.М.Баишева).

Исследованием предполагается охватить учащихся общеобразовательных, профессиональных учебных заведений и работающих молодых людей, представляющих разные социальные слои Южной Якутии и проживающих как в городской местности, так и в отдалённых сельских поселениях и в кочевых условиях двух муниципальных образований.

В исследовании мы намерены, в частности, показать социальный образ молодёжи коренных малочисленных народов Южной Якутии (эвенки) через ценностные ориентации: образование и трудовую деятельность, мотивацию на профессиональные установки, тенденцию трансформации взаимоотношений между эвенкийской молодёжью, властью и бизнесом, установки молодёжи на сохранение этнических традиций и культуры в их повседневной жизни.

Новизна исследования состоит в получении эмпирических данных по основным проблемам современной молодёжи, имеющим региональную специфику. Комплексные исследования по данной тематике в Южной Якутии еще не проводились, несмотря на их явную актуальность и теоретическую, и

практическую значимость. Кроме того результаты исследования позволят судить об отношении молодёжи к новому промышленному освоению перспективного региона.

В ходе исследования рассматриваются социально-демографическая характеристика молодёжи, основные социально-экономические показатели уровня и качества жизни; особое внимание уделено анализу современного положения молодых эвенков, проживающих в сельской местности региона. На основе полученных записей будет скорректирована общая программа исследования, прежде всего, в аспекте её ориентации на изучение уровня и качества жизни молодёжи с учетом конкретных законопроектов, социальных и культурных условий, влияющих на образ жизни и формирование социального портрета молодого поколения в условиях реализации ряда крупных инвестиционных проектов.

Государственная молодежная политика направлена на решение специфических проблем молодёжи и введение стихийного процесса социализации в управляемое русло. Молодежная проблематика в той или иной степени всегда присутствует в развитии общества. Естественно, что государственная молодежная политика существенно различается и по концепции, и по применяемым на практике методам ее осуществления в зависимости от того, что в данном обществе признается проблемами молодёжи, как определяются задачи государственного регулирования социальных процессов, насколько дифференциация молодёжного социума по возрастному признаку отражает культурные традиции и соответствует сложившимся в данном обществе ценностям и нормам.

Формирование молодежной политики как отдельного направления социальной политики государства или её регионов обусловлено трудностью процесса социализации молодых людей в районах нового промышленного освоения. Определённая часть молодого поколения не может адаптироваться к новым вызовам современности, пополняет ряды маргинальных элементов, становится очагом социальной дестабилизации и преступности. Молодежная политика в целом должна быть ориентирована как на молодёжь в целом, так и на проблемную ее часть. В реализации

молодёжной политики государства в разных возрастных группах и в зависимости от их социально-экономического положения должны быть разные подходы. Основная цель молодёжной политики в проблемных регионах, где в перспективе сойдутся интересы власти, бизнеса и коренного населения, — содействие бесконфликтной интеграции молодых людей в общество. Ко времени промышленного освоения территории молодёжь должна получить образование, овладеть профессиональными навыками, усвоить свои права и обязанности, сформироваться в качестве самостоятельной и полноценной личности.

Необходим регулярный мониторинг проблем молодёжи Южной Якутии, что позволит государственным органам на местах принимать взвешенные долгосрочные решения на основе различных оценок ситуации и возможностей её развития, внося соответствующие коррективы.

Деятельность по реализации молодёжной политики Министерством по делам молодёжи и молодёжной политики РС(Я) в рамках их компетенции требует существенной корректировки и участия научных организаций республики в выработке комплекса мер, призванных обеспечить всем молодым людям равный шанс на достойную жизнь, независимо от состояния политико-экономической конъюнктуры в целом.

Для эффективной реализации проектов нового промышленного освоения необходима целенаправленная ресурсная поддержка регионального сообщества, в том числе молодого поколения, широкое освещение проблематики мегапроектов в СМИ, что будет способствовать формированию особого дискурса по теме. Исследуя информационные потребности и интересы молодого поколения, мы должны выявить не только особенности локального информационного пространства Южной Якутии, но и сделать выводы об отношении молодого поколения к вопросу влияния промышленного освоения на экологию, состояние здоровья, уровень образования, степень трудоустройства, криминальную ситуацию, знание действующего законодательства и его применения на практике.

Современная молодёжь является не только объектом молодёжной политики, но и

динамически развивающейся группой общества, в среде которой нет единообразия. В молодёжном социуме наиболее ярко выражены острые формы кризисных социальных противоречий общества, происходит процесс стратификации по социальным траекториям, прослеживается доминирующая роль изменяющихся институтов социализации. В условиях глобализации специалистами прогнозируется автономность системы ценностей в тезаурусах молодёжи, желание и стремление представителей национальных меньшинств, в том числе коренных малочисленных народов Севера, к самоидентичности.

В наше время воздействие глобализационных процессов является повсеместным и выражается в формировании информационных предпочтений, девиантного поведения молодёжи, изменении ценностных ориентаций и образа жизни. По мнению исследователей, сильнейшее воздействие СМИ оказывают на формирование представлений о современном состоянии общества, в том числе социальных ценностей современной молодёжи. Исходя из этого, можно утверждать, что именно средства массовой информации транслируют модели, стили и образцы сознания и поведения.

Таким образом, выявление информационных потребностей и предпочтений позволит определить не только каналы коммуникации, которые воздействуют на молодёжь в большей степени, и влияние информации на формирование правового сознания молодёжи, но и сделать определённые выводы относительно позиции, занимаемой молодёжью по вопросам промышленного освоения Южной Якутии. По-прежнему не снижается количество преступлений, совершенных под воздействием алкоголя (практически каждый третий-четвертый участник преступления на момент его совершения находился в состоянии алкогольного опьянения). Основные причины молодёжной преступности находятся в тесной зависимости от экономического развития ареала проживания (пребывания) (низкий уровень доходов, безработица и т.п.), непосредственного окружения (воспитание в неполных семьях, вне семьи, рост алкоголизма и наркомании). Влияние СМИ носит всеобъемлющий харак-

тер, они выступают в качестве одного из основных социализирующих институтов, наиболее доступного и влиятельного механизма формирования личности.

На 1 января 2009 г. в Якутии молодых людей в возрасте 14–30 лет (включительно) насчитывалось 283273 человек, или 29,8% общей численности населения республики<sup>1</sup>. В городах республики проживало 189545 молодых людей, в сельской местности 93728 человек, т.е. 66,9% и 33,1% соответственно. По возрастным группам молодёжь распределена следующим образом: 14–15 лет – 30595 чел. (10,8%), 16–17 лет – 34771 чел. (12,3%), 18–19 лет – 36792 чел. (13,0%), 20–24 года – 90321 чел. (31,9%), 25–30 лет – 90794 чел. (32,0%). Из общего числа преобладают молодые люди мужского пола: 142760 чел. (50,4%) против 140513 чел.<sup>2</sup> (49,6%) женского пола. При этом в старшей возрастной группе 25–30 лет более половины молодёжи (50,3%) составляют девушки.

Наибольшее количество молодежи зарегистрировано в городах Якутске с п.т. (95845 чел.) и Нерюнгри с п.т. (25098 чел.), а наименьшее – в Эвено-Бытантайском улусе (668 чел.). Следует отметить устойчивую тенденцию к значительной концентрации молодежи в столице республики – Якутске, где доля её составляет 33,8% всего населения. Данный факт обусловлен наличием большого числа учебных заведений и желанием провинциальной молодёжи жить в условиях развитой социальной и производственной инфраструктуры. Низкая адаптированность сельских поселений к рыночной экономике играет при этом не последнюю роль. Безработица, низкий уровень жизни на селе способствуют тому, что в большинстве случаев после окончания учёбы молодые люди не торопятся покинуть городские условия с целью обустроить сельскую местность, начинать в родных местах свою профессиональную деятельность, помочь селу в решении вопросов социального и экономического развития.

По мнению автора, в городе Якутске существует категория неучтённой молодёжи из отдалённых северных и близлежащих улусов, которая не вернулась в село после службы в армии или относится к несостоявшимся студентам (бывшие абитуриенты, отчислен-

ные студенты), а также приехавшие в поисках работы или устройства личной жизни. Они годами живут без прописки, трудоустраиваются временно или в частные структуры, где не требуют даже паспорта. Работодатели выплачивают им за работу авансовые платежи, не делают отчислений в пенсионный фонд, фонды социального страхования, налоговые органы.

Специалисты в сфере образования считают, что выпускники сельских школ не могут поступить в высшие учебные заведения в связи с недостаточной конкурентоспособностью, а при поступлении на первых курсах вынуждены бросить учёбу из-за проблем с социальной адаптацией к городской среде, слабой базовой школьной подготовки и невозможности преодолеть психологический барьер в общении со сверстниками.

В целом, наличие незарегистрированных в столице республики молодых людей создаёт угрозу безопасности населения, в том числе усиливает криминализацию общества и повышает степень девиантного поведения молодёжи.

В Южной Якутии, куда входят 3 муниципальных образования, проживает 45073 чел. молодого возраста. Из общего числа молодёжи региона в Алданском районе числится 12624 чел. (28,0%), Нерюнгринском – 25098 чел. (55,7%), Олёкминском – 7351 чел. (16,3%).

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в Нерюнгринском районе проживало 25748 чел. в возрасте 14–29 лет, из них 12924 мужчин и 12824 женщин<sup>3</sup>. Более 14 тыс. молодых людей работало в различных отраслях экономики. Учащейся и студенческой молодёжи – свыше 10,6 тыс. человек, в том числе: в школах – более 5,8 тыс., в вузах – 2,3 тыс., в ССУЗах – 2,5 тыс. человек. Молодых семей в районе насчитывалось около 8,5 тыс., из них нуждающихся в улучшении жилищных условий – 3 тыс., или 35,3%.

С 2000 г. численность молодёжи в Южной Якутии снизилась с 47163 чел. до 45073 чел., или на 2090 чел. (4,4%). Наибольшее сокращение отмечено в Алданском районе – на 1047 чел., Нерюнгринском – на 994 чел., в Олёкминском – всего на 49 чел. Из всей молодёжи региона в городских условиях проживает 39174 чел., или 86,9%. В Олёкминском

районе преобладает сельская молодёжь – 63,1%, в Алданском на селе проживает всего 864 чел., Нерюнгринском – 395 чел.

Для республики характерно снижение потока мигрантов из числа молодёжи в возрасте 14–29 лет по улусам, за исключением Булунского, Жиганского, Чурапчинского. Город Якутск выделяется на этом фоне неравномерным увеличением жителей за счёт молодых мигрантов. За последние девять лет число прибывших молодых людей увеличилось с 4764 чел. до 6006 чел., или в 1,3 раза. Миграционный прирост обусловлен разными причинами, среди которых важное место занимают следующие: учёба, поиск работы, личные (семейные) обстоятельства, возврат к прежнему месту жительства.

Тревожный фактор для планирования работ с целью привлечения молодых людей к строительству крупных инвестиционных проектов – отрицательный миграционный прирост во всех 3 улусах Южно-Якутского региона. Так, с 2000 г. по настоящее время в Алданском районе миграционная убыль стабилизировалась на уровне – 290 чел., в Олёкминском – увеличилась на 22 чел., в Нерюнгри – возросла в 12 раз (с -44 до -530)<sup>4</sup>.

В исследуемом регионе, за исключением г. Нерюнгри с п.т., отмечается увеличение числа родившихся из расчёта на 1000 человек<sup>5</sup>. За период с 2000 г. произошло изменение числа родившихся по районам: Алданскому – с 10,7 до 11,9; Олёкминскому – с 13,1 до 15,8; Нерюнгринскому – с 11,1 до 10,9 из расчёта на 1000 человек населения.

В то же время отмечается рост общего коэффициента смертности, как по республике, так и по исследуемому региону. В Алданском районе число умерших на 1000 населения составило в 2008 г. 14,4 против 13,8 в 2000 г., в Олёкминском 13,4 против 12,1; в Нерюнгринском – 9,3 против 6,8 соответственно. Автор считает, что увеличение коэффициента рождаемости произошло ввиду изменения социально-демографической политики государства (материальное и моральное поощрение матерей, выплата материнского капитала, выплаты социального характера и т.д.). Рост смертности в молодёжной среде обусловлен разными причинами, в том числе от несчастных случаев, отравлений и травм в республике ушли из

жизни 562 чел. Наибольшую тревогу в обществе вызывает рост самоубийств в 1,2 раза (с 181 до 214 случаев), умерших от болезней системы кровообращения – в 1,4 раза, от инфекционных и паразитарных болезней – в 1,3 раза<sup>6</sup>. Картина по суицидам в молодёжной среде свидетельствует о неблагоприятных тенденциях этнопсихологического свойства, низкой стрессоустойчивости, слабой работе местных администраций с группами риска, недостаточной жизнеспособности отдельных категорий молодых людей, их слабом адаптационном потенциале.

В Якутии отмечается высокий уровень заболеваемости и смертности среди молодёжи, особенно сельской. Анализ динамики состояния здоровья молодых людей позволяет прогнозировать в последующие 10–15 лет ухудшение состояния здоровья взрослого населения. Одним из негативных факторов, оказывающим влияние на состояние здоровья молодёжи, за годы рыночных трансформаций становится потребление психоактивных веществ. Специалистами отмечается резкое увеличение процесса наркотизации в молодёжной и школьной среде. При этом уровень заболеваемости наркоманией среди несовершеннолетних в 1,5 раза выше, чем среди взрослого населения по Российской Федерации.

В 2008 г. в РС(Я) зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни среди лиц 15–17 лет по всем видам болезней, 58060 чел. (в 2000 г. – 44855 чел.). За исследуемый период, т.е. за 9 лет, произошёл рост числа заболеваемости среди молодёжи в 1,3 раза. Из основных классов болезней наибольший рост отмечается среди больных с диагнозом «болезни костно-мышечной системы – в 2,3 раза, новообразования, болезни органов пищеварения – в 2,1 раза, болезни крови и системы кровообращения, болезни нервной системы», травмы и отравления – в 1,4–1,6 раза. За этот же период снизилось число молодёжи с впервые установленным диагнозом: болезни эндокринной системы – на 39,2%, инфекционные и паразитарные болезни – на 34,0%, психические расстройства и расстройства поведения – на 54,6%.

Из молодых людей, обратившихся в лечебные учреждения республики по поводу заболеваний, впервые были поставлены

диагнозы: по болезням органов дыхания – каждому второму, травмы и отравления – каждому седьмому, по болезням органов пищеварения – каждому девятому.

Проводимая на уровне республики политика здорового образа жизни, увеличение числа спортивных сооружений, роста количества спортивных секций мало повлияли на уровень заболеваемости среди молодежи. Заболеваемость подростков за 2000–2008 гг. в возрасте 15–17 лет по республике возросла (из расчёта на 1000 сверстников) в 1,4 раза, также как и в МО «Алданский район». В то же время по МО «Олёкминский район» и МО «Нерюнгринский район» зафиксирован рост числа больных подростками в 2,1 и 2,6 раза соответственно. Данные цифры подтверждают, что здоровье молодого поколения – и тем самым генофонд нации – находится под угрозой. Происходит снижение качества здоровья молодого поколения, растёт число заболеваний, прежде не свойственных молодым людям, а теперь приобретающих все большее распространение (новообразования, кардиологические заболевания, заболевания сосудов, нервной системы, желудочно-кишечного тракта, заболеваний крови и т. п.).

По данным выборочных обследований населения по проблемам занятости, экономически активное население в РС(Я) составляет 502,7 тыс.чел., из них молодёжь – 132,5 тыс. чел. (26,4%)<sup>7</sup>. Из 45,4 тыс.чел. безработных республики 20,8 тыс.чел., или 45,8%, приходится на молодёжь в возрасте 15–29 лет. Уровень занятости молодого поколения снизился за последние девять лет с 49,4% до 43,9%. Официальный уровень безработицы за это время также снизился, причём по всем возрастным категориям. В целом, уровень безработицы в молодёжной среде высокий и равен 15,7% против 9,0% среди всего населения. По экспертным оценкам, в республике уровень сельской безработицы превышает все официальные показатели.

Данная ситуация обусловлена свёртыванием крупных не только промышленных предприятий, но и сельскохозяйственных, промысловых производств, передачей функционирующих отраслей в ведение акционерных компаний, нежеланием руководителей

предприятий брать молодёжь на производство, мотивируя это отсутствием опыта. По республике зарегистрировано 20790 безработных из числа молодых людей, из них не имеют опыта работы – 10993 чел. (52,9%), оставили прежнее место работы в связи с увольнением по собственному желанию – 2726 чел. (13,1%), сокращением штатов, ликвидацией предприятия – 1706 чел. (8,2%), окончанием работы по контракту – 1258 чел.

Наиболее востребованными в различных отраслях экономики среди молодёжи как мужского, так и женского пола являются старшие возрастные группы. Среди занятых в экономике молодых людей имеют образование: высшее профессиональное – каждый пятый, неполное высшее – всего 6,5%, среднее профессиональное – 24,3%; начальное профессиональное – 16,6%; среднее (полное) общее – 26,9%; основное общее – 5,0%; начальное и ниже – всего 0,3%. Уровень образования среди работающих девушек выше, чем у молодых людей: 13,0% девушек против 9,8% юношей имеют высшее профессиональное образование.

Каждый десятый выпускник вуза трудоустроивается самостоятельно. В поисках работы большинство (57,9%) обращается к своим знакомым, друзьям, родственникам. Среди других способов искать место приложения своего труда: обращение в государственную службу занятости, обращение к администрации, работодателю, подача объявления через СМИ.

Следует признать, что несовершенство системы управления трудовыми ресурсами породило наличие в стране скрытой формы безработицы и неэффективной занятости, которые зачастую выявляются в ходе полевых или экспедиционных работ. Интервью, проведённые нами с жителями национальных сёл в сентябре 2010 г. в МО «Нерюнгринский район» и «Алданский район» (с.Иенгра, Хатыстыр) показали, что регистрация в качестве безработного в центрах занятости представляет собой непреодолимое препятствие для большинства, лишённых постоянного источника жизнеобеспечения. Во-первых, опрошенным эвенкам, не импонирует сам процесс записи на приём к специалисту, заполнения документации. Во-вторых, они не уверены, что после прохождения опреде-

лётной процедуры им присвоят статус безработного. В-третьих, их не устраивает сумма пособия, которую назначают госструктуры после долгих мытарств. Большинство практически безработных молодых мужчин среди аборигенов придерживаются мнения, что им выгоднее заниматься охотой или рыбалкой, чтобы прокормить себя или семью, чем «обивать пороги чиновников», не веря в положительное решение вопроса.

Надежды на повышение уровня жизни, обусловленные экономическим потенциалом республики, молодое поколение Южной Якутии связывает с возможностями нового промышленного освоения территории и реализацией ряда мегапроектов (ВСТО, строительство железной дороги и автомобильных дорог федерального значения). Будущее строительство Канкунской ГЭС вызывает неоднозначную оценку среди коренных жителей региона, в частности в молодёжной аборигенной среде, что обусловлено, в первую очередь, ухудшением среды обитания и традиционного образа жизни.

Согласно соцопросу, часть молодёжи считает, что новое промышленное производство будет способствовать формированию дополнительного платежеспособного спроса в экономике, послужит действенной мерой поддержки смежных отраслей, социально-экономическому развитию опорных населённых пунктов. Однозначно, что курс государственной политики, предусматривающий повышение предпринимательской активности молодых людей через снижение административных барьеров, развитие институтов микрофинансирования, механизмов государственного содействия субъектам малого предпринимательства, облегчит доступ субъектов малого предпринимательства к финансовым и материальным ресурсам, повысит конкурентоспособность субъектов малого предпринимательства на внутреннем и внешнем рынках. Проводимая социальная политика продолжит модернизацию в отраслях, ориентированных на человека: образовании, здравоохранении, пенсионном и социальном обеспечении, жилищном строительстве, культуре, спорте.

Для преодоления негативных факторов необходимо дополнительное финансирование отраслей не только производственной, но и социальной сферы, что будет способ-

ствовать повышению уровня и качества жизни молодёжи.

Главными критериями, определяющими результат реализации молодёжной политики в республике, должны стать улучшение положения молодежи в обществе и, как следствие, увеличение вклада молодых людей в социально-экономическое развитие региона, страны. Реальное повышение уровня здоровья и качества образовательных услуг, доходов молодых людей в сравнении с предыдущим периодом и доходами взрослого населения – ожидаемые и желаемые показатели улучшения положения молодёжного социума. Следует признать, что основными проблемами реализации государственной молодёжной политики в республике являются следующие: отсутствие нормативно-правовых актов на федеральном уровне; сложная инфраструктура в муниципальных образованиях; недостаток квалифицированных кадров; сокращение и недофинансирование муниципальных программ; недостаточная информационная открытость и доступность молодёжной политики.

Проведённый социологический опрос (2010 г.) показывает, что при реализации масштабных промышленных проектов резко негативному воздействию подвергнутся представители аборигенного сообщества, занятые в традиционных отраслях Севера. Вторжение промышленности на земли традиционного природопользования вызывает особую тревогу среди аборигенной молодёжи, что обусловлено неопределённостью их социального статуса, сменой ценностных ориентиров, отсутствием перспектив на доступное образование и жильё, безработицей и сопутствующими ей негативными явлениями новой волны социализации молодёжи.

Успешная региональная модернизация и формирование социального государства невозможны без прогнозирования поведения молодежи, учёта интересов и потребностей её различных групп с целью сохранения выбранной парадигмы развития страны.

## ЛИТЕРАТУРА

<sup>1</sup> Молодёжь Республики Саха (Якутия): статистический сборник / Территориальный орган ФСГС по РС(Я). – Якутск, 2009. – С. 13.



<sup>2</sup> Там же. – С. 12.

<sup>3</sup> Возрастно-половой состав населения РС(Я). Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – Т. 3. – Стат. сб. / Комстат РС(Я). – Якутск, 2004. – С. 63.

<sup>4</sup> Молодёжь Республики Саха (Якутия): Статистический сборник. – С. 20.

<sup>5</sup> Там же. – С. 24.

<sup>6</sup> Там же. – С. 27.

<sup>7</sup> Там же. – С. 36.

*S.M. Baisheva*

### **The youth of Yakutia in the context of regional modernization**

We consider the participation of youth of the republic and of the region in the realization of investment projects of Southern Yakutia, changes in the execution of state youth policy in the region are considered, official statistical data and the results of the initial stage of the sociological investigation are also considered.

*Keywords:* youth, state youth policy, industrial development of the territory, indigenous peoples of the North, youth socialization, value orientation

УДК 343.221.5(571.56)

*З.И.Корякина*

### **Предупреждение преступности несовершеннолетних и перспектива развития ювенальной юстиции в Республике Саха (Якутия)**

Рассматриваются наиболее проблемные аспекты предупреждения преступности несовершеннолетних с учетом возможности внедрения ювенальной юстиции в Республике Саха (Якутия). Проанализировано также понятие ювенальной юстиции с приведением различных по этому поводу мнений. Даются предложения рекомендательного характера для внедрения ювенальной юстиции на территории Республики Саха (Якутия) и на этом фоне предлагаются различные пути борьбы с преступностью несовершеннолетних.

*Ключевые слова:* ювенальная юстиция, преступность несовершеннолетних, преступность молодежи, преступление, правонарушение, несовершеннолетнее лицо, ювенальная технология, уголовное судопроизводство, профилактика правонарушений, девиантное поведение.

Криминальная ситуация (состояние) в среде молодежи и несовершеннолетних остается сложной, о чем свидетельствуют статистические данные<sup>1</sup> и результаты криминологических<sup>2</sup> и социологических<sup>3</sup> исследований, проведенных в РС(Я).

В последнее время в общественных кругах очень часто стали говорить о ювенальной юстиции и ювенальной технологии. По поводу определения понятия «ювенальная юстиция» в науке и специальной литературе нет единого мнения. Некоторая часть авторов, в том числе один из авторитетных

ученых в данной области профессор Э.Б.Мельникова, считает, что ювенальная юстиция – это, прежде всего, правосудие и центральным его звеном является суд<sup>4</sup>.

Другая группа авторов полагает, что ювенальная юстиция – это совокупность множества различных по своему правовому статусу органов. По их мнению, ювенальная юстиция должна включать в себя не только ювенальные суды, но и социальные службы при них, а также отдельные подразделения социальной защиты детей и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних<sup>5</sup>.

В Пекинских правилах, определяющих правила уголовного судопроизводства по

делам несовершеннолетних, оригинальная английская версия – Juvenile Justice – в аутентичном русском тексте переведена как «правосудие в отношении несовершеннолетних»<sup>6</sup>.

Ясно одно, что под ювенальной юстицией можно понимать деятельность уполномоченных органов государственной власти, осуществляющих правосудие в отношении несовершеннолетних лиц, а также реализующих правовые основы государственной политики в их защиту. Ее главная задача – не наказание, а профилактика асоциального поведения, воспитание и развитие ребенка, предполагающие принципиально новый подход к подрастающему человеку.

Необходимость эффективного внедрения в Республике Саха (Якутия) ювенальной юстиции на сегодняшний день является одной из самых актуальных и обсуждаемых проблем. Эта тема не раз обсуждалась в СМИ, в Государственном собрании (Ил Тумэн), правительстве республики, а также неоднократно поднималась уполномоченным по правам ребенка в РС(Я) А.Соловьевой, уполномоченным по правам человека РС(Я) Ф.Захаровой. По этому вопросу проводятся различные круглые столы, конференции, создана рабочая группа. При этом нужно отметить, что в рамках функционирования органов ювенальной юстиции усиленно должна вестись работа и по профилактике преступности, правонарушений несовершеннолетних. Считаем, что деятельность по предупреждению асоциального поведения, преступности несовершеннолетних и ювенальная юстиция неотделимы друг от друга в силу того, что основные задачи органов ювенальной юстиции должны быть посвящены не только охране, обеспечению, защите прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, но и искоренению причин, мотиваций влечения ребенка к девиантному (отклоняющемуся) поведению.

Для этого, во-первых, необходимо пересмотреть государственную политику в области применения профилактических мер. А именно: усилить комплексную координационную работу по превентивным стратегиям в целях борьбы с преступностью среди молодежи и несовершеннолетних путем учреждения такого единого, объединенно-

го органа, как Совет по предупреждению преступности (по опыту Франции). Предполагается действие данного органа на постоянной профессиональной основе с участием представителей структур правоохранительных органов, органов государственной, муниципальной власти, учреждений, организаций и общественных объединений граждан и т.д. при парламенте РС(Я) либо при президенте РС(Я).

Во-вторых, усилить работу соответствующих структур органов государственной власти совместно с представителями общественности и иными заинтересованными субъектами по повышению авторитета и престижа правоохранительных органов, их деятельности, с целью приумножения роста доверия и уважительного отношения к МВД, прокуратуре и иным правоохранительным структурам, ведущим борьбу с преступностью.

Что касается мотивации неправомерного поведения несовершеннолетних, нужно отметить, что причины, условия и факторы, способствующие совершению преступлений несовершеннолетними и молодежью, девиантности их поведения с каждым этапом развития общественных отношений, ценностей и уклада жизни расширяются, детерминируются и носят изменчивый характер.

Как показывают выявленные обобщенные факты в собственных и различных источниках исследования, основные причины роста преступности в целом заключаются в следующем: разрушении системы моральных и идеологических ориентиров; ухудшении социально-экономических условий жизни широких слоев населения; недостаточной эффективности деятельности правоохранительных органов, которые оказались не приспособленными к работе в новых условиях; отсутствии стабильной нормативно-ценностной системы и поддерживающих ее социальных институтов; социальной дезинтеграции, ослаблении солидарности между людьми и возникновении многочисленных субкультур; в «захлавлении» информационного пространства продукцией низкопробного качества, аморального и криминогенного содержания, которые провоцируют неокрепшую психику подростка, молодого человека на совершение антиобщественных

деяний; недостатках социализации, ведущих к неспособности разрешать внутренние конфликты из-за отсутствия нравственной основы, закладываемой в детстве посредством внешнего контроля (теория контроля, теория социальных связей) и мн. др.

Наряду с традиционными представлениями о мерах по профилактике преступности среди молодежи в виде борьбы с « пороками » общества и увеличения инвестиций в сферу детского, подросткового досуга и т.д., необходимы следующие шаги по повышению эффективности превентивных мер в целом:

Во-первых, сегодня ни государство, ни общество не владеют достоверной аналитической информацией о реальных масштабах подростковой, молодежной преступности и тенденциях, что не позволяет выработать программу действий, адекватную ситуации. Для этого необходимо следующее: постоянно изучать преступность несовершеннолетних и молодежи и оценивать эффективность принятых мер; создать общероссийский межведомственный и межсекторальный мониторинг динамики преступности молодежи с единой информационно-аналитической базой; обеспечить поддержку исследований совершения правонарушений и эффективности мер профилактики и наказания; создать систему распространения доступной информации о результатах исследований, альтернативных подходах и инновациях, динамике преступности; расширить участие практиков и экспертов в межведомственных дискуссиях по этим проблемам.

Во-вторых, следует изменить приоритеты в социальной политике государства по отношению к подросткам и молодежи для ослабления механизма, создающего социальные условия воспроизводства преступности в целом. Для этого необходимо следующее: изыскать средства на помощь семье в воспитании полноценного и жизнеспособного гражданина, на модернизацию системы образования и внешкольной работы с подростками, на повышение качества массового (бесплатного) начального и среднего образования, на нужды детского здравоохранения, на обеспечение занятости в труде молодежи и т.д.; ужесточение контроля и спроса с родителей за невыполнение ими обязанно-

стей по отношению к ребенку; восстановить воспитательную функцию школы и средней профессиональной системы образования на основании обстоятельств, создающих обеспокоенность ныне часто встречающейся практикой школы в ориентации на раздельное обучение « нормальных » и « проблемных » детей, а также превращением школы в институт « социального сдерживания » для неимущих социальных групп общества, с одной стороны, а с другой – « в подготовительные курсы по поступлению в вуз » для относительно материально обеспеченных семей, что не способствует развитию толерантности и позитивной социализации детей в современном мире, а запускает процесс дискриминации.

В-третьих, следует разработать новую идеологию, увязывающую в единое целое весь процесс работы с несовершеннолетними, склонными к совершению правонарушения, состоящими на учете в правоохранительных органах, осужденными за преступление, отбывающими наказание и освобожденными из мест лишения свободы. Эта работа должна начинаться во внутришкольных программах обучения и заканчиваться в реабилитационных службах воспитательных колоний и по месту прибытия подростка, молодого лица после освобождения.

В-четвертых, необходимо повысить инвестиции в « высокую » культуру и наиболее цивилизованные направления массовой культуры.

Также нужно переосмыслить роль и методы системы осуществления правосудия и уголовного преследования для несовершеннолетних.

Результаты одного из наших исследований показали, что опрошиваемые молодые респонденты (общее количество которых 300 учащихся школ, ссузов и вузов республики) никогда не слышали о ювенальной юстиции (96,48%). Вышеизложенные аргументы свидетельствуют в пользу изменения республиканской политики в отношении повышения правовой культуры населения, правовой политики в отношении несовершеннолетних и молодежи, которая должна рассматриваться как составная часть общей ювенальной правовой политики (под последней следует понимать специально организованную

систематическую деятельность, направленную на совершенствование механизма реализации прав несовершеннолетних, обеспечение эффективной защиты их прав и законных интересов, их правовую социализацию, формирование определенного уровня правовой культуры). Субъектами подобного рода деятельности должны выступать в первую очередь органы государственной власти и местного самоуправления, общественные организации, образовательные учреждения, различные институты гражданского общества. Первоначальный опыт внедрения ювенальной юстиции в Республике Саха (Якутия), несмотря на ее отсутствие как самостоятельной подсистемы общего правосудия, возник еще в 90-х годах, когда были приняты такие законы, как закон о правах ребенка и молодежной политике в РС(Я), об уполномоченном по правам ребенка и т.д. Однако из-за нахождения ювенальной юстиции в РФ на стадии становления (в частности, пилотный проект на примере Ростовской, Нижегородской областей) во многом ее функции в республике исполняют инспекции по делам несовершеннолетних, Хатасская специализированная школа для трудновоспитуемых подростков, детские приемники-распределители, молодежные службы. Наличие данных институтов, действующих на территории республики, для эффективной и реальной борьбы с преступностью молодежи недостаточно.

На основании вышеизложенного предлагаются следующие пути развития ювенальной юстиции в РС(Я): тщательным образом разработать и усовершенствовать соответствующее республиканское законодательство о ювенальной юстиции; создать отдельные ювенальные судебные составы по делам несовершеннолетних, которые по инициативе республики должны быть внедрены на территории Республики Саха (Якутия) и обладать статусом суда субъекта РФ (хотя бы на первоначальном этапе в виде правового эксперимента); к работе действующих судов привлечь социальных работников, которые по поручению судьи готовят материалы, содержащие сведения о самом несовершеннолетнем, его семье, условиях его жизни, и принимают меры по осуществлению реабилитационной программы несовершеннолет-

него, освобожденного судом от наказания или осужденного к наказанию, не связанному с лишением свободы; организовать Совет по координации деятельности судей, социальных работников, работников правоохранительных органов, комиссий по делам несовершеннолетних при Верховном суде РС(Я); учредить на территории республики воспитательную колонию для несовершеннолетних правонарушителей с целью сохранения позитивных социальных связей по месту рождения и жительства с родственниками, друзьями и т.д., что может помочь ресоциализации осужденного несовершеннолетнего; переименовать «воспитательные колонии» на «исправительные центры для несовершеннолетних», что может дать положительный опыт для развития восстановительного правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и помочь избежать негативной стигматизации подростка; разработать механизм реализации республиканских целевых программ по профилактике преступности молодежи, в частности, это касается мер по реабилитации несовершеннолетних, находящихся в специальных коррекционных институтах (специальные школы, воспитательные колонии и т.д.), и меры по ресоциализации подростков, освободившихся из этих мест; использовать средства, выделяемые по ведомственному и программно-целевому финансированию федеральной и региональной социальной политики, строго по назначению; внести поправки в федеральное законодательство о пенитенциарной системе, которое позволило бы субъектам РФ участвовать в управлении пенитенциарными учреждениями, расположенными на территории субъекта, для учета региональной специфики состояния преступности несовершеннолетних. Тем самым будет реализован принцип участия местных органов управления в поддержании собственной безопасности путем направления в данную сферу части собираемых с граждан налогов.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> По официальным данным МВД РС(Я) за 2009 г., выявлено 1082 несовершеннолетних, совершивших уголовно-наказуемые деяния;

<sup>2</sup> *Правовое* сознание населения Республики Саха (Якутия) в социологическом измерении:

Данные. Анализ. Дискуссии. – Якутск: изд. ИПМНС СО РАН. – 102 с.

<sup>3</sup> Жегусов Ю.И. Влияние криминализации общества на правовое сознание учащейся молодежи (по материалам Республики Саха (Якутия)): дисс... канд. соц. наук: 22.00.04. – Улан-Удэ, 2006. – 174с.;

<sup>4</sup> См., например: Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовно-го процесса и криминологии: учеб. пособие. – 2-е изд., испр., доп. – М.: Дело, 2001. – 272 с.; Быданцев Н.А. Прекращение уголовного преследования (дела) в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия в аспекте ювенальной юстиции. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2008. – 159 с. и т.д.

<sup>5</sup> См., например: Общество и преступность несовершеннолетних: сборник статей, включающий материалы социологического исследования «Общественное мнение о несовершеннолетних правонарушителях», проведенного в феврале – мае 2004 г. в Санкт-Петербурге, Саратове, Ульяновске / под ред. Л.Ежовой, М.Маколи. Центр независимых социологических исследований. – СПб., 2007. – 260 с.; Нагаев В.В. Ювенальная юстиция. Социальные проблемы: учебное пособие для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 255 с. и т.д.

<sup>6</sup> «Пекинские правила», принятые на 96-м пленарном заседании ГА ООН 29 ноября 1985 г. резолюцией 40/33.

*Z.I. Koriakina*

## **Juvenile crime prevention and prospects for the development of juvenile justice in the Sakha Republic (Yakutia)**

The article considers the most problematic aspects of juvenile crime prevention with regard to the questions concerning the possibility of the implementation of juvenile crime prevention in the Sakha Republic (Yakutia). Also analyzed is the notion of juvenile justice making reference to various existing definitions and opinions. We give recommendations for the implementation of juvenile justice on the territory of the Sakha Republic (Yakutia) and offer against this background various ways of fighting crime among minors.

*Keywords:* juvenile justice, juvenile delinquency, youth crime, crime, offence, minor, juvenile technology, criminal justice, crime prevention, deviant behavior.



---

## ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

---

УДК 81'373.21:811.512.211

А.А.Бурькин

### **Эвенская топонимика в системе комплексных лингвистических, социолингвистических и этнографических исследований**

Автор дает описание эвенской топонимики на территории Якутии и Магаданской области в лингвистическом, социолингвистическом и этнографическом аспектах. Основная идея статьи заключается в том, что даже большое количество топонимов эвенского происхождения в районах расселения эвенков не может поддерживать письменную форму эвенского языка, так как основная масса названий населенных пунктов и крупных географических объектов не являются эвенскими (тунгусскими) по происхождению, часть из них являются более древними, чем эвенские географические названия, а ойконимы в районах проживания эвенков заимствуются из других языков или имеют русское происхождение.

*Ключевые слова:* лингвистика, топонимика, географические названия, этимология, этноним, лексика, эвенский язык, якутский язык, диалекты, микротопоним.

Научное изучение происхождения географических названий невозможно без изучения истории появления этих названий в документах и географических картах. Для установления значения и происхождения названия исследователь должен знать, когда, кем от кого и в какой форме было услышано и записано то или иное название. Поэтому исследование топонимики Восточной Сибири неотъемлемо от истории освоения этого края, от истории Якутии и соседних с ней территорий за последние 350–400 лет. Документы русских землепроходцев XVII века в наши дни являются важным этнографическим источником по истории народов Восточной Сибири и Крайнего Северо-Востока Азии. Большую ценность они представляют и как источник других языковых фактов, так как наряду с топонимами они содержат личные имена людей и названия народов, территориальных групп и родов – этнонимы. Не случайно словари географических названий дают читателям комплекс информации, принадлежащей разным научным дисциплинам – языкознанию,

истории, этнографии, географии, и эти словари в последние годы пользуются большим читательским спросом<sup>1</sup>. К топонимическим словарям надо добавить интереснейший этнолингвистический словарь названий народов России, подготовленный Р.А.Агеевой<sup>2</sup>.

Комплексное пользование старыми письменными источниками в топонимических исследованиях позволяет оценить степень надежности объяснения происхождения географических названий – проверить сделанные заключения на основе информации этнографического характера, сообщаемой данными источниками, а также на основе лингвистического анализа антропонимов – личных имен «ясырей», «толмачей» и «аманатов», указанных в тех же документах. Этот материал, представляющий огромный интерес для истории коренного населения Сибири, долгое время оставался без должного внимания и только относительно недавно впервые стал предметом обстоятельного исследования видного якутского историка Ф.Г.Сафронова<sup>3</sup>. Говоря об этой книге, надо признать, что отсутствие филологической критики при публикации и комментировании исторических документов служило и до

© А.А.Бурькин, 2011.

сих пор служит историкам и особенно географам плохую службу и даже в наши дни продолжает давать повод для совершенно произвольных сравнений слов и отождествлений географических объектов.

О том, сколь велик интерес к региональной топонимике в наши дни и сколь стремительно совершенствуются и развиваются методы топонимических исследований, вовлекающие топонимические материалы в орбиту смежных научных дисциплин, свидетельствуют работы Р.А.Агеевой<sup>4</sup>, Е.Л.Березович<sup>5</sup>, И.С.Карабулатовой<sup>6</sup>, а также разнообразные региональные топонимические словари и справочники, появляющиеся в последние 10–15 лет<sup>7</sup>. Можно сказать, что без трудов по топонимике, которые вышли в свет в последние годы, работа, подобная той, которую предпринял автор, не могла бы быть выполнена. В методологическом отношении важнейшую роль в топонимических исследованиях играет в наши дни «Словарь народных географических терминов»<sup>8</sup>, где прослеживается связь географических названий с названиями определенных географических объектов, принадлежащими тем или иным конкретным языкам. В отношении языковых фактов, играющих решающую роль для идентификации тех географических названий, которые и в наши дни являются широко распространенными на Северо-Востоке России и легко объясняются из языков коренного населения, огромную помощь оказывает исследователю «Топонимический словарь Северо-Востока СССР», составленный В.В.Леонтьевым и К.А.Новиковой и изданный в Магадане в 1989 г.<sup>9</sup>. В нем представлены и обзоры существующих точек зрения на происхождение тех или иных названий, и оригинальные мнения специалистов, и истолкования названий, бытующие среди непосредственных носителей языков народов Северо-Востока Якутии, Колымы и Чукотки. Почти 9 тысяч статей этого словаря содержат сведения о названиях многих небольших географических объектов – гор, озер, рек и ручьев, исчезнувших ныне поселений. Именно этот объемный и очень ценный материал позволил по-новому взглянуть на проблемы происхождения некоторых хорошо известных географических названий Северо-Востока Азии, объяснения которых отсутствовали или были недостаточно досто-

верными. Надо сказать, что создание словарей топонимики Якутии, Прибайкалья и Приамурья явилось бы весомым вкладом в описание и изучение топонимики регионов, а итоги их составления позволили бы решить многие проблемы этнической истории этих территорий.

Первое, что приходится отметить, приступая к исследованию топонимики, восходящей к эвенскому языку, – то, что эвены, проживающие в шести административно-территориальных образованиях России: Республике Саха (Якутия), Магаданской области, Чукотском автономном округе, Хабаровском крае, Камчатской области и Корякском автономном округе (до объединения двух последних), ни в одном из мест проживания не имеют собственного топонимического ландшафта. Территория Якутии повсеместно перекрыта топонимами якутского происхождения, во многих местах сохраняются субстратные палеоазиатские – юкагирские и чукотско-корякские топонимы. В районах Магаданской области и Хабаровского края, прилегающих к побережью Охотского моря, сохраняется субстратная корякская топонимика, точно такая же ситуация характерна для Северной и Средней Камчатки, где эвены являются относительно недавними пришельцами. В районах Чукотки, заселенных эвенами (Анадырский и Билибинский районы), представлена на одной и той же территории традиционная топонимика юкагирского и чукотского происхождения, а также русские географические названия, появившиеся сравнительно недавно.

Среди названий районных центров в тех местах, где проживают восточные эвены (за вычетом Якутии), в Камчатской области нет ни одного названия эвенского происхождения (эвенская этимология названия Эссо – центра Быстринского района является народной этимологией), в Магаданской области таких названий два – Сеймчан, Омсукчан и Усть-Омчуг (О топониме Ола будет сказано ниже, а название Эвенск все же нельзя принимать в расчет), в Хабаровском крае дериватом от эвенского гидронима Охота является название поселка Охотск. На Чукотке и в Якутии, по предварительным данным, среди названий центров улусов (районов) эвенских названий нет.

Из названий поселков, где проживает эвенское население, на Камчатке и на Чукотке нет ни одного эвенского названия. В Магаданской области, как считается, эвенское происхождение имеют топонимы Гарманда (с сомнениями: сами эвены его возводят к слову *Көрбэндэ* «место, где много (диких) оленей-быков», однако скорее его можно выводить из корякского *г'алмыгыйгын* 'излучина'; как и река Армань, название которой возводится к этому же корякскому слову, долина реки Гарманды в одном из мест меняет направление на противоположное). В Хабаровском крае бесспорно эвенское происхождение имеет название Иня (официальное название поселка – Новая Иня: название Иня в быту носит старая часть селения, где располагается колхоз: эвен. *ина* 'галька' – побережье в этом месте изобилует галечными косами). Происхождение названия поселка Арка не выяснено. Название поселка Ламутское на Чукотке также не имеет прямого отношения к эвенскому языку.

Часть поселков с эвенскими названиями ныне не имеет эвенского населения и не имела его – это поселки по Колымской трассе, получившие названия по местам прежних эвенских кочевий: Мякит (эвен. *мекич* 'место, где можно заблудиться'), Омчак и Усть-Омчуг (эвен. *омчик* 'топь'), Усть-Среднекан (гиперкорректная адаптация эвенского гидронима Хиринникан 'рябчиковая река').

Из названий совхозов эвенское название имел всего один «Челбанья» в Сусуманском районе Магаданской области (эвен. *чулбана* 'зеленый': эта местность изобиловала пастбищами до тех пор, пока в районе не развернулась добыча золота).

Среди крупных городов – административных центров территорий, где живут эвены, по иронии судьбы, бесспорно эвенское происхождение имеет название города Магадан – оно происходит от эвенского слова *монгадан* 'жилище, построенное из плавника-монгали'. Суффикс, точнее, форматив – комбинация суффиксов *-дан* в эвенском языке образует названия жилищ, ср.эвен. *урадан* 'жилище, покрытое древесной корой'.

Из названий крупных рек, протекающих в местах расселения эвенов, лишь немногие

гидронимы восходят к эвенскому языку. Это название реки Охота (эвен. *окат*), название реки и поселка Сиглан (эвен. *хигла:н*, арманск. *сигла:н* 'попынь'), Сеймчан (эвен. *хэимчэ:н* 'попынь').

Названия озер эвенского происхождения в рассматриваемом регионе не зафиксированы.

Мы столь внимательно рассматриваем происхождение топонимов и их соотносительность с лексическими единицами языка в силу следующих обстоятельств. Если топоним соотносится с лексической системой эвенского языка – он обладает способностью поддерживать его письменную форму даже при отклонении официально принятого написания от его произношения и потенциального написания в языке-источнике. Если топоним появился недавно и имеет русское происхождение – такие топонимы автоматически увеличивают число осмысленных заимствований из русского языка. Если топоним восходит к какому-то третьему языку, он в принципе безразличен к лексической системе, так как и в эвенском и в русском языках такие географические названия будут представлять собой заимствования.

Где же размещаются собственно эвенские топонимы и какой лексический пласт они составляют?

Во-первых, это названия небольших поселений, составляющих перевалбазы или отделения совхозов: Кетанда (отделение колхоза XXII партсъезда, пос. Арка), Некучан (база совхоза «Путь Ленина» пос. Гарманда Северо-Эвенского района), Ирбычан, Коаргычан, Авланджа (отделения совхоза «Расцвет Севера», пос. Гижига Северо-Эвенского района), и некоторые другие названия аналогичных объектов, чаще всего отсутствующие на современных административных картах.

Во-вторых, это микротопонимика – названия небольших речек и ручьев, гор. Примеры: реки Уксичан 'горячая', Улакагчан 'тополевая' в бассейне реки Быстрой на Камчатке, урочище Кобалан на Камчатке (эвен. диал. *кобалан* 'медведь'), Кегали 'кривая, изогнутая', Моланджа 'место, где много дров', Авланджа 'большая долина', в бассейне Омолона, Мяунджа 'Сердце' (эвен. *мявандя* 'большое сердце' – название нескольких гор в западной части Магаданской области –



обычно это горы, которые хорошо видны издалека и служат ориентиром для оленеводов.

Ряд топонимов, рассматриваемых в литературе и в среде местных жителей как «исконные» эвенские топонимы, представляет трудности в отношении установления их этимологии. Остановимся на нескольких примерах.

Среди камчатских эвенов бытует мнение, что название районного центра Эссо связано с эвенским словом *исаг* 'лес' (на месте поселка и вправду когда-то был лес, но остатки его вырублены уже в 1960-е годы). Согласно документам, утверждавшим название Эссо в качестве наименования поселка, это название в переводе значит «Быстрый» – очевидно, название дано по реке Быстрая, (Леонтьев, Новикова, 1989, с. 437), но в этом случае данное название безусловно не восходит к эвенскому языку. По данным «Топонимического словаря», это название гомогенно с названием реки Эссоеем и чукотским гидронимом И'рэвээм «Быстро-бегущая река». Очевидно, название Эссо имеет не эвенское а корякское происхождение, как и название соседнего поселка Анавгай (коряк. *ано-вг'ай* 'весенняя трава')\*.

Название реки и поселка Ола – районного центра Магаданской области имеет две этимологии: оно связывается либо с эвенским словом *кола* 'ковш', либо со словом *олра* 'рыба' (Леонтьев, Новикова, 1989, с. 288–289). Обе этимологии неверны: первая версия – явно «народная». Что касается второй версии, то действительно среди эвенских диалектов восточного и среднего наречий есть диалекты, где слово *олра* 'рыба' произносится как *олла*, но это диалекты эвенов

---

\* Что самое интересное – для эвенов-жителей Быстринского района Камчатской области уточнение этимологии названия этого поселка, несмотря на то, что его языковая основа при этом уточнении не изменяется и в равной мере остается для них чуждой, новая версия о происхождении названия показалась избыточной: учителя эвенского языка на методическом семинаре в Магадане летом 1993 года заявили автору: «А зачем нам новые этимологии? У нас есть этимологии, мы их знаем, мы о них детям рассказываем...». Такова ономастическая социолингвистика сегодняшнего дня по крайней мере в районах проживания эвенов.

Северо-Восточной и Средней Камчатки, а также верхнеколымский диалект, расположенный на территории Якутии. В языке ольских эвенов слово рыба звучит как *олра*, в языке арманских эвенов оно звучало как *олчи*. Кроме всего этого, сомнительно, чтобы какая-то из рек северного Приохотья получила бы название по такому признаку, так как все реки этого региона изобилуют лососевыми.

Ближе к истине в объяснении названия Ола был В.В.Леонтьев, который считал этот топоним субстратным (Леонтьев, Новикова, 1989, с. 288). Он связывал это название с чукотско-корякской основой *куул/коол* 'речка'. Однако более вероятно, что это название соответствует чукотскому слову *улвэв* 'оседло' – в этих местах жили оседлые коряки, которые постепенно ассимилировались среди эвенов.

Похоже, что то же самое справедливо относительно гидронима Гарманда, который и сами местные жители, и вслед за ними топонимисты объясняли как Кербэндэ «река олений-быков» (Леонтьев, Новикова, 1989, с. 117), однако диалекты эвенского языка, в которых группа согласных –нр- могла бы реализоваться как –нд-, для данного региона нехарактерны и предполагать там смену диалектов невозможно. Вероятнее всего, это название гомогенно названию Армань – надо отметить, что на карте эти две реки имеют очень сходные очертания.

В двуязычном ономастическом пространстве субстратные топонимы подстраиваются под какой-то из двух языков, – если они не получают какой-либо интерпретации из эвенского языка, то начинают рассматриваться как русскоязычные. Так случилось, в частности, с названием реки Ланковая, которое считали связанным с русским названием рыбы *ленок* (ср., однако, корякск. *Лынкыв* 'зем' 'река с сугробами на берегах'), такое же значение имеет топоним Ланкучан неподалеку от Магадана.

Если смысловая интерпретация топонима на используемых языках невозможна, появляются топонимические легенды, связывающие топоним с каким-то иным именем собственным – чаще всего с антропонимом, поскольку антропонимы, в особенности иноязычные (а у эвенов часто и собственные), не имеют объяснения гораздо

чаще, нежели топонимы). Так, название реки Гижиги (коряк. диал. *г'эджыгыйнын* 'брод через реку, устье реки') в эвенском произношении *Дидигэ* объясняется как происшедшее от имени человека Дидигинде (имя считается эвенским и имеющим увеличительный суффикс *-нде*, но не объясняется). Это типичная топонимическая легенда.

Любопытный образец топонимической легенды записан нами в тундре неподалеку от поселка Билибинского района Чукотки от эвена Николая Михайловича Дьячкова, 1934 г. рождения. Приведем его запись (рассказ на русском языке):

Рядом с нами есть совхоз, он называется «Турваургин». Так звали чукчу, который первым нашел золото на Чукотке. Он кочевал с оленями, как-то нашел в реке самородок золота, взял его и носил с собой. Встретился с геологами, которые искали золото, те увидели у него этот самородок, спрашивают «Ты где его нашел?». Он показал им то место, там открыли прииск, который называли по его имени — «Турваургин». Потом на том месте создали оленеводческий совхоз, и его тоже назвали «Турваургин».

Этот рассказ мог бы быть далеким от нашей темы, но в этой истории есть одна странность, представляющая интерес для лингвиста. Омолонские эвены по большей части двуязычны и хорошо владеют разговорным чукотским языком (в свою очередь, омолонские чукчи, особенно женщины, иногда говорят по-эвенски свободно и без акцента, что не раз обманывало автора данной статьи в отношении их этнической принадлежности: этот билингвизм совершенен настолько, что невозможно определить, какой из языков для такого билингва является родным, а какой — вторым). Название «Турваургин», в чукотском звучании «Торвагыргын», на самом деле имеет значение «Новая жизнь», и это название довольно широко распространено на Чукотке. Золотых приисков в том конкретном месте, где располагается центральная усадьба этого совхоза, никогда не было. То, что иноязычное название стало основой сюжета мифа, будучи осмысленным как личное имя — не удивительно, такова история многих топонимических легенд. Вполне логичен и приоритет коренного жителя, пусть соседа, перед

приезжими в столь значимой области, как добыча золота. Однако достаточно странно то, что у ближайших соседей чукчей — омолонских эвенов, хорошо знакомых с чукотским языком мог возникнуть мифологический рассказ, основанный на непонимании чукотского слова и переосмыслении его значения.

Топонимика одного из самых больших ареалов проживания эвенов — топонимика Якутии, занимающей огромную территорию Сибири от Байкала до Арктического побережья России с юга на север и от водораздела Енисея и Лены до бассейна Колымы с запада на восток, почти не изучена. Фактически исследователи и заинтересованные читатели до недавнего времени могли обращаться по этому предмету только к небольшой книге Багдарыбна Сюлбэ — М.С.Иванова «Топонимика Якутии» (Якутск, 1985), которая уже много лет удовлетворяет запросы краеведов и местных историков. Второе издание этой книги было существенно пополнено новыми материалами и соображениями, однако концепция представления топонимического ландшафта Якутии в ней осталась прежней: согласно ей, все то, что не является русским или якутским, должно быть тунгусским (эвенкийским или эвенским), а юкагирские и чукотские топонимы могут отмечаться только в местах современного расселения юкагиров и чукчей. Эти особенности концепции данной книги отмечены нами в специальной рецензии на нее<sup>10</sup>, а также в нашей монографии о топонимике и этнонимике Восточной Сибири<sup>11</sup>.

Сравнительно недавно увидели свет две книги эвенского ученого языковеда В.А.Кейметинова, посвященные интересующей нас проблеме<sup>12</sup>. Казалось бы, мы вправе ожидать прогресса в изучении топонимов Якутии. Однако сразу же надо признать, что обе книги не вполне оправдывают ожидания, возлагавшиеся на них и читателями, и издателями, и, вероятно, самим автором.

Начнем с того, что понятие «аборигенная топонимика» вообще неприменимо к топонимике Якутии. Все без исключения топонимы Якутии принадлежат либо языкам народов, ныне живущих в Якутии (эвенкийскому, эвенскому, юкагирскому, чукотскому), либо языку титульного народа саха-якутов, либо русскому языку, который также

составляет один из языков коренных народов в виде языка русскоустыинцев, колымчан и первооткрывателей высоких широт — промышленников, рудознатцев, моряков. Значит, неаборигенных топонимов в Якутии просто нет.

В предисловии к одной из книг сказано: «Автор главное свое внимание уделяет раскрытию через топонимику специфических особенностей духовного развития предков современных эвенов и эвенков, на что тунгусоведами-топонимистами практически не обращалось должного внимания. Одностороннее увлечение лингвистическим анализом мешало тунгусоведам-топонимистам глубже взглянуть в духовное развитие предков» (Кейметинов 1996, с. 5–6). Как именно духовное развитие эвенского народа проявляется в топонимике, чьих предков плохо изучали топонимисты — это загадка XXI века, на которую вряд ли можно найти ответ.

В обеих книгах В.А.Кейметинова вместо описания топонимики — хоть эвенской, хоть восходящей к другим языкам — отыскивается масса в целом правильных дидактических деклараций о необходимости учета местного материала, родовых названий, преданий, лингвистического анализа. Однако все это на самом деле в изложении автора игнорируется. Автор сопоставляет топонимы Якутии со словами эвенского языка: а точнее, кобьяйского или саккырырского говора эвенского языка (одного из периферийных говоров, почти не понятного эвенкам других регионов) совершенно произвольно — как ему понравится. В одной из книг мы читаем: «Эвенский язык богаче в обозначении горных образований и рельефа земной поверхности. Вместе с тем эвенский язык беднее в обозначении растительного мира (особенно трав и культурных растений), а также разновидностей морских рыб». (Кейметинов 1996, с. 142). Прежде чем делать такие обобщения, автору не мешало бы познакомиться с лексикой других диалектов эвенского языка — а в восточных диалектах этого языка, носители которых живут на Тихоокеанском побережье, более чем достаточно названий морских рыб (прежде всего лососевых, но не только их), названий морских млекопитающих, немало и названий растений.

Надо сказать, что объяснение эвенских названий Кобьяйского и Томпонского улусов

Якутии, данное В.А.Кейметиновым, по существу не принадлежит ему самому. Большая часть географических названий этих мест одинакова с эвенскими географическими названиями Приколымья и Охотского побережья. Но все эти названия уже были объяснены в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР» составленном В.В.Леонтьевым и изданном в Магадане (Леонтьев, Новикова 1989). Этимологии эвенских названий в этом словаре даны консультантами-знатоками эвенского языка, а К.А.Новикова даже значится соавтором этого словаря. Без преувеличения можно сказать, что все верные объяснения эвенских названий взяты В.А.Кейметиновым из этого словаря, на собственный же счет автора может быть отнесено только несколько десятков ошибок и фантазий.

Итоги деятельности В.А.Кейметинова на почве изучения топонимики зачастую попросту комичны. Все географические названия от Урала до острова Шикотан (Южные Курилы), по мнению автора двух книг, происходят из языка кобьяйских эвенов! (Кейметинов 2000, с. 18 и 50). Да, именно из родного диалекта автора, под который он подгоняет даже легко понятные названия. Так название реки Балбук, происходящее из эвенкийского слова *болгикта* или *болгиг* 'кедровый стланик', или от якутского слова *болбукта*, которое заимствовано из эвенкийского языка, автором непременно подгоняется под родное для него эвенское слово *болгит* «кедровый стланик» (Кейметинов 1996, с. 61–62). По поводу топонимов Сибири есть много литературы, есть «Краткий топонимический словарь» В.А.Никонова, есть более новый «Школьный топонимический словарь» Е.М.Поспелова, есть прекрасный «Справочник по истории географических названий на побережье СССР» 1985 года, составленный военными гидрографами. Но В.А.Кейметинов или игнорирует эту литературу полностью, либо странным образом искажает то, что в ней написано. Так, говоря о том, что название города Магадана происходит от эвенских слов *муо гадан* 'пусть вода возьмет' (Кейметинов 1996, с.101), он ссылается на книгу К.А.Новиковой «Очерки диалектов эвенского языка» 1980 года. Однако в этой книге нет ничего подобного — это придумала не К.А.Новикова, это написал

эвенский поэт А.В.Кривошапкин в одном из своих стихотворений, и в научной литературе эта версия всерьез не рассматривается. Зачем же вводить читателей в заблуждение? То, что название Магадан — на самом деле эвенское и происходит от слова *монадан* 'речные наносы, плавник, жилище из плавника', известно почти столько же лет, сколько существует само название — с 1930-х годов.

Иногда складывается впечатление, что автор названных книг вовсе не знает эвенского языка или владеет им из рук вон плохо и не понимает элементарных вещей. В.А.Кейметинов производит слово *хаман* 'шаман' от глагола *хадай* 'знать' (Кейметинов 1996, с. 169), напрочь игнорируя то, что этого не может быть: в слове «шаман» первый гласный краткий, а в глаголе «знать» — долгий. Эвенские слова *то:ки* 'лось' и *тэнэ:р* 'озеро' не могут иметь одного корня, тем более общего с глаголом *то:дэй* 'ступать' (Кейметинов 2000, с. 86–87, 114), потому что гласные в этих словах тоже разные — это знает и чувствует любой человек, говорящий на эвенском языке или знающий этот язык. По-эвенски море — *нам*, а теплый — *ням* или *ням*, пишете как хотите, но 'море' и 'теплый' — это два разных слова, а не одно, как хочет нам объяснить уникальный знаток местной топонимики. Наконец, эвенское слово *нэдэ-ми* — это не россомаха, как сказано у автора (Кейметинов 1996, с. 112), а рысь; россомаха по-эвенски называется *онаки*. Вообще же невозможно обсуждать все нелепые сравнения слов, якобы восходящих к одному корню, и сопоставления слов и географических названий, приводимые автором, — для этого пришлось бы сделать топонимический словарь Якутии заново.

В.А.Кейметинов, предлагая объяснения эвенским названиям, делает с ними что хочет. Объясняя название реки Имнекан, он считает, что этот топоним образован от эвенского слова *инмэ* 'игла' (Кейметинов 1996, с. 30). Однако эвенское слово *инмэ* не обозначает хвою, которая называется *мучит*. На самом деле это название действительно эвенское, но происходит оно от редкого, вышедшего из употребления слова *имни* 'анус, задний проход' и записано с большой точностью. Название речки Джегденре, понятное и эвенам, и эвенкам как *дегдэнрэ* 'гарь, горелое место', им подгоняется под

эвенское слово *Дягдандя* 'большая сосна' (Кейметинов 1996, с. 40). Точно также название реки *Нелгекчэн* автор считает искаженным словом *Нюлкачан* 'скала' (Кейметинов 1996, с. 140), хотя на самом деле название *Нэлгэгчэн* тут почти не искажено и легко понятно как 'место. изобилующее корягами', т.е. 'коряжистая река'. Складывается впечатление, что автор книг не владеет и якутским языком в той мере, как им должен владеть специалист-лингвист и педагог. Иначе бы он не выводил якутское слово *домат* 'шашка' из эвенского глагола *додай* 'сесть' (Кейметинов 2000, с. 75): это старое русское слово *доведь* 'дамка'. Слово *онок* не имеет ничего общего с приводимыми автором эвенскими глаголами (Кейметинов 2000, с. 101–106): оно соответствует общетюркскому слову «очаг», которое в этом же виде вошло из тюркских языков в русский язык. Якутское слово *догolonг* не заимствовано из эвенского *доклан* 'хромой' (Кейметинов 2000, с. 74), — кстати, применяемого только к животным; скорее всего оба эти слова заимствованы из монгольского языка (ср. п.-мо. *dogulang* 'хромой, хромящий — о животных'. Эвенские диалектное слово *илан* 'луна' (Кейметинов 2000, с. 116, 123)? на самом деле заимствовано из чукотского языка, где оно пишется как *йбилгын*, а произносится как *йильһын*.

Довольно много неточностей допущено В.А.Кейметиновым в трактовке эвенских родовых названий. У эвенков нет «рода Готки»: о котором пишет В.А.Кейметинов (1996, с. 27) — у них есть род Готнинкан, представители которого живут в Охотском районе Хабаровского края. Нет у них и «рода Горби»: есть род Гэрбэнкэн, что значит «житель местности "гэрбэ" — местности, где много лиственниц» (имеется несколько рек с таким названием). Название эвенского рода Уяган, точнее — Уяганкан, расселенного ныне на огромной территории, происходит от названия реки Уеги в Хабаровском крае (сама она, похоже, имеет корякское название), а не от петляния (Там же). О попытках В.А.Кейметина объяснить — все из того же кобайско-эвенского языка! — этнонимы, а именно якутские названия русских и юкагиров, а также самоназвание якутского народа саха (Кейметинов 1996, с. 162–163; Кейметинов 2000, с. 112, 136–138, 159) мы умолчим — это все находится за пределами

здорового смысла и заняло бы слишком много места.

Исследования топонимики в регионах проживания народов Крайнего Севера РФ вписываются в историко-культурный контекст как имеющие самостоятельную ценность, примерно равную ценности литературных сочинений на языках коренных народов, превращающихся в этнографические вещи, или образцов декоративного шитья мехом или бисером, предназначенных для выставок и музейных фондов. Они вписываются в формы местной активности по поддержанию культуры коренных и титульных народов – но при этом находятся в конфликте или вступают в конфликт с научным исследованием предмета, причем выступающие в этом конфликте в роли иницирующей его стороны, той стороны, которая забывает о том, что толерантность во всех сферах активности должна быть взаимной. Это явствует, во-первых, из ярко выраженного негативного отношения к ученым, вторгающимся в сферы влияния «аборигенов», во-вторых, из неприятия результатов исследований и рассмотрения их как чего-то необязательного для науки. Досадно, что многие публикации в этом плане начинают приобретать чисто историко-научный интерес с самого момента выхода их из печати. Все сказанное заставляет задуматься над тем, что настало время для начала работы над топонимическим словарем Республики Саха (Якутии), который мог бы включить все топонимические материалы по республике как фактический материал и объединить наиболее ценные идеи из области его историко-этимологического истолкования.

#### ЛИТЕРАТУРА

<sup>1</sup> См. : Русская ономастика и ономастика России. – М., 1994; *Поспелов Е.М.* Школьный топонимический словарь. – М., 1988; *Его же.* Имена городов: вчера и сегодня. – М., 1993; *Его же.* Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. – М., 2000; *Его же.* Школьный словарь географических названий. – М., 2000; *Его же.* Географические названия мира. Топонимический словарь. – М., 2001; *Левашиов Е.А.* Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей. – СПб., 2000; *Его же.* Мировая топонимика. Прилагательные от географических названий. – СПб., 2003; *Сутурин Е.В.* Краткий топонимический словарь

Амурской области., 2000 г., *Мельников А.В.* Географические названия Дальнего Востока России: Топонимический словарь: Около 1000 единиц. – Благовещенск: Интерра-Плюс (Interra+), 2009; *Его же.* Топонимический словарь Амурской области. – Благовещенск, 2009, и др.

<sup>2</sup> *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? Этнолингвистический словарь-справочник. – М., 2000. О проблемах изучения и словарного описания этнонимики см.: *Бурыкин А.А., Решетов А.М.* <Рец. на кн.> *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? Этнолингвистический словарь-справочник. – М., 2000. // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 1. – С. 168–172.

<sup>3</sup> *Сафронов Ф.Г.* Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Азии. – Якутск, 1985. К сожалению, в этой книге почти не отражены результаты филологического исследования антропонимов, а имеющиеся объяснения значений некоторых имен, в основном эвенкийских и юкагирских, являются весьма и весьма спорными.

<sup>4</sup> *Агеева Р.А.* Происхождение имен рек и озер. – М., 1985; *Её же.* Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. 2-е изд. – М., 2004.

<sup>5</sup> *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург, 1999.

<sup>6</sup> *Карабулатова И.С.* Региональная этнолингвистика: этнолингвистическая ситуация в Тюменской области. – Тюмень, 2001; *Её же.* Краткий словарь топонимов и топонимических ассоциаций (на материале географических названий Тюменской области). – М., 2002.

<sup>7</sup> *Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми. Словарь-справочник. – Сыктывкар, 1996; *Бабицева Ж.В.* и др. Ономастикон Курской области. – Курск, 1999; *Крюкова И.В., Супрун В.И.* Реки и водоемы Волгоградской области. Гидронимический словарь. – Волгоград, 2002; *Кузнецов А.В.* Названия вологодских озер. – Вологда, 1995; *Матвеев А.К.* Географические названия Урала. 2-е изд. – Свердловск, 1987; *Ондар Б.К.* Краткий справочник гидронимов Тувы. – Кызыл, 1995; *Пыжьбянов Ф.И.* Остров Кунашир и Малые Курилы. Топонимический словарь. – М., 1994; Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан. – Уфа, 2000; *Шабалин В.М.* Тайны имен земли Кузнецкой. Краткий топонимический словарь Кемеровской области. – Кемерово, 1994; *Чайкина Ю.И.* Словарь географических названий Вологодской области. Населенные пункты Вологодчины. 2-е изд. – Вологда, 1993.

<sup>8</sup> *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. – М., 1984.

<sup>9</sup> *Леонтьев В.В., Новикова К.А.* Топонимический словарь Северо-Востока СССР. – Магадан, 1989.

Об одном из авторов словаря см.: Бурькин А.А. Владилен Вячеславович Леонтьев (к 75-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 1. – С. 134–141.

<sup>10</sup> Бурькин А.А. Топонимика Якутии [рец. на кн.:> Багдарьын Сюлбэ [М.С.Иванов] Топонимика Якутии. 2-е изд., испр. и доп. – Якутск, 2004. – 192 с.] // ЯЛИК, 2006, январь, № 66. – С.18–20.

<sup>11</sup> Бурькин А.А. Историко-этнографические и

историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006

<sup>12</sup> Кейметинов В.А. По тропам тысячелетий (географическая лексика эвенского языка и топонимика как свидетельство специфической духовности предков современных эвенов). – Якутск, 2000. – 179 с.; *Его же*. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии. – Якутск, 1996. – 186 с.

*А.А. Burykin*

## The Even toponymics in the system of complex linguistic, sociolinguistic and ethnographic researches

The author gives the description the Even toponymics in the territory of Yakutia and the Magadan area in linguistic, sociolinguistic and ethnographic aspects. The basic idea of article consists what even a considerable quantity of geographic names of the Even origin in the areas where the Evens live nowadays cannot support the written form of the Even language as the great bulk of names of settlements and large geographical objects are not Even (tungus) by origin, their part of them are more ancient, than the Even geographic names, and the names of villages in the residing areas of the Evens are borrowed from other languages or have Russian origin.

*Keywords:* linguistics, toponymy, geographical names, etymology, ethnonym, lexicon, the Even language, the Yakut language, dialects, microtoponym.

УДК 811.512.157'366

*С.А. Иванов*

## Аффиксы множественного числа -т-тар(...), -ат-тар(...)

Автор статьи пытается объяснить происхождение и употребление аффиксальных элементов *-т* и *-ат* составных формантов множественного числа *-т-тар* и *-ат-тар*. Высказывается мнение, согласно которому аффиксальный элемент *-т* унаследован из глубокой древности, а *-ат* появился в более позднее время в результате древних контактов древнеякутского языка с языками иной, нетюркской, системы.

*Ключевые слова:* аффиксальный элемент, двойные показатели множественности, древнеякутский язык, плюральная форма, праязыковое состояние.

Группа имен существительных, представляющих собою преимущественно половозрастные, семейно-родственные термины якутского языка, обладают двойным показателем множественности: *добот-тор* 'друзья, приятели' от *добот* (<добор 'друг'), *обонньот-тор* 'старики' от *обонньот* (<обонньор 'старик'), *эмээхсит-тэр* 'старухи' от *эмээхсит* (<эмээхсин 'старуха'), *кэргэт-тэр* 'члены семьи' от *кэргэт* (<кэргэн 'член семьи; супруг, супруга'), *тойот-тор* 'господа', 'хозяева' от *тойот* (<тойон 'господин', 'хозяин'), *хотут-тар* 'госпожи', 'хозяйки' от *хотут* (<хотун 'госпожа', 'хозяйка').

В разговорной речи двойное обозначение множественности по аналогии перенесено на многие именны основы с конечным *-н*. При этом в этих основах конечный *-н* замещается, как выше было показано, древним показателем множественности *-т*, и только после этого к ним присоединяется аффикс множественного числа *-лар* – в результате чего образуется сложный аффикс *-т-тар*: *албын* – *албыт-тар* 'обманщики', *ойуун* – *ойуут-тар* 'шаманы', *удабан* – *удабат-тар* 'шаманки', *ичээн* – *ичээт-тэр* 'люди, проявляющие способности шамана', 'люди, обладающие даром провидения'. Такое явление охватило также русизмы и интернацио-

© С.А.Иванов, 2011.

нализмы: *оройуон* – *оройуот-тар* 'районы', *күлүгээн* – *күлүгээт-тэр* 'хулиганы', *аангылычаан* – *аангылычаат-тар* 'англичане', *дьоппуон* – *дьоппуот-тар* 'японцы', *төлүппүөн* – *төлүппүөттэр* 'телефоны'.

В вышеприведенных основах аффиксальный элемент *-т* сложного форманта *-т-тар* в якутском языкознании квалифицируется как показатель множественности монгольского происхождения<sup>1</sup>, что связано с предположением О.Н.Бётлингга, по которому «в аффриксе *-сыт... -т*, может быть, непонятым монгольским окончанием множественного числа»<sup>2</sup>. Однако этот монгольский суффикс *-t*, по-видимому, с самого начала перенятия не осознан как аффикс множественности и поэтому слова с конечным *-т* постоянно принимают ещё аффикс множественного числа *-лар* (...), состоящий, по мнению компаративистов, из двух показателей собирательной множественности *\*-l* и *\*r*<sup>3</sup>:

*аныгы* 'нынешний' – *аныгы-т-тар* 'нынешние', *балабан* 'юрта якутская' – *балаба-т-тар* 'юрты якутские', *дыгын* – *дыгы-т-тар* 'люди или воины якутского легендарного царя Дыгына, кунан 'бычок' – *куна-т-тар* 'бычки', *куһабан* 'плохой' – *куһаба-т-тар* 'плохие' и т.д.

В последнее время ряд ученых стали разделять мнение о согдийском происхождении древнетюркского показателя множественности *-t*<sup>4</sup>.

В этой связи следует отметить, что археологические находки XX в. свидетельствуют о проживании когда-то целой группы переселенцев-согдийцев из Средней Азии в среде тюркских племен Прибайкалья<sup>5</sup>. Вероятно, древние согдийцы оказали большое культурное, языковое влияние на орхонских тюрков, древних уйгуров и монголов. Известно, что уйгурская письменность была создана на основе согдийского письма, а уйгурское было заимствовано монголами, у которых оно было преобразовано в существующее и поныне монгольское письмо<sup>6</sup>. О широкой популярности древней согдийской письменности свидетельствует тюркешские монеты китайского образца с надписями, выполненными уйгурским письмом (т.е. письмом, освоенным уйгурами)<sup>7</sup>.

Некоторые языковые факты позволяют допустить, что на каком-то древнем этапе исторического развития якутского языка

было время более широкого использования словоформ на *-т* в значении собирательной множественности. Об этом говорят, например, такие слова: *кыныит*, *кыйиит* 'невестка, невестки; невеста'; *күтүө*, *күтүөт* 'зять, зятья'; 'жених', *кынат* 'крыло, крылья'<sup>8</sup>, *кулут* 'раб', ср.: др.-тюрк. *qul* 'раб, невольник', *хатат* 'огниво', ср.: п.-монг. *kete* 'огниво', *үүт* 'молоко, молочное' и, наконец, *тойот* 'должностное лицо, власть, начальство', *хотут* 'собрание многих женщин'; *хотут аймах* 'женский пол'<sup>9</sup>, сохранившие древнейший *-t* как осознаваемый показатель множественности. Если такое допущение близко к истине, то показатель множественности *-т* в якутском языке унаследован от далекого праязыкового состояния по следующим причинам:

1. Аффиксальный элемент *-т* со значением множественности обнаруживается в аффриксах многократного действия *-т-алаа*, *ы-т-алаа*, наречий образа действия *батыры-т-а ас-* 'протыкать несколько раз', *утары-т-а туруор-* 'ставить напротив друг друга'<sup>10</sup>.

Аффиксальный элемент множественности *-т*, как было уже упомянуто, обнаружен О.Н.Бётлинггом в якутском аффриксе «деятеля» *-һы-т*, что поддержано академиком А.Н.Кононовым и авторами СИГТЯ 1988 г.<sup>11</sup> Однако утверждение О.Бётлингга о монгольском происхождении элемента *-т* вызвало возражение академика В.В.Радлова, считавшего формант *-һыт* морфемой чисто якутского происхождения<sup>12</sup> и Ст.Калужинского, который не нашел никаких оснований для такого предположения, кроме внешней схожести, хотя он в якутском языке обнаружил слова с монгольским элементом *-т*, сохранившим значение множественного числа или собирательное значение<sup>13</sup>.

2. Как известно, в современной тюркской компаративистике восстанавливают десять праязыковых показателей множественности: *\*-z*, *\*-s*, *\*-q(k)*, *\*-t*, *\*-š*, *\*-č*, *\*-l*, *\*-m*, *\*-n*, *\*-r*, и их относят к раннему этапу тюркского праязыка. Среди них присутствует показатель множественности *-t*<sup>14</sup>.

Понятие собирательной множественности, как утверждают исследователи тюркских языков, в дальнейшем развитии языков могло переосмысливаться в различных направлениях и сравнительно легко обнаруживается в составе уменьшительных аффик-

сов имен существительных и прилагательных, а также в составе глагольных аффиксов многократного действия и в показателях глагольной категории наклонения<sup>15</sup>.

3. А.П.Дульзон, допуская, «что уралоалтайские языки восходят к полисинтетическому классному языку типа енисейских»<sup>16</sup>, и, рассматривая показатели числа у алтайских личных местоимений, отместоименных грамматических морфем и у других трех групп слов енисейских языков, приходит к выводу, что «все показатели множественности алтайских языков возникли из исходного материала, имевшегося еще в доалтайское время». По мнению ученого, «монгольские языки сохранили два показателя множественного числа:  $-d \sim -t$  и  $-n$ , которые представлены были уже в доуралоалтайском»<sup>17</sup>.

Интересным является и тот факт, что в якутских притяжательных аффиксах  $-быт$  ( $<-bnz$ ),  $-гыт$  ( $<-gnz$ ) элемент  $-z$ , по мнению А.П.Дульзона, восходит к  $-t$ , сохранившемуся в якутском языке до сих пор. Древнейший переход  $*-t > -z$  объясняется фонетическим развитием  $*t > d > \delta > z \sim r$  в алтайских языках<sup>18</sup>.

4. В арсенале показателей множественности Дж.Г.Киекбаев констатировал наличие формант  $-t$ , функционирующего почти во всех языках уралоалтайской языковой общности:

фин. *malo* 'дом' — *talo-t* 'дома', *kirja* 'книга' — *kirja-t* 'книги'; карельск. *kolvu* 'береза' — *kolvu-t* 'березы'; *kivi* 'камень' — *kive-t* 'камни'; эст. *puu* 'дерево' — *puu-d* 'деревья' и т.д;

элемент  $-t$  самостоятельно выступает не только в финноугорских языках, но и в обско-угорских и мордовских:

манси: *сали* 'олень' — *сали-т* 'олени', *ала* 'крышка' — *ала-т* 'крышки', *ус* 'город' — *ус-ыт* 'города'; хант. *пөх* 'мальчик' — *пөх-ыт* 'мальчики', *вой* 'зверь' — *вой-т* 'звери', *эви* 'девочка' — *эве-т* 'девочки' и т.д.;

мордовских языках: а) в эрзянском языке: *кудо* 'дом' — *кудо-т* 'дома', *веле* 'деревня' — *веле-ть* 'деревни', *кал* 'рыба' — *кал-т* 'рыбы'; б) в мокшанском языке: *куд* 'дом' — *кут-т* 'дома', *тев* 'дело' — *теф-т* 'дела', *ши* 'день' — *ши-т* 'дни' и т.д.

Следы древнейшего показателя множественности  $-t$  Дж.Г.Киекбаев находит в монгольских, тунгусоманьчжурских и тюркских языках<sup>19</sup>.

5. По наблюдениям Г.И.Рамстедта, «в тюркских языках древняя форма множе-

ственного числа на  $-t$  почти общепринята еще в среднетюркском, однако всем языкам более позднего происхождения, за исключением якутского, она неизвестна»<sup>20</sup>.

6. В 1970 г. при обсуждении книги А.М.Щербака «Сравнительная фонетика тюркских языков» некоторые оппоненты отстаивали мнение, согласно которому тюркский аффикс множественного числа  $-t$  в эпоху создания орхон-енисейских памятников был реликтовым. Между тем в лакском языке (в одном из кавказских языков, распространенном, главным образом, в горном Дагестане)<sup>21</sup> названия птиц (в подавляющем большинстве тюркского происхождения) форму множественного числа образуют посредством аффикса  $-t$ . Отсюда заключают, что в языке тех тюрков, которые контактировали с носителями лакского языка, аффикс множественного числа  $-t$  еще обладал активной грамматической функцией<sup>22</sup>.

Вышеизложенные факты позволяют допустить, что многие древние языки, в какой-то мере соприкасавшиеся с языком древних предков якутов, как установило сравнительно-историческое языкознание, широко использовали несколько показателей множественности, среди которых фигурирует показатель  $-t$ . Складывается впечатление, что показатель множественности  $-t$ , входящий в состав якутского сложного аффикса множественного числа  $-т-тар$ , является унаследованным из глубокой древности аффиксальным элементом, не заимствованным из монгольского языка. Однако в результате взаимодействия древнеякутского и какого-то древнемонгольского языков показатель множественности  $-t$  возымел возможность активизироваться, поскольку в обоих языках он еще выражал количественные характеристики предметов. Впоследствии, в языке якутов в силу предпочтительного употребления более нового множественного числа  $-лар$ , показатель  $-t$  постепенно стал терять свою популярность и, как все остальные древние показатели множественности, реликтивно сохранился в некоторых словообразовательных и грамматических аффиксах.

В якутском языке и его говорах сложный аффикс множественности  $-т-тар$  получил повсеместное распространение, в силу чего он не может служить диалектным признаком какого-нибудь отдельно взятого якутского



говора. Тем не менее в некоторых северных говорах отмечены единичные случаи употребления, словоформ *кү-т-тэр* вм. *күннэр* 'дни' от *күн* 'день', *аныгы-т-тар* 'нынешние' вм. *аныгылар* от *аныгы* 'нынешний, теперешний', имеющие признак явно диалектального характера, так как в других говорах и в якутском литературном языке они не встречаются.

Диалектальными являются словоформы, образованные при помощи другого сложного аффикса *-ат-тар(...)*: *атыыр-ат-тар* 'оленные быки', *бухатыыр-ат-тар* 'воины, богатыри', *баатыр-ат-тар* или *боотур-ат-тар* 'воины', *буур-ат-тар* 'олени-самцы', *инн-эт-тэр* 'младшие родственники по отцу' от *ини* 'младший брат', *күтүр-эт-тэр* 'окаянные' от *күтүр* 'окаянный', *күөл-эт-тэр* или *көл-эт-төр* 'озера' от *күөл* или от более древнего *көл* (<*köl*) 'озеро', *түгүр-эт-тэр* от *түгүр* 'отец мужа', 'свёкор', *ыал-ат-тар* 'соседи, семьи; жители', *эдэр-эт-тэр* 'молодые' и некоторые другие, употребляющиеся преимущественно в периферийных северных говорах, начиная с говоров есейско-анабарских якутов, кончая говорами колымчан и магаданцев, но встречающиеся весьма sporadически в рассеянных изоглоссах.

Как видно, формы множественности на *-ат-тар* произведены по образцу образования плюральных форм *уол-ат-тар* 'сыновья, парни' от слова *уол* 'сын, парень' а не от основы *уолан*, которая дает плюральную форму *уол-ан-нар* 'молодые люди, юноши'; *эр-эт-тэр* 'мужья, супруги'; 'молодцы, воины' от *эр-эт* 'молодцы', а не от утраченной в якутском языке основы *эр-эн*, *кын-ат-тар* 'родственники жены по отношению к мужу' от древнего слова *qar* 'отец'<sup>24</sup>, а не от основы *кылын* 'тесть', плюральная форма которой в притяжательном склонении может только представиться в виде *кылыннара* или *кыннылара* 'их тестя'. В приведенных основах четко выявляются показатели множественности *-ат/-эт* (*уол-ат*, *эр-эт*) и *-ан/-эн* (*уол-ан*, *эр-эн*), которые в тюркологии давно расцениваются как аффиксы множественного числа арабо-иранского происхождения, перенесенные на тюркскую почву через посредство персидского языка<sup>25</sup>.

Крупный языковед Н.К.Дмитриев в свое время писал: «Как и в большинстве языков мира, в тюркских языках можно встретить, так называемые двойное множественное

число. При этом первый показатель множественности заимствован из языков другой группы (нетюркской. — С.И.) и не осознается, как таковой, а второй уже тюркского происхождения»<sup>26</sup>.

Как видно, в якутских словоформах со сложными аффиксами множественности *-т-тар* и *-ат-тар*, элементы *-т* и *-ат* присоединяются непосредственно к основе слова до аффикса множественного числа *-лар*, что, возможно, свидетельствует о древности этих аффиксальных элементов.

Если в приведенных выше якутских словоформах показатели множественности *-ан(...)*, *-ат(...)* действительно являются грамматическими элементами арабо-персидского происхождения, то можно допустить, что древние предки якутов, когда-то в древности переживали сильное культурно-языковое воздействие индоиранских племен или же их язык находился во власти действия каких-то древнетюркских или древнемонгольских диалектов, испытавших длительное влияние ирано-персидских языков.

#### ЛИТЕРАТУРА

- <sup>1</sup> Харитонов Л.Н. Современный якутский язык: Фонетика и морфология. — Якутск, 1947. — С. 102.
- <sup>2</sup> Бётлингк О.Н. О языке якутов / пер. с нем. Рассадин В.И. — Новосибирск: Наука, 1989. — С. 221.
- <sup>3</sup> Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. — М.: Наука, 1986. — С. 91; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. — М.: Наука, 1988. — С. 18–22.
- <sup>4</sup> Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. — Л.: Наука, 1980. — С. 147; Шербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). — СПб, 1997. — С. 186–189.
- <sup>5</sup> Окладников А.П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время // Тюркологические исследования. — М.; Л., 1963. — С. 271–281.
- <sup>6</sup> Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 533.
- <sup>7</sup> Смирнова О.И. К вопросу о языке легенд на тюркских монетах // Тюркологические исследования. — М.; Л., 1963. — С. 265–272.
- <sup>8</sup> Якут. кынат 'крыло, крылья' А.П.Дульзон идентифицировал с кетским *keiat* (< *kei* 'летательный' + *at* 'кость' — см.: Советская тюркология. — Баку, 1972. — № 2. — С. 10), что может быть случайным совпадением или древнейшим заимствованием.

- <sup>9</sup> Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. 3. – 1959. – Стлб. 2710, 3538.
- <sup>10</sup> Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 23–24.
- <sup>11</sup> Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – С.85; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – С. 144.
- <sup>12</sup> Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem verhältnisse zu den Tŷrsprachen. – SPb., 1908. – S. 22.
- <sup>13</sup> Kaluzynski St. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. – Warszawa, 1961. – S. 116–118.
- <sup>14</sup> Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – С. 10.
- <sup>15</sup> Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Указ. соч. – С. 88–91.
- <sup>16</sup> Дульзон А.П. Происхождение алтайских показателей множественного числа // Советская тюркология. – Баку, 1972. – № 2. – С. 4.
- <sup>17</sup> Там же. – С. 14.
- <sup>18</sup> Там же. – С. 6, 7.
- <sup>19</sup> Изложено по книге: Киекбаев Дж.Г. Основы исторической грамматики уралоалтайских языков. – Уфа: Китап, 1996. – С. 154–171.
- <sup>20</sup> Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. – М., 1957. – С. 58.
- <sup>21</sup> Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 251.
- <sup>22</sup> Советская тюркология. – Баку, 1971. – № 1. – С.130.
- <sup>23</sup> Пекарский Э.К. Указ. соч. Т. I. – Стлб. 939–940.
- <sup>24</sup> Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 419.
- <sup>25</sup> Щербак А.М. Указ. соч. – С. 188; см.также: Кононов А.Н. Указ. соч. – С. 146; Дмитриев Н.К. Категория числа // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 67.
- <sup>26</sup> Дмитриев Н.К. Указ. соч. – С. 67.

## СОКРАЩЕНИЯ

др.-тюрк.	древнетюркский язык
карельск.	карельский язык
манси.	мансийский язык
п.-монг.	письменно-монгольский язык
СИГТЯ, 1988 г.	Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.
фин.	финский язык
хант.	хантыйский язык
эст.	эстонский язык
якут.	якутский язык

S.A. Ivanov

## The affixes of the plural number –t-tar(...), -at-tar(...)

The author tries to explain the origin and use of the affixal elements –t and –at which are composite formants of the plural number –t-tar and –at-tar. An opinion is expressed according to which the affixal element –t has been inherited from antiquity whereas –at appeared later as a result of ancient contacts of the Old Yakut language with the languages of other, non-Turkic system.

*Keywords:* affixal element, double markers of plurality, Old Yakut language, plural form, protolanguage state.

УДК 811.512.157/373

Е.И.Оконешников

**Синонимическое определение значений слов  
в «Словаре якутского языка» Э.К.Пекарского  
(к 80-летию издания)**

В статье вкратце рассматриваются однокоренные, разнокоренные, префиксальные и суффиксальные синонимические определения, широко использованные Э.К.Пекарским. Подобный способ определения оказался наиболее удачным для характеристики слов, отличающихся недостаточно дифференцированной семантикой.

*Ключевые слова:* лексикография, лексикология, синонимия, якутский язык.

© Е.И.Оконешников, 2011.

Широко известный «Словарь якутского языка» Э.К.Пекарского (в дальнейшем — «Словарь») в первом варианте был подготовлен к печати к концу 1889 г. Первый его выпуск вышел в свет в том же году благодаря участию автора в работе Сибиряковской экспедиции ВСОРГО. Дальнейшее печатание прекратилось из-за отсутствия финансирования. После долгих переговоров Русский комитет Академии наук, учитывая обширность собранного материала и скрупулезность его лексикографического исполнения, взял публикацию «Словаря» в свои руки. В связи с тем, что якутский выпуск не отвечал академическим требованиям, было решено его переиздать, что и осуществили под руководством академика К.Г.Залемана в 1907 г. Были изменены бумага, шрифт, формат, и дополнительно внесены сравнительно-сопоставительный материал с тюркскими и монгольскими языками. Издание завершилось лишь в 1930 г. выходом в свет 13-го выпуска<sup>1</sup>.

Центральной проблемой двуязычной (как и одноязычной) лексикографии по-прежнему оставалась семантическая характеристика слов.

Э.К.Пекарский преследовал цель — дать исчерпывающую и наиболее точную характеристику семантики якутских слов. Он не обращал особого внимания на благозвучие переводов, а старался максимально подробно выявлять и описывать всевозможные оттенки значения слова-оригинала. «Исходя из того простого положения, — объяснял автор основное назначение “Словаря”, — что «в языке народа всего полнее отражается его душа, я думал, что чем больше будет собрано мною якутских слов, чем точнее будет объяснено каждое из них, тем более ценный материал я буду в состоянии дать другим исследователям для понимания “души” якутского народа»<sup>2</sup>.

Лексикографическая практика двуязычных словарей неизменно доказывает истину, согласно которой смысловой объем слова одного языка сплошь и рядом не совпадает с таковым в другом языке<sup>3</sup>.

Своеобразные естественно-географические условия, веками складывавшийся самобытный уклад жизни, особенности исторического развития и уровня культуры в конеч-

ном итоге обусловили большое различие лексико-семантической системы якутского языка по сравнению с лексико-семантической системой русского языка.

Выявление страноведческого компонента значения слова-оригинала, не учитываемого одноязычной лексикографией, весьма существенно для двуязычной лексикографии. Определение значений слова в двуязычном словаре должно сообщать читателю максимально полную информацию об обозначаемом кусочке действительности, имеющем своеобразный национальный колорит. Это особенно важно тогда, когда слово-оригинал обозначает реалию, отсутствующую в другом языке. Пожалуй, в этом и заключается одно из существенных отличий двуязычной лексикографии от одноязычной.

Одним из выдающихся достижений «Словаря» является, несомненно, то, что Э.К.Пекарский понял эту особенность двуязычных словарей и, будучи незаурядным этнографом и фольклористом, уделял особое внимание описанию культурных коннотаций и страноведческих особенностей реалий и явлений. Так, из-за стремления автора привести больше данных, относящихся к безэквивалентным и частично эквивалентным словам, стал закрепляться в «Словаре» основной метод краткого или развернутого толкования значений якутских слов.

Наряду с ним Э.К.Пекарский в качестве одного из приемов семантической характеристики заглавных слов широко использовал русские синонимические ряды и близкие к ним по значению слова. Как показывают наблюдения, автор прибегал к данному способу тогда, когда слово-оригинал обладало более широкой семантикой, чем его предполагаемый русский эквивалент. В таких случаях он не ограничивался определением главного значения подобных слов и дополнительно приводил русские синонимичные слова, раскрывающие, по мнению автора, их разновидности, возникающие в живой речи.

Рассмотрим наиболее типичные случаи синонимического определения.

1) В якутском языке словообразовательные модели, соответствующие префиксальным и суффиксальным показателям русского языка, получили иное грамматическое выражение. Семантика многих якутских гла-

голов адекватно передается на русском языке глаголами совершенного и несовершенного вида. Для смысловой характеристики подобных глаголов автором принят способ подбора ряда русских однокоренных идеографических синонимов. Примеры: *оргуй* 'кипеть, вскипать, воскипать, кипяти́ться'. Слова переводной части словарной статьи связаны между собой отношениями, основанными на смысловой близости. Об этом говорит их толкование в «Словаре русского языка» в четырех томах (МАС): «*кипеть* (МАС II 63). 1. 'волноваться, клоко́тывать, пениться от образующегося при сильном нагревании пара (жидкости)';... *вскипеть* (МАС I 299) 1. 'прийти в состояние кипения';... *кипятиться* (МАС II 63) 1. 'нагреваться до кипения'...». Глагол *воскипать* не зафиксирован в нормативных словарях современного русского литературного языка, так как приставка *вос* придает ему оттенок архаического высокого стиля. Данное слово находим в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И.Даля (СД). «*Воскипать* (СД I 247) 'воскипать, вскипать, вскипеть'. Для того, чтобы удостовериться в правильности семантической характеристики слова-оригинала однокоренными синонимичными словами, обращаемся к «Русско-якутскому словарю» (РЯС): «*Кипеть* (РЯС 225) 'оргуй'; *вскипеть* (РЯС 83) 'оргуй'; *вскипятиться* (РЯС 83) 'оргуй'; *кипятиться* (РЯС 225) I. 'оргуй, кыйы́н'; 2. *перен. разг.* 'оргуй; кыынньан тур, тымтан тур'».

Переносное значение *оргуй* 'проявиться в сильной степени, горячиться' не выделено в «Словаре» как самостоятельное значение. Однако автором приведен пример, иллюстрирующий подобное значение: *уол хаана уолугар киирэн оргуйан барда* 'молодая сильная кровь его в ямочку (в дужку) вошла-вскипела (так сильно рассердился)'.

*Силимнээ* 'клеить, склеивать, приклеивать, заклеивать, вклеивать'. Синонимичный ряд образован соотношением слов типа бесприставочный глагол плюс приставочные глаголы того же корня. «*Склеить* (МАС IY 154) I. 'скрепить клеем'; ... *приклеить* (МАС III 565) 'прикрепить клеем или чем-л. клейким'; *заклеить* (МАС I 723) 'наклеивая, покрыть чем-л.'; *вклеить* (МАС I 229) 'вделать, вставить во что-л., приклеивая'; *выклеить* (МАС

I 340) I. *разг.* 'путем склеивания или наклеивания сделать что-л.'; 2. *прост.* 'склеить целиком, со всех сторон'». Приставочные глаголы переводной части каждый в отдельности конкретизируют видовое значение реестрового глагола *силимнээ* в тех или иных контекстах речи. «Склеить (РЯС 578) '*силимнээн* кэбис, сыһыары силимнээ'; *приклеить* (РЯС 484) '*сыһыар, силимнээ, хам силимнээ*'».

Передача значений заглавных слов совокупностью бесприставочных и приставочных однокоренных синонимов в большинстве своем конкретизирует их видовые различия.

2) Нередко якутскому слову с недостаточно дифференцированным значением соответствует в русском языке ряд синонимов, происходящих от разных корней. Примеры:

*Атас* 'друг, приятель, товарищ'. На их синонимичность указывает «Словарь синонимов русского языка» (СС). «*Друг* (СС 130) 'товарищ, приятель, дружок, друг-приятель'...». Приведенные синонимы в совокупности передают в полном объеме возможности употребления заголовочного *атас* в реальном живом общении.

*Сурах* 'весть, известие, молва, слух; слава'. Синонимичность определяющих слов очевидна. «*Известие* (СС 172) 'сообщение, сведения, извещение, новость, слух, весть'...; *молва* (СС 229) 'слух (слухи), толки; слова, разговоры'...». Каждая из синонимичных пар по-своему уточняет и детализирует контекстуальное значение слова *сурах*, о чем свидетельствует их толкование в РЯС. «*Весть* (РЯС 59) 'сурах, сурах-садьык'; *известие* (РЯС 204) 1. 'биллэрии, иһитиннэрии, сурах';... *молва* (РЯС 282) 'тыл, сурах'; слух (РЯС 585)... 2. 'сурах, үһүйээн'; *слава* (РЯС 582)... 3. *разг.* 'сурах, кэпсээн'». Приведены примеры, иллюстрирующие обиходное употребление слова *сурах*. Вот, некоторые из них: *кيني сурабын билбэппин* 'я не имею о нем известия'; *кэлиэх сурабын истибит* 'он услышал известие, что те имеют намерение прибыть'; *сурахтара* 'по слухам'; *сураба суох* 'бесславный, безызвестный'; *эн баай сураххар эийэхэ кэлибит* 'на славу (известность) твоего богатства пришли мы к тебе'; *утүө сурах* 'хорошая молва, добрая слава'.

Автор мог бы с таким же успехом продолжить ряд русских синонимов дополнительными словами с целью более полной харак-

теристики семантического объема вокабулы *сурах*. Из всех синонимичных слов, указанных в вышеназванном словаре синонимов, более или менее подошли бы существительные `толки, разговоры`. Однако они, как слово сниженной лексики, даются в русских словарях с неизменной пометой *разг.* (разговорное). А слово-оригинал и в то время, и сейчас не имеет подобной стилистической окраски. Ему соответствуют в якутском языке другие слова или словосочетания. Их возможные конкретизирующие оттенки вполне покрываются более нейтральными `молва, слух`. Это еще раз наглядно показывает, что Э.К. Пекарский в стремлении максимального синонимичного определения, прежде всего, исходил из лексических значений слова-оригинала, а не из соотношений русских синонимических слов. Слово *сурах* правильно определено в «Словаре» как однозначное, что подтверждается в современном нормативном «Якутско-русском словаре» (ЯРС). *Сурах* (ЯРС 345) `весть, известие; слух`.

3) Якутские слова, знаменующие собой преимущественно родовые понятия, передаются на русском языке словами, обозначающими их видовые различия. Следует отметить, что слова, которые могут покрывать значения слова-оригинала, не составляют при этом подлинного синонимичного ряда. И в подобных случаях Э.К. Пекарский приводит ряд так называемых квазисинонимов, состоящих из близких по значению, но не являющихся синонимами слов. Примеры:

*Күөх*: 1) `голубой, синий, зеленый, зеленватый`; 2) `зеленый, синий или голубой свет`; 3) `зелень`. В определении синонимичности `голубой, синий, зеленый` существует разноречивость. «*Синий* (СС 487)... `голубой, небесный, небесно-голубой`». Некоторые исследователи отрицают синонимичность таких слов, как `синий` и `голубой`. Слово `зеленый` вовсе выпадает из данного ряда и входит в другую синонимическую группу (см.: СС 168). Между тем не вызывает сомнения то, что слова переводной части обладают значениями, близкими друг с другом. Каждое слово само по себе вполне может быть употреблено в соответствующих контекстуальных окружениях в значении вокабулы *күөх*, так как в тюркских языках это слово осмыс-

ливается как понятие родовое по отношению к видовым. Иными словами, русские квазисинонимы `голубой, синий, зеленый` передают в реальном общении видовые различия родового понятия *күөх*. Что касается русских разноречивостей, обозначающих значения родового *күөх*, то им в якутском языке соответствуют аналитические формы в виде словосочетаний. В словарной статье приведены примеры, показывающие подобное соответствие: *от күөх* или *мутукча күөх* `зеленый` (букв.: `зеленый как трава` или `зеленая как хвоя`); *халлаан күөх* `голубой, синий` (букв.: `голубое как небо`).

*Алдьат* `разрушать, разрывать, раздирать, растерзывать, разрубать, ломать, изламывать, разламывать, переламывать, разбивать, сокрушать; ниспровергать, истреблять, нарушать, лишать силы, расстраивать, портить, развращать, разорять (в конец), губить, погублять`. Как видно, значение заголовочного *алдьат* передано двадцатью словами и словосочетанием `лишать силы`. В их составе обнаруживаются однокоренные, разнокоренные, приставочные и бесприставочные синонимы. Слова переводной части статьи могут образовать несколько синонимичных рядов. Большую группу составляют однокоренные и разнокоренные синонимы: `ломать, изламывать, разламывать, переламывать, разрушать, расстраивать, нарушать, убить, погублять`. Следующую — приставочные разнокоренные синонимы: `разрывать, раздирать, растерзывать`, другую — разнокоренные: `портить, развращать`. Четвертая группа состоит также из разнокоренных: `сокрушать, истреблять`. Особняком от указанных синонимических групп стоят слова: `разрубать, разбивать, ниспровергать, разорять` (синонимические ряды сгруппированы нами согласно СС).

Подобное нагромождение синонимов и квазисинонимов должно быть воспринято как результат стремления автора раскрыть значение слова-оригинала в повседневном обиходном употреблении. Об этом же красноречиво говорят примеры, зафиксированные автором в иллюстративной части словарной статьи: *бу оноруубун-ыйаахпын алдьатан* `разрушая эту мою судьбу, это мое назначение`; *быаларын алдьаппыт* `порвал их (свои) веревки`; *силиһин даҕаны, лабаатын*

даҕаны алдьатыма 'не ломая (не сломавши) ни корешка, ни листка (травы)'; *бу үөдэнгэ уордайаммын сэттин-сэбиргэлбин алдьаттаҕым үһү* 'ах, в сердцах на этого окаянного поломал я свою собственность (пол в доме)'; *түрмэлэрин алдьатан* 'взломавши их тюрьму'; *ааны алдьат* 'разбей (выломи) дверь'; *биһиги сүбэбитин холбоон сырыттахпытна* — *ааттаахтары алдьатыа этибит* (ск.) 'общим с тобой советом сокрушили бы мы доблестных (богатырей)'; *сири алдьат* 'ломать землю, ломать целину, пахать'; (*холорук*) *бары бурдугу алдьаппыта* '(вихрь) истребил весь хлеб'; *эн эппит тылгын алдьатар буолааһаҕын* 'смотри, не нарушь сказанного тобою слова'; *ойууммут үөрэ кырдьык кэлэн дьону алдьатаары гынна* 'душа нашего (покойного) шамана и вправду хочет народ погубить'; *кени аймах билэтин алдьатта* (ск.) 'он разорил, погубил всю его родню'.

О том, что слова определяющей части словарной статьи передают основное, производное, переносное или контекстуальное значение заглавного *алдьат*, свидетельствует их обратный перевод на якутский язык. «Разрушать» (РЯС 531) 1. 'алдьат, кээһэт, урухаллаа'...; *ломать* (РЯС 262) 1. 'булгурут, алдьат, көтүр'...; *изломать* (РЯС 527) 'тоһуталаа, алдьаталаа'; *переломать* (РЯС 411) 'тоһуталаа, алдьаталаа'; *сокрушать* (РЯС 599) 1. 'булгурут, алдьат, көтүр'...; *изломать* (РЯС 527) 'тоһуталаа, алдьаталаа'; *сокрушать* (РЯС 599) 1. 'үлтүрүт, урухаллаа, сууһар'; 2. *перен.* 'сууһар, самнар, алдьат'; *истребить* (РЯС 215) 'кырт, кыдый, эс'; *нарушать* (РЯС 306) 1. 'аймаа, алдьат'...; *расстраивать* (РЯС 541)... 3. 'сатарыт, алдьат'; *портить* (РЯС 460) 1. 'буортулаа, алдьат'...; *развернуть* (РЯС 524) 2. 'сигилитин алдьат'...; *разорить* (РЯС 530) 1. 'алдьат, кураанахтаа'...; *губить* (РЯС 121) 'алдьат, өлөр'; *погубить* (РЯС 431) 'сиэ, алдьат, өлөр'; *разломать* (РЯС 527) 'тоһуталаа, алдьаталаа'. Некоторые определяющие слова обозначают, кроме всего прочего, и завершенность действия якутского глагола *алдьат*. «Разорвать» (РЯС 530) 1. 'быһа тарт, хайа тарт, хайыта тыыт'; *разодрать* (РЯС 530) 1. 'хайа тарт'; 2. 'хайа тарт, хайыт'; *разбить* (РЯС 521) 1. 'үлтүрүт, үлтү обус, алдьат'; 2. *перен.* 'алдьат, быс'; *разрубить* (РЯС 531), 'быһыта кэрт, хайыта сыс'; *растерзывать*

(РЯС 542) 1. 'тырыта тыыт, сэймэктээ'; 2. *перен.* 'муннаа'».

«Прием раскрытия значения совокупностью переводов, — пишет Н.И.Фельдман, — представляющих собой слова близкие, хотя и не вполне синонимичные ни по отношению друг к другу, ни по отношению к слову-оригиналу, представляется более предпочтительным, чем толкование, так как этот прием совмещает раскрытие значения с переводами в тех случаях, когда действительно имеется частичное совпадение со значением нескольких русских слов и когда эти последние могут быть реально использованы для перевода в контексте»<sup>4</sup>.

4) Значение определенной части якутских глаголов передано соответствующим русским глаголом и синонимичным ему глагольно-именным сочетанием или сочетанием перифрастического характера типа: *туунугур* 'покрываться плесенью, плеснесть, плесневеть'; *абырымнаа* 'идти на убыль, убывать'; *чиэстээ* 'оказывать честь, чествовать (в значении чествовать)'; *чэпчэт*: 1. 'делать легким, облегчить'; 2. 'делать дешевым, уступать, убавлять цену'.

5) Наблюдаются случаи, когда якутский глагол передается одновременно словами с близкими значениями и синонимичными им фразеологическими или свободными словосочетаниями типа *түөһэй* 'дряхлеть; выживать из ума; глупить, слабоумничать по старости, приходиться в старческое тупоумие, лишаться памяти'.

Итак, синонимический способ определения, широко использованный Э.К.Пекарским, является одним из удачных методов смысловой характеристики якутских слов, отличающихся нерасчлененной семантикой. Положительной стороной синонимического определения с точки зрения современности является и то, что читатель, будучи поставленным перед необходимостью выбора наиболее точного эквивалента, сам находит его, как правило, верно, исходя из контекстуальной или речевой ситуации.

Наблюдаемое чрезмерное наделение определений некоторых слов синонимами и квазисинонимами исходит из стремления автора добиться максимально полной семантической характеристики живого повседневного употребления слова-оригинала. С этой же целью он приводил под каждой заглавной

единицей весь собранный им языковой материал, но делал это, разумеется, в той мере, в какой позволяли ему источники. Здесь наиболее ярко проявляется одна из главных типологических особенностей «Словаря».

Э.К.Пекарский вошел в историю отечественной и мировой тюркологии как создатель фундаментального «Словаря якутского языка», в котором точно и достаточно полно отразилось бесписьменное состояние языка саха конца XIX – начала XX в.

#### ЛИТЕРАТУРА

<sup>1</sup> Об этом см.: *Оконешников Е.И.* Э.К.Пекарский как лексикограф. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 32–34.

<sup>2</sup> Словарь якутского языка, составленный Э.К.Пекарским при ближайшем участии прот. Д.Д.Попова, В.М.Ионова. – СПб., 1907. – Вып. 1 / Предисловие. – С. III.

<sup>3</sup> Об этом см.: *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // *Языковая система и речевая*

*деятельность.* – Л., 1974. – С. 299; *Истрина Е.* Заметки по двуязычным словарям // *Изв. АН СССР Отделение литературы, языка.* – 1944. – Т. 3, вып. 2–3. – С. 86; *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957. – С. 51.

<sup>4</sup> *Фельдман Н.Н.* О границах перевода в иноязычно-русских словарях // *Лексикогр. сб.* – М., 1957. – Вып. 2. – С. 102.

#### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МАС – Словарь русского языка АН СССР. – М., 1957–1961. – Т. I–IV.

РЯС – Русско-якутский словарь / под ред. П.С.Афанасьева и Л.Н.Харитонова. – М., 1968.

СД – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – 5-е изд. – М., 1956. – Т. I–IV.

СС – Александрова З.И. Словарь синонимов русского языка. – М., 1969.

«Словарь» – Словарь якутского языка / сост. Э.К.Пекарский. – СПб.; Пг.; Л., 1907–1930. – Вып. 1–13.

ЯРС – Якутско-русский словарь / под ред. П.А.Слепцова. – М., 1972.

*Е.И.Оконешников*

### Synonymical definition of word meanings in the “Dictionary of the Yakut language” by E.K. Pekarsky (to the 80<sup>th</sup> anniversary since its publication)

The article considers in a nutshell synonymous modifiers frequently used by E.K.Pekarsky which either have the same root or different roots, are either prefixal or suffixal. Such method of modification turned out to be the most advantageous for characterizing words the semantics of which is not fully differentiated from each other.

*Keywords:* lexicography, lexicology, synonymy. Yakut language

УДК 398:82–1

*Л.В.Роббек*

### К вопросу систематики эпитетов в олонхо

Предложена одна из форм систематизации эпитетов в олонхо – классификация ключевых эпических объектов.

*Ключевые слова:* олонхо, эпитет, система, эпический объект, количественный показатель, тематические группы, регулятор, художественное определение, тематическое содержание, идейная линия.

Считается, что общефольклорные поэтические средства, в том числе и эпитет, складываются в рамках жанра в особую систему,

отвечающую назначению жанра, реализующую с наибольшим эффектом его тематику и проблематику<sup>1</sup>. Системность эпитетики в якутском эпосе во многом обусловлена эпической тематикой олонхо. По большому

© Л.В.Роббек, 2011.

счету, олонхо – это произведение, которое изображает поэтическую картину эпического мира. Поэтому язык олонхо оперирует понятиями, функционирующими в рамках тематической и поэтической системы якутского эпоса и предназначенными для раскрытия его основной идейной линии.

Такое понимание предмета исследования позволяет классифицировать ключевые эпические объекты, составляющие основу эпического мира олонхо. При составлении данной классификации следует учитывать количественный показатель, так как считается, что «число употреблений того или иного эпитета в эпическом тексте оказывается явлением содержательного ряда, эстетически значимым и потому важным для раскрытия и постижения художественной мысли эпоса»<sup>2</sup>. А по количеству эпитетов в определенной степени можно судить и о количестве определяемых ими эпических объектов.

В тексте олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г.Оросина<sup>3</sup> нами выделено пять тематических групп, составляющих систему наиболее часто встречающихся эпических объектов олонхо:

1. *Номинативные лексемы, обозначающие героя олонхо*: *киһи* 'человек' (222 раза) *бухатыыр* 'богатырь; силач; воин' (124); *уол* 'парень; молодец' (67) и *бэйэ* 'сам' (44).

Высокая частотность употребления номинала *киһи* 'человек' (222 случая), подтверждает известное положение о том, что олонхо – это гимн человеку, воспевание его положительных качеств как защитника жизни, сторонника всего светлого и доброго на земле. Частично высокая частотность употребления этого эпического объекта обусловлена тем, что словом *киһи* 'человек' в олонхо обозначаются люди Среднего мира: *дьиэлээх киһи* 'домашний человек; хозяин' [с. 312; 306; 316; 314]; *бэрт киһи* 'удалой человек' [с. 194]; *оҕо киһи* 'молодой человек; юноша' [с. 318]; *сүүнэ киһи* 'величественный; могучий человек' [с. 308]; *күн ураанхай киһитэ* 'человек племени солнечных улусов' [с. 340]; *айыы киһитэ* 'человек племени айыы' [с. 130; 174]; *саха киһи* 'якут' [с. 184; 354; 156; 358; 96]; *үтүө киһи* 'добрый человек' [с. 140; 210; 286]; *бухатыыр киһи* 'богатырь; силач' [с. 82]; *дыахтар киһи* 'женщина'

[с. 324; 234; 236]; *эр киһи* 'мужчина' [с. 328; 346; 188] и др., но отнюдь не абаасы, живущие в Нижнем мире, или духи, божества Верхнего мира.

2. *Лексика, обозначающая природные явления*. Как известно, якутский народ в прошлом видел мир сквозь призму своего окружения, т.е. природы, именовал себя *айылба* оҕото букв. 'дитя природы'. Таким образом, он неосознанно отождествлял все, что его окружало, с природными явлениями. Это находит прямое отражение в тематической линии олонхо: *дойду* 'страна' (200), *халлаан* 'небо' (71), *сир* 'земля' (61), *хайа* 'гора' (49), *таас* 'камень' (40), *ый-күн* 'солнце-луна' (36), *уу* 'вода' (29), *байбал* 'море' (22), *былыт* 'облако' (19), *тиит* 'лиственница' (17), *булгуннах* 'бугор' (14), *мас* 'дерево' (11), *хочо* 'поле' (7), *толоон* 'долина' (6), *тыа* 'лес' (4), *үрэх* 'река' (3), *сыһы* 'поле' (3).

3. *Названия предметов вооружения*. Борьба в архаическом эпосе логично предполагает наличие предметов вооружения, а поэтизация, присущая якутскому эпосу, представляет их предметом подробного описания: *батас* 'пальма' (25), *куйах (танас)* 'богатырские доспехи' (9), *ох* 'лук' (6), *үгүү* 'копье' (3), *онобос* 'стрела' (1).

4. *Абстрактные понятия*, уходящие своими корнями в область мифологии, верований и традиционной философии якутского народа: *айыы* 'добро' (71), *аат* (сурах) 'доброе имя, слава' (14), *тыын* в значении 'жизнь' (15), *кут* 'душа' (11), *эмэгэт* 'ритуальная кукла' (9), *оноруу* 'судьба' (7).

Данная группа отражает своеобразие миропонимания древних якутов, их отношение к окружающей действительности, философское осмысление мира.

5. *Бытовые понятия*: *сылгы* 'лошадь' (34), *суол* 'дорога' (28), *дьиэ* 'дом' (26), *обус* 'бык' (21), *ат* 'конь' (11), *уорабай* 'жилище' (10), *бугул* 'копна сена' (9), *ааттык* 'путь' (9), *сэргэ* 'коновязь' (8), *кымньы* 'плеть' (6), *түһүлгэ* 'тюсюлгэ' (6), *балабан* 'юрта' (5), *дурда* 'заслон' (4), *хаппахчы* 'чулан' (3), *хамыйах* 'деревянная ложка' (2).

В олонхо перечисленные выше ключевые объекты могут определяться, поясняться и характеризоваться с помощью самых различных эпитетов и одновременно выступать в



роли некоего регулятора функционирования и характера эпического эпитета, ограничивая поле его деятельности рамками понятия «ключевой объект олонхо», так как эпитет функционально обязан быть художественным определением к конкретному определяемому объекту.

Для примера сравним эпитеты ключевых объектов *хочо* 'поле' и *аат* (сурах) 'доброе имя, слава'. Оказывается, эпическое поле в олонхо имеет эпитеты (*хомурах хоммот/тохтообот*) *холборон манган* 'пречистый, такой гладкий, где не задерживаются/не ночуют снежные заносы' (4): *хомурах хоммот холборон мабан хочотун ортотугар хомуру тэбиннэрэн киирдэ* 'вихрем влетел на коне в самую середину пречистой, пресветлой долины, где не задерживаются снежные заносы' (с. 110); *уһун дураар* 'предлинный' (1): *уһун дураар хочо оттотугар, киэн дьалхаан сыһыы киинигэр киирэммит күөн көрсөн, күрэс былдьаһан көрүөхпүт* 'будем биться грудью, мёриться силами посредине предлинной долины, в центре широкого поля' (с. 310); *ураты* 'иной, другой' (1): *атын арыыга, ураты хочобо, тусна толоон тойоно буолбут Кус Хангыл тойон, Түөнэ Моҕол хотун диэн үгүс баайдаах, элбэх үптээх дьоннор бааллар дишлэр* 'говорят, живут на чужом острове, в другой долине в отличном просторе, ставший батюшкой Кус Хангыл тойон, ставшая матушкой Тюенэ Моҕол хотун, говорят, что они люди, имеющие огромное богатство, неисчислимое имущество' (с. 210); *ойобо эппит* 'указанный его женой' (1): *Ньургун Боотур обургу ойобо эппит хочотун собуруу өттүгэр тиийдэ* 'великий Ньургун Боотур направился на южную сторону долины, указанную его женой' (с. 356). А лексема *аат* (сурах) 'доброе имя, слава' охарактеризована эпитетами *үрдүк* 'высокий' (6): *мин диэтэх киһи үрдүк ааннар, үтүө сурахнар*

*кэллэбин буолуо* 'ты, наверное, прибыл к высокому имени, доброй славе такого (знатного) человека, как я' (с. 174); *үтүө* 'добрый' (6): *өрөгөйдөөх үтүө ааккын алдьатыам* 'разрушу твоё славное имя' (с. 174); *өрөгөйдөөх үрдүк* 'победный' (1): *өрөгөйдөөх үрдүк аат үрдүөтэ, соргу дьаалы тубуста* 'мое победное имя возвысилось, удача высокая, полная восторжествовала' (с. 158); *үтүө өрөгөйдөөх* 'добрый' (1): *ол эрэри айыы аймабын, күн улууһун үтүө өрөгөйдөөх аатын түһэн бизримэ* 'но все-таки, ты не роняй доброе имя племени айыы, людей улусов солнца' (с. 142).

В процентном соотношении количество постоянных эпитетов (ПЭ) превышает количество единичных эпитетов (ЕЭ): ПЭ объекта *хочо* 'поле' – 57,1%, ЕЭ – 42,8%, ПЭ объекта *аат* (сурах) 'доброе имя, слава' – 85,7%, ЕЭ – 14,2%.

Таким образом, можно заключить, что в якутском эпосе характер эпитета в известной степени зависит от его тематического содержания, которое, в свою очередь, взаимосвязано с идейной линией олонхо. А классифицирование ключевых эпических объектов может выявить некоторые интересные закономерности и быть весьма полезным для систематизации фольклорных эпитетов.

#### ЛИТЕРАТУРА

<sup>1</sup> Савушкина Н.И. Эпитет в бытовой сказке // Эпитет в русском народном творчестве. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 135.

<sup>2</sup> Шталь И.В. Принципы художественного распределения эпитета в гомеровском эпосе (К типологии художественного мышления) // Фольклор. Поэтическая система. – М.: Наука, 1977. – С. 172.

<sup>3</sup> Ньургун Боотур Стремительный / Текст К.Г.Оросина; ред. текста, пер. и комментарии Г.У.Эргиса. – Якутск: Кн. изд-во, 1947. – 409 с.

L.V.Robbek

### On the question of the systematics of epithets in olonkho

One of forms of systematization of epithets in olonkho – the classification of key epic objects – has been proposed in the article.

*Keywords:* olonkho, epithet, system, epic object, quantitative index, thematic groups, regulator, art definition, thematic content, line of ideas.

С.Н.Курилова

## Выражение эмоциональных концептов «удивление» и «радость» производными междометиями юкагирского языка

В юкагирском языке междометная лексика включает первообразные и производные эмотивы. Производные междометия через явление транспозиции десемантизируются, и основной их функцией становится выражение эмоционального состояния и отношения говорящего, связанные с внутренним переживанием и соответствующим фрагментом воспринятой человеком действительности, т.е. определённый концепту. В данной статье рассматривается ряд междометий, выражающих эмоции удивления и радости.

*Ключевые слова:* юкагирский язык, тундренный диалект, производные междометия, удивление, радость.

Производные междометия юкагирского языка выступают своеобразными вербальными репрезентациями эмоциональных концептов удивления, радости, страха, печали, горя, гнева, отвращения. Рассмотрим междометия, выражающие базовые эмоции удивления и радости, образованные по модели: «основа непереходного глагола + эмотивный показатель -*ба/-ээ*». В постпозиции к модели возможно примыкание интенсификаторов (-*йии*, -*йуо*), а также ласкательного суффикса (-*каа*), каждый из которых вносит изменения в смысловую объём и степень интенсивности исходной междометной единицы. Рассматриваемые производные междометия выступают активной реакцией, вызываемой определённым спектром каузаторов, характерных для того или иного немотивированного невербального стимула.

От адмиратива денотативного поля удивления *амалэй-* 'удивиться', 'поразиться' транспонировано междометие **амалаба**. Выступает реакцией на ситуацию, вызванную непонятностью, выражающейся в когнитивном диссонансе — «ну и ну!», «как так!». Сопутствующими эмоциями являются недоумение или страх. Модель образования: «*амалэй-* + *-ба*».

«**Амалаба!**» — маалич Коории. — Муоханэй энубэ сабанэйли нэмэн умуйэн йуок лэуну-мэн!» — **Как так!** — удивился Коории. — На речке, полной чирами, живём, а ты щучью голову кушаешь!»<sup>1</sup>.

Более интенсивное переживание в виде испытываемых говорящим недоумения,

замешательства и испуга передаёт данный эмотив с интенсификатором -*йуо*: **амалаба-йуо**. Причиной реакции обычно являются такие качества ситуации, как неожиданность, странность, непонятность, необъяснимость. Модель: «*амалэй-* + *-ба* + *-йуо*». В русском языке соответствует эмотивному междометию «как же так!».

Тудэ көннэ мэньмэлэ? **Амалаба-йуо!** — Свою родню взял в жёны? **Как же так!**

Удивление как реакция на нечто странное, необычное, необъяснимое и несоответствующее представлениям говорящего о чём-либо, выражает междометие *маалаба* «о, как удивительно!». Содержит компонент неожиданности. Модель образования «*маалуу-* + *-ба*», где *маалуу-* — основа непереходного глагола в значении 'быть удивительным'.

Тидаанэ мэ пойуолнуни. Идьэ мэ йалуолнуни. **Маалаба!** — Раньше бывало много. Теперь только три штуки. **О, как удивительно!**<sup>2</sup>

Междометие **маалаба-йуо** передает более интенсивное эмоциональное переживание, вызванное замешательством, недоумением, растерянностью. Можно перевести на русский язык эмотивным междометием «ну и ну!». Модель: «*маалуу-* + *-ба* + *-йуо*».

**Маалаба-йуо!** Пумаагэньэн ньиэдьий кедэ ичуйуолдэ мэ хавдэ маалуу. — **Ну и ну!** Както удивительно смотреть на человека, разговаривающего с бумагой<sup>3</sup>.

Удивление, с лёгким смысловым нюансом испуга, вызванное неожиданным, необычным проявлением положительных качеств адмиранта, выраженных основой непереходного глагола *вэрвэнь-* 'быть сильным, мощным', 'обладать силой, мощью',

передаёт в тундренном диалекте междометие **вэрвэньгэ** в значении «ух, какой сильный!». Модель «*вэрвэнь-* + *-гэ*».

Тэ-эй, хаалаба, **вэрвэньгэ**. Хуодэбан маранмэ ньанмэптиэ кэчидьини.

– Тэ-эй, **ух, какой сильный**. Тальники так и трясутся<sup>4</sup>.

В сочетании с интенсификаторами междометия **вэрвэньгэ-йии** и **вэрвэньгэ-йуо** имеют тот же казуатор, что и **вэрвэньгэ**, однако выражаемое ими удивление тесно связано с семантическим компонентом восхищения проявляемыми качествами объекта. Можно перевести как: «ну и сильный-то (какой)!». Модели образования: «*вэрвэнь-* + *-гэ* + *-йии*», «*вэрвэнь-* + *-гэ* + *-йуо*».

**Вэрвэньгэ-йии!** Мэр анмэ вэлиим! – **Ну и сильный-то!** Запросто поднял!

В отличие от **вэрвэньгэ-йии** семантическая структура междометия **вэрвэньгэ-йуо** содержит компонент неожиданности, т.е. адмиралт удивляется и восхищается неожиданно проявленной или замеченной силой объекта.

**Вэрвэньгэ-йуо**, тэт чалдэ! – **Ну и сильные-то какие**, твои руки!

Радость, вызванную событием, которое говорящим воспринимается как смешное, потешное или забавное, передают междометия **абальвэбуньгэ** «о, как смешно!» и **чэньгэ** «о, смешной-то (какой)!», образованные от основ непереходных глаголов *абальвэбунь-* 'быть смешливым', 'хотеть (рас)смеяться' и *чэньу-* 'быть забавным / потешным'. Модели образования: «*абальвэбунь-* + *-гэ*», «*чэньу-* + *-гэ*».

**Абальвэбуньгэ**, мэт ат эл турмоойэн маранмэ тадаа ат абальваайэн. – **О, как смешно**, не сдержалась бы, прямо там бы и рассмеялась<sup>5</sup>.

**Чэньгэ**, маархадьэн тиэн гэдэ муньбаххат маарчийуонь, ах чиилэ эл анньэсчиир. – **О, смешной-то**, один раз того человека выгоняли за то, что не давал говорить людям<sup>6</sup>.

Дополнительный смысловой оттенок ласки и жалости это междометие передаёт в сочетании с интенсификатором *-йии*: **чэньгэ-йии** «ой, смешной-то (какой)!». Модель: «*чэньу-* + *-гэ* + *-йии*».

**Чэньгэ-йии!** Ахчабуол эвриэнаалги, пөмөрчирэн! – **Ой, смешной-то!** Заходил босиком, поскальзываясь!

Для выражения более сильного желания рассмеяться, тундренный диалектоноситель

воскликнет **чэньба-йуо**, но никак не **абальвэбуньгэ-йуо**. Сочетание базовой основы с интенсификаторами *-йии* или *-йуо* нами не обнаружено. Несмотря на то, что по закону сингармонизма в юкагирском языке основа *чэньу-*, казалось бы, должна сочетаться с эмотивным показателем *-гэ*, всё же встречается именно сочетание основы с эмотивным показателем *-ба* – **чэньба-йуо**, передающее сильное чувство радости как реакцию на что-то вызывающее смех: «вот смеху-то!», «ну и рассмешил!». Модель образования: «*чэньу-* + *-ба* + *-йуо*».

Эл муулирнурэн лаур

'Не приложив усилий, топляк Мэт лачилнгол мэт нууйуол!

На топливо себе нашёл я! Мэ кинэк вадурчинур,

Кто-то, уж сильно постарался, Уттэйуолги, **чэньба-йуо!**

И очень-очень устал, **вот смеху-то!**<sup>7</sup>

Междометие **амуба** выражает радость как активную реакцию на незапрошенную ситуацию – «о, (как) хорошо / прекрасно!». Модель образования: «*амуо-* + *-ба*», где *амуо-* – основа непереходного глагола в значении 'быть хорошим, ладным'.

«О-о, **амуба**, лачилтэйэн!» – пунуолльэнь. «О-о, **как хорошо**, есть чем огонь топить!» – обрадовался (он)<sup>8</sup>.

«**Амуба**, эл мэтидьиэ лэвдэччэн!» – пунуонь Коории. – «**О, хорошо**, не один буду кушать!» – обрадовался Коории<sup>9</sup>.

Так называемое «вершинное переживание», т.е. счастье, передаёт междометие **амуба**, оформленное интенсификатором *-йии* – **амуба-йии**. На русский язык можно перевести восклицаниями «как хорошо-то!», «вот счастье-то!». Модель образования: «*амуо-* + *-ба* + *-йии*».

Йэрпэйэдьаак чаайлэньгэ, о, **амуба-йии!** – Так солнечно, так светло, о, **как хорошо-то!**<sup>10</sup>

Йарапалаан-самолёт

Аэроплан-самолёт

Йэрэгууба сабанаай!

На распадке садится!

Ньингомийэ йавнэр льэй:

Разное он привёз:

Сукун, лэгул, йуорииньэй

Одежду, еду, игрушки

Льукуд-уорпиэнь, ан – митинь,

Детям, это – нам,

**Амуба-йии**, мэ пойуонь!

**Вот счастье-то**, как много!<sup>11</sup>

В сочетании с интенсификатором *-йуо* междометие *аму́ба* выражает восторг или восхищение – **аму́ба-йуо** «о, как же хорошо / прекрасно!», «о, какая прелесть-то!». Модель: «*амуо-* + *-ба* + *-йуо*».

**Аму́ба-йуо**, тэн мит саабандэ ваай альбандэн таат, аму́ба, лоходьаай! – **О, как же хорошо**, наши сети как сети паука, полные рыбы, закачаются поплавками!<sup>12</sup>

В устной и письменной речи юкагиров часто встречается производное междометие **йэ́влугэ**, образованное от транспонированной основы непереходного глагола *йэ́влуу-* 'быть милым, славным, привлекательным' по модели: «*йэ́влуу-* + *-гэ*». **Йэ́влугэ** передаёт либо ласку, нежность с оттенком сочувствия или радости по отношению к кому-л.: «милый (-ая)!»; «любимый (-ая)!»; либо жалость по отношению к кому-л. – «бедный (-ая)!»; «бедняга (-жка)!».

«Мэт нимэ, сабусэмэн» – мони паадэ-дуо. **Йэ́влугэ!** – мольэнь ойэгэ. – «Тэн чумур йэ́клиэ лэй». – «Свой дом потеряла», – говорит девочка. **«Бедняжка!»** – сказал заяц. – За этим холмом находится<sup>13</sup> (здесь: ласка, нежность с оттенком сочувствия).

Унунэн Лэрпуу кэлдэлэк чамбиим! **Йэ́влугэ**, чабадьэлэ амудыйэ мархильдиэк!.. – И вправду, Лэрпуу пришла, помогла! **Любимая**, работающая девочка!<sup>14</sup> (здесь: ласка, нежность с оттенком радости).

Эмдэги ваай чиининь кэвэч. Кинуолльэлк эл тадилбунь. Маархан пэлдудие мони: «**Йэ́влугэ**, маалэк мэт чобойэ мэньк». – Её брат опять пошёл к людям. Никто не хочет давать (нож). Один старик говорит: «**Бедняга**, что ж, возьми мой нож»<sup>15</sup> (здесь: жалость).

Междометие **йэ́влугэ** может иметь значение множественного числа через морфологический показатель *-п(э)* и употребляется в форме **йэ́влугэп(э)** в том случае, если объектом эмоционального отношения является не одно лицо, а группа лиц – «милые!»; «бедные!».

«Чи-ви, чи-ви», – моннурэн, йахтаануни, **йэ́влугэп**. – «Чи-ви, чи-ви», – так говоря, поют, **милые**<sup>16</sup>.

Пэльвиэдэвчэ пулгэйдаба, илэ мэ көчэ-гэйнуни. **Йэ́влугэпэ**, илвиичэпэ мэ ньумуолнугтэй. – Когда на кочках появляются

белоголовые травы, олени бросаются за ними. **Бедные**, пастухи (тогда) намучаются<sup>17</sup>.

Принимая интенсификатор *-йии*, междометие **йэ́влугэ-йии** приобретает смысловые оттенки жалости, сочувствия: «ой, бедняжка!», «ой, (как) жалко-то!». Модель: «*йэ́влуу-* + *-гэ* + *-йии*».

**Йэ́влугэ-йии!** Амутнэн уттэгэн. – **Ой, бедняжка!** Совсем устала (она).

Более интенсивное эмоциональное восприятие субъекта передают междометия **йэ́влугэ-йуо** и **йэ́влугэкаа**. Модели образования: «*йэ́влуу-* + *-гэ* + *-йуо*» и «*йэ́влуу-* + *-гэ* + *-каа*», где интенсификатор *-йуо* является показателем сильного эмоционального переживания говорящего, а *-каа* – ласкательный суффикс. **Йэ́влугэ-йуо** выражает сильное чувство ласки, нежности («прехорошенький!»; «славенький!») или, наоборот, жалости, сочувствия («о, (как) жалко-то!»). Употребление **йэ́влугэкаа** является реакцией преимущественно на что-либо крайне положительное, необычное. Это своеобразный синтез нежности, умиления и восхищения.

**Йэ́влидэдиэ-э!** **Йэ́влугэ-йуо-о!** Мэр өлкиэнуй, и-и, – Аавньаанурэн! А! – Оленёноче-ек! **Прехорошеньки-ий!** Вприпрыжку скачет, и-и, – Хоркая! А!<sup>18</sup>

**Йэ́влугэ**, чундэги кэруонь, **йэ́влугэ-йуо!** 'Бедная, настроение очень упало (у неё), **о, жалко-то!**'<sup>19</sup>

**Йэ́влугэкаа, йэ́влугэкаа!** Чаальунаадиэ йуодиигитэгиэ! – **Ой, какие миленькие-премиленькие!** Глазки милого ездового (оленья тёмно-коричневой масти)<sup>20</sup>.

Многие производные междометия юкагирского языка требуют при анализе контекстуальности, поскольку, будучи транспонированными из других частей речи, они подвергаются десемантизации и приобретают обновлённое эмоционально-экспрессивное смысловое содержание. Подгруппы междометий, репрезентирующих те или иные эмоциональные концепты, могли бы быть ещё более обширными и разнообразными за счёт их употребления в речи с показателями усиления и средствами выразительности.

## ЛИТЕРАТУРА

<sup>1</sup> Курилов Н.Н. Коории тадаатэ Пэлэм-Пэлэм: сказки для детей младшего школьного возраста. – Якутск: Бичик, 2009. – С. 14.

- <sup>2</sup> Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 233.
- <sup>3</sup> Там же.
- <sup>4</sup> Там же. – С. 79.
- <sup>5</sup> Там же. – С. 24.
- <sup>6</sup> Там же. – С. 236.
- <sup>7</sup> Курилов Н.Н. Коории тадаатэ Пэлэм-Пэлэм... – С. 11.
- <sup>8</sup> Курилов Н.Н. Чуннул кинигэ. 3 класснинь. (Книга для чтения на юкагирском языке для детей и взрослых). – Якутск, 1994. – С. 40
- <sup>9</sup> Курилов Н.Н. Коории тадаатэ Пэлэм-Пэлэм... – С. 16.
- <sup>10</sup> Курилов Н.Н. Йахтэридьаапэ: стихи. – Якутск: Бичик, 2009. – 96 с. – С. 83.
- <sup>11</sup> Курилов Н.Н. Дом моей матери (Мэт эньиэ нимэ): стихи для детей дошк. возраста. – Якутск: Дани Алмас, 2007. – С. 15.
- <sup>12</sup> Курилов Н.Н. Йахтэридьаапэ: стихи. – С. 23.
- <sup>13</sup> Фольклор юкагиров / Г.Н. Курилов. – М.; Новосибирск: Наука, 2005. – С. 280.
- <sup>14</sup> Курилов Н.Н. Чуннул кинигэ... – С. 25.
- <sup>15</sup> Фольклор юкагиров. – С. 214.
- <sup>16</sup> Курилов Н.Н. Йахтэридьаапэ: стихи. – С. 38.
- <sup>17</sup> Курилов Т.Н. Юкагирско-русский словарь. – С. 332.
- <sup>18</sup> Курилов Н.Н. Дом моей матери (Мэт эньиэ нимэ)... – С. 9.
- <sup>19</sup> Курилов Т.Н. Юкагирско-русский словарь. – С. 183.
- <sup>20</sup> Там же. – С. 143.

*S.N.Kurilova*

## **The expression of the emotional concepts of “surprise” and “joy” by derived interjections of the Yukaghir language**

The Yukaghir interjections include primary and secondary emotives. The secondary interjections as a result of transposition and desemantization obtain a function of expression of the speaker's emotional state and relation, connected with his inner experience and naturally corresponded to the validity fragment (concept) apprehended by a human. Some Yukaghir interjections that express surprise and pleasure are considered in the article.

*Keywords:* Yukaghir language, Tundra dialect, derived interjections, surprise, joy.

УДК 812.512.157–2

*М.А.Кириллина*

## **Особенности развития жанра комедии в якутской драматургии (Типология и жанровая динамика)**

Анализируется специфика развития якутской комедии XX в. в типологическом аспекте. Выявляются жанровые особенности сатирической, юмористической и иронической комедий, исследуется своеобразие гибридных жанров – трагикомедии и драмокомедии, рассматриваются такие аспекты жанра, как сюжетостроение, своеобразие конфликта, система образов, авторская позиция. Подчеркивается, что в современной комедиографии наблюдается подвижность жанровых границ, усиливаются процессы трансформации и модификации жанровых форм.

*Ключевые слова:* комедийный жанр, якутская драматургия, сатирическая комедия, юмористическая комедия, ироническая комедия, трагикомедия, драмокомедия, жанровый синтез, жанровая динамика.

В отечественном литературоведении вопросы жанра комедии не раз становились объектом внимания исследователей (Н.Н.Киселев, В.В.Фролов, Н.М.Федь, А.Л.Штейн). Однако теоретический аспект жанра комедии, вопросы его классификации и поэтики долгое время оставались нерешенными. Серьезное теоретическое осмысление дан-

ной проблемы в литературоведении начинается лишь с середины 90-х гг. в работах О.Б.Лебедевой, Н.А.Гуськова, С.Я.Гончаровой-Грабовской и др.

Проблемы комедии и комического активно рассматриваются и в национальном литературоведении. Исследованию специфики комического в литературе посвящены работы Т.Л.Кузнецовой (Коми), В.И.Демина (Мордовия), П.Н.Метина (Чувашия). Осо-

бенности развития национальной комедиографии изучены Н.Г.Ханзафаровым (Татарстан), Р.Б.Ахмадиевым (Башкирия) и др.

Специфика развития жанра комедии в якутской драматургии, проблемы его типологии и поэтики ранее не подвергались целостному, специальному изучению литературоведов. Комедийные произведения якутских драматургов рассматриваются в монографических трудах, исследующих персональную модель творчества (Г.П.Башарин, Г.К.Боескоров, Г.Р.Кардашевский), в контексте истории якутской драматургии в целом (А.А.Билюкина), в аспекте проблемы межлитературных связей (Г.С.Сыромятников, В.Т.Петров, З.К.Башарина, А.А.Бурцев), в очерках по истории литературы (1938, 1955, 1970, 1993, 2001, 2005 гг.). В указанных трудах комедии оцениваются как историко-литературный факт, анализ пьес в большинстве случаев носит идейно-тематический характер.

Руководствуясь принципами классификации С.Я.Гончаровой-Грабовской<sup>1</sup>, мы предлагаем следующие типологические ряды комедийных жанров. В якутской комедиографии традиционными жанровыми разновидностями стали *сатирическая и юмористическая комедии*. К сатирической комедии принято относить *комедию-памфлет*, к комедии юмористической направленности — *лирическую и народную комедии*. Народная (фольклорная, сказочная, комедия-лубок) комедия как отдельная разновидность выделяется многими исследователями (В.Фролов, Л.Малинина, С.Гончарова-Грабовская и др.). Под комедией, названной нами народной, подразумевается авторская комедия, созданная на основе фольклорных, народных произведений комического плана. Жанрообразующим признаком в ней является амбивалентный смех, близкий к юмористическому мироощущению, что позволяет отнести ее к юмористической, а не к сатирической комедии. Необходимо отдельно выделить и *ироническую комедию*, жанровой доминантой которой является вид комического — ирония. К комедии относятся и синтетические жанровые образования — *трагикомедия и драмокомедия*, основу которых составляет комическое смешанного типа. Следует также иметь в виду взаимодействие,

взаимопроникновение данных жанровых разновидностей.

Комедия — жанр с многовековой историей и «сложной, противоречивой судьбой»<sup>2</sup>, воспринимает многосложный мир через призму комического (юмора, сатиры, иронии). Жанрообразующим фактором выступает именно вид комического, обуславливая содержание конфликта, способ его художественной реализации, характеры персонажей<sup>3</sup>.

Развитие якутской комедии определяется как социально-политическими и духовными процессами общества, так и имманентными свойствами самого жанра. Оперативно реагируя на все процессы, происходящие как в литературной, так и в общественной жизни, комедия демонстрирует жанровую эволюцию от «чистого» жанра — к смешанному, от традиционных форм — к нетрадиционным.

Социокультурная ситуация 20-х гг. XX в. выдвинула на первый план сатирическую комедию с ее общественным, аналитическим началом. Социальные и духовно-нравственные противоречия переломной эпохи начала XX в. нашли художественное воплощение в комедиях основоположников якутской литературы А.И.Софронова, Н.Д.Неустроева, Д.К.Сивцева—Суоруна Омоллоона.

В данной разновидности комедии жанровой доминантой выступает сатира, обусловленная авторской оценкой (негативно-оценочной, «неприятием», «отчуждением»), выражающаяся в типе конфликта и его реализации, в характере смеха («злой», «негодующий»). Народный юмор, проявляясь в интонационно-речевой организации пьес, придает им особую тональность.

В якутской сатирической комедии 20-х гг. соблюдаются жанровые каноны классической комедии: построение конфликта между сатирическими персонажами, отсутствие положительных героев («Куһаҕан тыын» — «Злой дух» Н.Неустроева), эпизодичность их участия («Кукаакы Кулуба» — «Голова Сойка», «Тар» — «Простокваша», «Тиэтэйбит» — «Поспешивший» Н.Неустроева) или их резонанс («Нууччатымсыйбыт» — «Обрусевший» А.Софронова, «Голова Сойка» Н.Неустроева, «Күөх Көппө» — «Лентяй» Суоруна Омоллоона). Следуя традициям классики, драматурги создают яркие сатирические характеры: руководителя-карьериста и его окружения, афери-

ста, скупого, лентяя. Несмотря на разоблачение, сатирический герой рассматриваемого периода сохраняет статичность. Разрешение, снятие конфликта выходит за рамки сюжета, обуславливая открытый финал пьес. В изображении героя авторы допускают художественное преувеличение, гротеск, карикатуру, раскрывая его комедийную сущность. При этом персонаж остается предельно «жизнеподобным».

В якутской драматургии начала 50-х гг. наблюдается активизация собственно драмы, юмористической (лирической) комедии. Но современное прочтение пьес, написанных во второй половине XX в., позволяет выделить среди них и произведения с элементами сатиры, например: «Чуумпу кытыл» («Тихий берег») С.Ефремова, «Баллылар» («Соседи») Л.Габышева и Н.Якутского, «Киһини туох киэргэтэрэ» («Что украшает человека») Суорун Омоллоона. Отмечая несомненный талант драматургов, необходимо признать, что традиции якутской комедиографии начала века не нашли должного продолжения в их творчестве. Это обусловлено воздействием так называемой «теории бесконфликтности», наложившей негласный запрет на сатирическое изображение действительности. В период расцвета «теории бесконфликтности» само понятие сатиры, предполагающее остроту, резкость обличения и осуждения негативных жизненных явлений, теряло свое истинное значение.

Появление положительного героя привело к серьезной трансформации жанровой структуры сатирической комедии. Известно, что в сатирической комедии организует сюжет и динамизирует действие не положительный, а отрицательный (сатирический) персонаж. Способ построения конфликтной ситуации в пьесах как прямого противостояния двух основных персонажей – новатора и консерватора – не мог в полной мере передать комизм жизненных противоречий. Изначальная заданность подавляющего превосходства положительных героев над отрицательными, односторонность, декларативность персонажей не только снижали художественно-эстетический уровень пьес, но и способствовали утрате главных жанровых признаков: пафоса обличения, осмеяния. Кроме того, в пьесах не хватает самого главного – комедийности конфликта, раскры-

вающей характеры осмеиваемых персонажей. Комизм выражается в искусственно построенных ситуациях, в отдельных репликах героев. А ведь назначение комедии – изображать конфликты жизни в комической, смеховой форме.

Модифицируется и тип сатирического персонажа: в финале его статичность сменяется эволюцией, происходит нравственное перерождение героя. Изменение соотношения исходной ситуации и развязки конфликта, благополучный финал приводят к трансформации жанровой структуры сатирической комедии, и как следствие – к появлению пьес с жанровой неопределенностью, пьес с явно выраженным критическим, но не сатирическим началом («Что украшает человека» С.Омоллоона).

Современная сатирическая комедия творчески использует структуру классической комедии, наполняя ее новым содержанием. Принципиально важным в комедиях «Иннэ үүтүнэн» («Сквозь игольное ушко») И.М.Гоголева, «Өлөрүү» («Убийство») П.Н.Тобурокова явилось создание подлинно комедийных конфликтов и ситуаций. В пьесах конфликт основан на столкновении сатирических персонажей (руководитель и его окружение), сохраняется статичность осмеиваемых героев, эпизодичность положительного героя, наблюдается «варьирование» исходной ситуации: острота проблемы не снимается, оставляя открытым финал. В качестве средства сатирической типизации драматургами умело используются гротеск, гиперболы.

Новым в современной сатирической комедии явилось создание комедии-памфлета И.М.Гоголева «Сындыр-мындыр» («Хитрый-ловкий»). Обличая политическую ситуацию тоталитарного и застойного времен, автор активно использует приемы алогизма, абсурда, шаржа и карикатуры. В пьесе И.Гоголева наблюдается жанровый синтез – в данном случае проникновение в сатирическую комедию элементов юмористического жанра (доминанта комического, авторская позиция, тип персонажа, благополучный финал). К концу XX в. сатира в чистом виде почти не встречается, она начинает проникать в другие жанры: в юмористическую комедию, трагикомедию, драмокомедию.

Итак, характер развития сатирической комедии может расцениваться как движение от чистоты жанра к его синтезу, к трансформации. Все это продиктовано, главным образом, особенностями жанровой доминанты – сатиры, которая в отличие от юмора в большей степени связана с социокультурной обстановкой.

Одним из основных жанров якутской комедии является *юмористическая комедия*, к которой относятся собственно юмористическая, народная, лирическая комедии. Юмор, в основе которого лежит пафос приятия мира, продиктованный авторской позицией (дружелюбный тон), обуславливает тип конфликта и персонажа, характер смеха (веселый, добрый), благополучный финал.

В отличие от критически направленной сатиры, юмор (так же, как и амбивалентный, празднично-свободный смех) ориентирован на общечеловеческие ценности, выражает приятие мира и способствует его единению<sup>4</sup>. А это значит, что юмор раскрывает несовершенство жизни, *забавляя и развлекая*, принимая мир таким, какой он есть – в вечной антитезе. Этим и определяется позиция автора, которая не осуждает своих героев, а смеется вместе с ними над их недостатками, над несовершенством жизни.

Доминирующим в юмористической комедии является бытовой конфликт, который основан на противоречиях, возникающих в повседневной жизни: во взаимоотношениях в семье («Ырыкыныап ыспатыгар» – «В избе Рыкунова» Суоруна Омоллоона, «Лэкиэс» С.П.Ефремова, «Күнүү» – «Ревность» С.П.Ефремова, «Поликарп Патефонов» Н.Е.Мординова, «Сүллүүкүн баайа» – «Клад черта» И.А.Дмитриева), с соседями («Иччилээх түүл» – «Сон в руку», «Абааһылаах кылаат» – «Клад с привидениями» И.М.Гоголева). Объектом юмористической комедии могут выступать и социальные проблемы, в ее структуре могут фигурировать сатирические персонажи. Но жанрообразующим принципом в ней остается юмор, а не сатира («Ыраахтаабы ыйааба» – «Указ царя» П.А.Ойунского).

Комедийный сюжет зачастую организуется на приемах *qui pro quo*: недоразумения, переодевания, разыгрывания. Объектом авторского осмеяния выступают: герой-

чудак, сельские жители, «активный» герой, исходящие от архаического героя народной комедии.

Как отдельный жанровый тип нами выделяется народная комедия, в которой юмор сохраняет архаическую функцию созидания и единения, свою двойственность (сочетание восхваления и поношения) и синкретичность, заключая в себе все виды комического (обличительный смех в сочетании с возрождающим смехом радостного приятия мира).

Являясь своеобразной творческой обработкой древних языческих обрядов, посвященных духу деторождения Айыыһыт и духу охоты Байанаю, комедия П.Ойунского «Оҕоҕо баҕарбыт» («Захотевший ребенка») представляет ценный материал в исследовании обрядового, ритуального смеха у якутов. Юмор в комедии связан с архаичным, магическим смехом, способным вызвать жизнь, рождение. Игровое начало пьесы (песни, танцы-осуохай), приемы переодевания и разыгрывания обусловлены народной смеховой культурой.

Поэтика народной комедии ярко выражена в комедии-трилогии И.Гоголева «Наара Суох» (1965, 1987, 1988). Используя возможности народного смеха одновременно обличать и развлекать, драматург затрагивает общественно значимые, серьезные проблемы: выборы, гласность, демократию, кризис духовности, сохранение национальной культуры, языковую политику. Для комедии-трилогии И.М.Гоголева «Наара Суох» характерны занимательность сюжетных перипетий, аллегоричность, ироничность диалогов, умелое использование знаковых фокусов, что определяется как свойствами самого жанра, так и творческой индивидуальностью драматурга.

Социокультурный контекст 50-х гг. предопределил появление синтетического жанра – лирической комедии, жанровая структура которой соединяет в себе лирическое и комическое. В якутской комедиографии встречаются два типа лирической комедии. В первом типе корреляция комического и лирического сводится к доминанте комического («Үс хатын» – «Три березы» А.И.Федорова, «Хотугу сибэкки» – «Цветок Севера» И.М.Гоголева, «Долгунча» П.Н.Тобурокова). Во втором – комическое уступает место



лирическому, что приближает ее к лирической драме («Абааһылаах өтөх» — «Балаган с привидениями» И.М.Гоголева). В лирической комедии происходит соединение лирического и юмористического, лирического и сатирического («Три березы» А.И.Федорова), лирического и иронического («Балаган с привидениями» И.М.Гоголева), что позволяет говорить о подвижности жанровых границ.

Современная комедия, сохраняя жанровую чистоту, в то же время начинает утрачивать жанровую определенность, приобретая новые качества. В якутской современной комедиографии, наряду с комедией традиционного типа (И.М.Гоголев, Айсен Дойду), развивается комедия нетрадиционного типа, к которым можно отнести постмодернистские пьесы (С.Н.Ермолаев).

Наблюдается активизация жанра трагикомедии, в котором драматурги вскрывают экзистенциальные конфликты эпохи, исследуя нравственный распад, бездуховность, одиночество человека в современном мире. В якутской комедиографии следует выделить три структурных типа трагикомедии. В первом доминирует комическое («Эр дьону эмиэ харыстаан» — «Мужчин тоже берегите» И.Гоголева, «Куба — любовь моя!» С.Ермолаева), во втором — трагическое («Киргил маһы тонсуйар» — «Дятел долбит дерево»), в третьем — драматическое («Эйиэхэ сибэки биэрээри» — «Чтобы подарить тебе цветы» С.Ермолаева, «Бэйэ дьоно» — «Свои люди» Айсена Дойду), в четвертом — комическое и трагическое уравновешены («Абырах» — «Опохмелка» С.Ермолаева).

Как показывает анализ пьес, происходит нарушение стереотипов жанрового героя, комический герой приобретает черты драматического, трагического. Внимание к внутреннему миру неудовлетворенного человека с рефлексированием — асоциального героя («Опохмелка»), маленького человека («Куба — любовь моя!») — сближает современную комедию с психологической драмой. Драматурги в качестве трагикомического героя все чаще выбирают интеллигента («Мужчин тоже берегите»), состоявшегося человека («Дятел долбит дерево»), руководителя («Свои люди»).

Неразрешимые противоречия действительности предопределили открытый и тра-

гичный финал пьес. Присутствие в них знаковых фокусов, жаргонизмов, ненормативной лексики, просторечия — неотъемлемое свойство современной комедиографии. Новым в современной комедии явилось изменение роли ремарок. Использование в них восклицательных и вопросительных предложений, образных слов, междометий и частиц свидетельствует об эпизации драматического текста. Кроме того, неперевоаемые образные и звукоподражательные слова придают пьесам своеобразный национальный колорит (С.Н.Ермолаев, Айсен Дойду).

В комедиографии наблюдается усиление иронического начала с его неоднозначностью и противоречивостью. При этом современная реальность подается в гротескном, абсурдном виде. Так, художественная структура иронической комедии С.Н.Ермолаева «Освободите Луиса Корвалана!», в комической форме изображающей советское общество, основана на абсурдной ситуации и демонстрирует органичный синтез реального и ирреального. Ирония автора направлена не столько на героев, сколько на саму действительность.

В современной ситуации характерным является процесс драматизации комедии, что привело к образованию нового жанра, условно названного драмокомедией. В ней происходит корреляция составляющих жанровых основ — комедии и драмы. Драмокомедия «Эргиллии» («Возвращение») А.Д.Сивцева—Айсена Дойду представляет тот структурный тип, в котором комическое и драматическое уравновешены (комический герой, драматическая ситуация, благополучный финал). Художественная структура пьесы отличается многоплановостью сюжета (ретроспективные выходы в прошлое), поликонфликтностью, что является спецификой смешанного жанра, его драматической составляющей и индивидуальной особенностью драматурга-режиссера.

Таким образом, якутская комедия, выступая одним из значимых и активных жанров драматургии, демонстрирует мобильность и гибкость жанровых форм в соответствии с динамикой литературного процесса в целом и потребностями самой действительности. Все это обусловлено исторической изменчи-

востью комического мировосприятия. В современных комедиях, в отличие от предыдущих десятилетий, смех авторов направлен на изображение внутреннего мира героев, который находится в дисгармонии с окружающей действительностью. Все это приводит к расширению сферы комического, к изменению его природных качеств. В итоге появляется комическое смешанного типа, сочетающее в себе юмор, сатиру и иронию.

#### ЛИТЕРАТУРА

<sup>1</sup> Гончарова-Грабовская С.Я. Комедия в русской драматургии 1980–1990-х годов (жанровая динамика и типология). – Минск, 1999.

<sup>2</sup> Фролов В.В. Муза пламенной сатиры: очерки советской комедиографии (1918–1986). – М., 1988. – С. 8.

<sup>3</sup> Гончарова-Грабовская С.Я. Указ. соч. – С. 13.

<sup>4</sup> Выгон Н.С. Юмористическое мироощущение в русской прозе: проблемы генезиса и поэтики. – М., 2000. – С. 21.

*М.А. Kirillina*

### **The peculiarities of genre comedy of Yakut drama (typology, genre dynamic).**

This article analyzes the peculiarities of development of Yakut comedy, satirical, humorous, ironic comedies and, synthetic genres – tragicomedy and drama-comedy. The author considers such aspects of genre as construction of plot, distinctiveness of conflict, system of types, author's position. It is noted that the mobility of genre borders, the violation of genre forms make up a peculiarity of modern comedy description.

*Keywords:* comedy genre, Yakut drama, satire, humor, irony, tragicomedy, drama-comedy, genre synthesis, genre dynamic.

УДК 812.512.157–3

*Т.П. Самсонова*

### **Особенности воплощения военной темы в современной якутской прозе (в рассказах К.Эверстова)**

В статье представлено художественное осмысление темы Великой Отечественной войны в современной якутской прозе. В ходе анализа выявлены некоторые особенности её воплощения в рассказах молодого автора К.С. Эверстова. Материалы исследования свидетельствуют о нравственных проблемах современности, неразрывной связи поколений, памяти павших воинов-якутян.

*Ключевые слова:* военная тема, современная якутская проза, рассказ, композиционный прием, принцип антитезы, мотив сострадания, память, плен, подвиг, преемственность поколений.

Чем дальше фронтовой опыт грозных лет, тем больший интерес вызывает летопись его событий. В настоящее время в отечественном литературоведении, благодаря открытию доступа к засекреченным архивным материалам и их публикации, наметилась тенденция современного освещения темы Второй мировой войны, переосмысления ее начала, хода и завершения, а также отдельных ее проблем (Я.С.Духан, Л.И.Щелокова, Н.Н.Золототрубова и др.). Казалось бы, о

ней рассказано и написано все, но каждый раз находятся неизвестные детали, которые и становятся основой сюжетов художественных произведений. Возникает вопрос: будет ли дальше развиваться проза о войне? Уходят очевидцы войны – уйдет ли и «поэтика участника»?

Обращение к современной прозе о Великой Отечественной войне позволяет судить о развитии новых тенденций в освоении данной темы, в частности, осмыслении событий тех лет писателями-фронтовиками и писателями, на долю которых пришлось

© Т.П.Самсонова, 2011.

военное детство. И наконец, обозначился другой подход к теме – раздумья молодого поколения авторов о войне. В центре внимания современного писателя, – прежде всего, философия планетарного сохранения жизни, направленная на «глобальную эволюцию в культуре мышления», утверждение торжества человеческого разума во имя сохранения мира на земле. Отмечая смену поколений авторов, создающих произведения о войне, Я.С.Духан пишет: «История нашей литературы уже знает примеры, когда интересные книги о войне создавались авторами, в войне участия не принимавшими, но психологически пережившими тот материал, о котором писали. Книги последних десятилетий как раз и отличаются глубоким знанием и пониманием проблем военной эпохи»<sup>1</sup>. Все это подтверждает неограниченные возможности прозы в осмыслении и воплощении темы Великой Отечественной войны.

Проза о войне, пройдя через меняющиеся оценки военных событий, представляет собой сложное и многогранное явление. Нельзя рассматривать историю военной прозы только как историю эпических произведений. Если романы стремились объять, по возможности, более широкую панораму войны, воссоздать размах грандиозных событий, масштабность их изображения, то в малых жанрах прозы наметилась тенденция глубокого проникновения в духовный мир рядового участника войны, выявления нравственного потенциала личности, его поведения в критических ситуациях.

Что касается якутской литературы, то с собственной позицией в осмыслении трагических военных событий выступили якутские писатели: Н.Е.Мординов–Амма Аччыгыйа, Д.К.Сивцев–Суорун Омоллоон, А.П.Винокуров–Олбинский, С.П. и Софр.П. Даниловы, А.Д.Неустроева, Н.Г.Золотарев–Якутский, Т.Е.Сметанин, И.П.Никифоров, П.Д.Аввакумов, И.Г.Иванов–Нуолур, А.С.Бродников, И.А.Сысолятин, Г.И.Борисов и др. Следует отметить, что большинство якутян о существовании других стран не знало, их названия были для них непривычны и даже непонятны. Противоестественный, античеловеческий характер Великой Отечественной войны состоял уже в том, что началась она в самое неподходящее, горячее для колхозников время, нарушив привычный ход их жизни, а

главное – трудовой уклад. Поэтому существенное внимание якутских писателей тех лет уделялось психологической перестройке человека мирного труда, его адаптации к условиям и законам войны.

Новый всплеск интереса к военной теме в якутской литературе возник в 90-е гг. в связи с пересмотром отношения к истории вообще и к советской, в частности (П.Д.Аввакумов, И.Г.Иванов–Нуолур, А.С.Бродников, И.А.Сысолятин, Г.И.Борисов, Е.П.Неймохов и др.). Осмысление Великой Отечественной войны в современной якутской прозе в рамках одной статьи невозможно, поэтому мы обратимся лишь к некоторым особенностям её воплощения в рассказах молодого прозаика К.С.Эверстова в его первой книге «Марево любви» (1999)<sup>2</sup>. Автор, воспроизводя судьбу военного поколения, утверждает в своих рассказах мысль о том, что опыт человека, прошедшего через войну, неповторим и уникален. Связывая диалектически прошлое и настоящее, войну и современность, писатель удачно находит точку их соприкосновения, используя композиционный прием «рассказ в рассказе». События, впечатления его персонажей дают толчок к раздумьям, воспоминаниям – так организуется сюжет многих произведений К.Эверстова, утверждающих ценность человеческой жизни.

Малая проза как жанровая форма отражает умение автора наполнить предельно малый объем значительным содержанием, которое, подчиняясь требованиям формы, концентрируется, сгущается и уплотняется. В рассказе «Аттар ытыы тураллара» («Бывает, и лошади плачут») война показана на примере одного эпизода. В нем автор идет от частного к большему и серьезным обобщениям. Писатель убеждает нас в том, что война не проходит для фронтовика бесследно: она снова и снова дает о себе знать не только в ранениях, полученных на полях сражения, но и в воспоминаниях, будоражащих память. Усугубляет трагичность повествования и выстроенный по принципу антитезы сюжет произведения (противопоставление военного времени мирному, гармонии мира и красоты – разрушительной силе войны). Автор стремится провести мысль о том, что герой его рассказа, обреченный войной на необходимость убивать,

постоянно ощущающий возможность собственной смерти, сумел остаться человеком. Художественная сила рассказа проявляется в том, что это исповедь очевидца трагедии.

В следующем рассказе под названием «Арчылаа миигин, хомусчааным» («Храни меня, мой хомус») К.Эверстов, умело переплетая современную действительность (передаваемые по радио сводки о трагических событиях из Чечни) с военной эпохой (фильм о Великой Отечественной войне), сумел раскрыть суть разрушительной силы войны. Реально и ощутимо показанная ее батальная сторона, гибель молодых людей, не познавших жизнь, «разрушают» будничное настроение человека XXI в., пробуждая в современном читателе память о павших войнах и вызывая тревогу за будущее.

Неудивительно, что К. Эверстов, педагог по образованию, начал творческий путь с обращения к нравственным проблемам современности. Рассказ «Туески» — яркое тому свидетельство. История — это не только то, что произошло до нас, но и то, что есть в нас. Мы не видим в рассказе непосредственных боевых действий, в нем показана «война без войны». Автор воспел в образе матери, потерявшей в минувшей войне двух сыновей, величие скромного подвига, совершенного в обстоятельствах, когда определяющими для человека в его поступках являлись не высокие идеалы, а совесть, достоинство и понимание своего долга. Через циничное отношение некоторых представителей молодого поколения к памяти о павших показано отрицание нравственных ценностей. О жертвах той войны написано немало, но, «...кто разделит великих и невеликих, когда они еще пожить не успели. Может быть, самые великие... остались в эти годы на полях войны безымянно...»<sup>3</sup>.

Война для современного писателя К.Эверстова многолика и многоаспектна. «Нет ни одного человеческого качества, и хорошего и плохого, которое не обнаружилось бы на войне», — писал А.Чаковский<sup>4</sup>. «Окопная» правда о войне в его произведениях не только отражает ее событийную сторону, но и раскрывает такие аспекты солдатского бытия, как иноязычная среда, ностальгические мотивы, плен, его непредсказуемые последствия, которые с убедительной силой раскрыты молодым автором в рассказе

«Хомойо санаама, саллаат» («Не обижайся, солдат»). К.Эверстов с удивительной достоверностью показывает, что плен — это универсальная машина уничтожения человеческой личности, что он неизбежно ведет не только к физической, но и, прежде всего, к моральной гибели. Побег из плена героя рассказа равен преодолению смерти. Конон проходит через суровое испытание войной (пребывание в плену, насмешки врагов), которая определяет суть человека, его нравственные качества, где особое значение приобретает изображение процесса преодоления себя. И это ощущение полной реальности происходящего — одно из достоинств рассказа.

Мотив сострадания, пронизывающий рассказы К.Эверстова, заставляет современного читателя сопереживать событиям тех далеких 40-х гг. XX столетия. Так, в пронзительно грустном рассказе «Биһиги үһүө этибит...» («Нас было трое...») писатель, поднимая проблему памяти, прежде всего, пытается понять, осмыслить и проникнуть в глубь, в природу античеловечности фашизма, показать это так, чтобы подобное больше никогда не повторилось. Победа любой ценой — закон Отечественной войны. Но он бесчеловечен по отношению к гибели как героев рассказа, захороненных в братской могиле, так и их еще не родившегося ребенка. Героическое, особенно в условиях войны, очень часто связано с трагическим. Именно в трагической ситуации герой вынужден сделать выбор, принимая на себя ответственность за исход сражения. Автор не ограничивается локальными подробностями боя. Действие рассказа расширено до наших дней. В этом временном отрезке сосредоточились и историческая память, как неразрывная связь поколений, и героический стоицизм народа, победившего фашизм. Через материал войны писатель стремился показать величие подвига, совершенного ради продолжения жизни на земле.

Во всех рассказах автора, посвященных минувшей войне, внутренним композиционным центром выступает образ рассказчика. В одних случаях — это очевидец, летописец, объективно повествующий об увиденном, в других — персонаж, активно участвующий в движении сюжета каждого рассказа. Образ рассказчика становится стержнем развития

темы. На него «нанизываются» различные эпизоды из жизни героев, на нем как бы замыкаются нити всех судеб.

Таким образом, следует отметить, что современная якутская литература «новой волны», развивая художественные традиции литературы, решает, пожалуй, одну из важнейших задач: обратить внимание читателя не только на изменение каких-то реалий общественно-социального бытия, но и на глубинную трансформацию общечеловеческих нравственных ценностей и их возрождение. Рассказы К.Эверстова, касающиеся темы Великой Отечественной войны, – это новый взгляд, отличающийся от художественного осмысления действительности писателями-фронтовиками и теми писателями, на долю которых пришлось военное детство. Заслуга писателя заключается в том, что он не только отобрал наиболее интересный материал, но и умело владеет им: связывая войну и современность, автор удачно находит точки их соприкосновения. Героями его произведений становятся в основном рядовые участники событий, происходивших в стороне от главных действий, в районе маленьких, затерявшихся деревень, на бесчисленных дорогах великой войны. В центре

авторских раздумий – человеческая судьба, тесным образом связанная с размышлениями о войне, верность воинскому и гражданскому долгу. Рассказы К.Эверстова далеки от ложной патетики и показного пафоса в изображении войны: отсутствие вымышленных ситуаций и героев, а также высокая эмоциональная напряженность, искренность обуславливают интерес читателей, ищущих объективное описание военной эпохи. Молодой писатель, остро чувствующий болевые точки времени, озабочен современным состоянием нравственного климата на земле, поэтому считает целью своего творчества утверждение добра и мира, чувства ответственности за судьбу народа и человечества в целом.

#### ЛИТЕРАТУРА

<sup>1</sup> *Духан Я.С.* Трагедия и подвиг: Великая Отечественная война в прозе 60–90-х гг. – СПб., 1998. – С. 195.

<sup>2</sup> *Эверстов К.* Марево любви: Повесть, рассказы. – Якутск. Бичик, 1999. – 192 с.

<sup>3</sup> *Бакланов Г.Я.* Навеки – девятнадцатилетние. – М., 1986. – С. 38.

<sup>4</sup> *Чаковский А.* Документ, вымысел, образ // Вопросы литературы. – 1973. – № 8. – С. 124.

*T.P. Samsonova*

### **Peculiarities of military theme implementation in modern Yakut prose (in K. Everstov's stories)**

This paper presents the artistic interpretation of the Great Patriotic war theme in modern Yakut prose. The analysis revealed some peculiarities of military theme implementation in the stories of the young author K.S. Everstov. The materials of the investigation show moral problems of modernity, inseparable link between generations, memory of the fallen Yakut soldiers.

*Keywords:* military theme, modern Yakut prose, story, compositional method, the principle of antithesis, the motif of compassion, memory, captivity, feat, generation continuity



---

## ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

---

УДК 314.622.2(=512.212)(571.56—13)

С.М.Баишева

### **Эвенкийская семья в условиях промышленного освоения: результаты этносоциологического исследования в Южной Якутии \***

В статье приводятся основные результаты социологического опроса домохозяйств в двух национальных поселениях Южной Якутии, которые отражают мнение аборигенного населения по оценке потенциального воздействия строительства Канкунской ГЭС на исконную среду их обитания, перспективы развития традиционных отраслей Севера.

*Ключевые слова:* домохозяйство, исконная среда обитания, традиционный образ жизни, адаптация, промышленное освоение региона.

Сотрудники сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН для выполнения работ по оценке воздействия на окружающую среду строительства Канкунской ГЭС на р. Тимптон в рамках гранта РГНФ в составе экспедиции с 13 по 23 сентября 2010 г. обследовали районы непосредственного влияния будущего мегапроекта Южной Якутии на коренные малочисленные народы Севера (КМНС). Маршрут экспедиции пролегал по территории МО «Алданский улус» и «Нерюнгринский улус» с охватом Беллетского эвенкийского национального наслега (с. Хатыстыр) и сельского поселения «село Иенгра» – мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера (эвенков).

Методика данного исследования опиралась на материалы, разработанные в рамках фундаментальной научно-исследовательской работы, проводимой в РС(Я) на территориях

компактного проживания КМНС на протяжении последнего десятилетия.

В ходе экспедиции был собран материал, отражающий социально-экономические, демографические, этнополитические процессы в местах компактного проживания южных эвенков; проведёно анкетирование членов домохозяйств, имеющих отношение к ведению традиционных отраслей Севера; опрошены специалисты местных администраций, курирующие вопросы молодёжной политики. Фонд сектора пополнился данными районной (муниципальной) статистики, записями интервью с представителями родовых общин, материалами похозяйственных книг эвенкийских семей, фондовыми данными муниципальных структур, ответственных за социально-экономическое развитие мест компактного проживания аборигенов, фотодокументами.

Собранные фактические и эмпирические материалы позволяют оценить современное состояние социальных условий проживания и здоровья эвенков Южной Якутии – в зоне влияния водохранилища, нижнего бьефа и объектов будущего строительства Канкунской ГЭС.

Социально-экономическое положение эвенков рассмотрено нами по следующим

---

\* Исследование осуществлялось при финансовой поддержке РГНФ №10-03-79302а/Т в рамках научно-исследовательского проекта «Молодое поколение Южной Якутии в условиях нового промышленного освоения: социологический портрет».

компонентам: социодемографическая характеристика населения (численность и размещение коренных малочисленных народов Севера; социальная структура, занятость и образование населения; медицинское обслуживание и уровень заболеваемости; уровень и качество жизни населения); современное состояние традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера (земельные и природные ресурсы, домашнее оленеводство, охотничий промысел); законные гарантии прав коренных малочисленных народов Севера на ведение традиционного образа жизни и защиту исконной среды обитания. По результатам этносоциологического опроса населения выявлена оценка потенциального воздействия строительства Канкунской ГЭС на домохозяйства – родовые общины эвенков, изучено мнение аборигенов по поводу строительства промышленного объекта, дана комплексная оценка его воздействия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни малочисленных народов Севера. Кроме того, коллектив исследователей внёс предложения в программу мониторинга социальных условий проживания и здоровья населения при строительстве и эксплуатации (в том числе в период ввода) Канкунской ГЭС.

В распоряжение группы исследователей были предоставлены документальные источники за 2005–2010 гг., позволившие выявить ограниченный круг физических и юридических лиц, в компетенцию которых входят вопросы землепользования и выделения земель под промышленное производство, разработка планов социально-экономического развития, территориального планирования и прогнозирования.

Исследование проводилось при содействии администрации МО «Нерюнгринский район» (и.о. главы Д.К.Дьячковский), МО «Алданский район» (и.о. главы А.Г.Иванов) и глав наследных администраций (эвенкийских поселений: с. Иенгра – Ю.В.Юхновец, с. Хатыстыр – Д.Д.Марфусалов). Большую помощь в ходе этносоциологического опроса по домохозяйствам (родовым общинам) нам оказали председатель Ассоциации КМНС Алданского района С.В.Егорова, председатель правления Союза родовых кочевых общин «Орон» Нерюнгринского улуса РС(Я) А.З.Лебедев. Были использованы методы

интервьюирования, включённого наблюдения, проведена фотосъёмка для формирования текущего архивного фонда сектора; собраны материалы первичного статистического учёта, а также похозяйственных книг наслегов с выборкой эвенкийских семей, данные демографического учёта и социально-экономического состояния территории муниципалитетов. К большому сожалению, приходится констатировать, что на местах слабо организован учёт данных по родовым общинам – как особой статусной единицы ведения традиционных отраслей хозяйства.

Проживание в пределах исследуемого региона характеризуется наличием постоянно действующих факторов, существенно влияющих на процессы адаптации к суровым реалиям жизни в условиях нового промышленного освоения. Стремительные изменения в современном обществе способствовали возникновению сложных социальных и социально-политических процессов, которые оказывают интенсивное влияние на коренные этносы, в частности на эвенков.

Местные жители, по общепринятым представлениям, считаются хорошо адаптированными к социальной среде, в которой существуют веками. Однако, по нашим наблюдениям, они слабо ориентируются в современных рыночных условиях. Исследованиями подтверждено существенное влияние социально-политического устройства и социально-экономического развития региона на социодемографическую характеристику аборигенного населения, в том числе на показатели здоровья и уровня жизни.

Система мировоззрения, постоянное общение с природой помогают эвенкам выживать в суровых условиях тайги, дискомфорта национальных поселений. Вторжение же промышленности на территорию традиционного природопользования вынуждает аборигенное сообщество активизировать гражданскую позицию и учиться отстаивать свои права. Промышленное освоение региона служит для позитивно настроенных аборигенов определённой мотивацией в целях самореализации и самоутверждения личности, совершенствования образа жизни (социальной активности личности).

Исходя из принципиальных положений о роли домохозяйства в обеспечении социаль-

ного комфорта и социального оптимизма, все семьи по уровню социальной поддержки и удовлетворения жизнью различны.

Из интервью, взятых нами у аборигенов, стало ясно, что они заинтересованы в улучшении не только материального положения, но и социального статуса, а также в возможности самореализации. Повседневная жизнь в тайге требует от оленеводов, чумработниц, охотников не только физической выносливости, но и значительных материальных затрат. В жизнеобеспечении кочующей аборигенной семьи на первом месте находятся доходы от реализации продукции традиционных отраслей Севера, на втором – социальные трансферты (пенсии и пособия), которые поступают своевременно, и лишь на третьем – выплаты по линии федерального и республиканского бюджетов за работу в оленеводстве или охотничьем промысле. Жизненные перспективы старшее и среднее поколение аборигенов связывает с ведением традиционных отраслей хозяйства, в отличие от эвенкийской молодёжи, большинство которой не проявляет особого желания работать оленеводами, промысловиками, чумработницами. Имеющие доход выше прожиточного минимума оценивают своё будущее как позитивное, что подтверждает связь материального положения с восприятием жизненных перспектив.

В условиях вторжения промышленных организаций на исконные территории проживания аборигенов разрозненные, мелкие родовые общины не могут производить товарную продукцию в том объёме, который возможен, исходя из имеющихся материально-технических и трудовых ресурсов. Им приходится заниматься не только основной деятельностью – оленеводством и попутно добычей рыбы, охотничьим промыслом, сбором дикоросов, тратить время на многочисленные перекочёвки, нерациональную технику выпаса, но и отвлекаться от производственного процесса на всевозможные способы выживания (занятия), иногда на «обивание порогов» чиновников в поисках финансовых средств.

Жизнедеятельность родовых общин затруднена ввиду незнания аборигенами действующих законов по защите исконной среды обитания, основ рыночной экономики, совокупности социальных установок

личности. В этом плане перед аборигенной молодёжью стоят большие задачи по совершенствованию образовательного уровня с целью защиты исконной среды обитания коренных этносов в условиях промышленного вторжения на территории их традиционного природопользования. В создавшихся условиях востребованы профессии юристов, финансистов, экономистов со знанием специфики ведения традиционных отраслей, менеджеров и специалистов технического профиля.

В целом аборигенная семья по современным меркам живёт очень скромно, расходует и без того скудный семейный бюджет экономно, применяя традиционные навыки и умения на практике, добывая себе пропитание из окружающего природного (животного и растительного) мира, используя его рационально и бережно, соблюдая обычаи предков. В среднем в месяц более половины домохозяйств расходуют от 30 тыс. руб и выше. По нашим исследованиям, в с. Хатыстыр семьи более зажиточные и предприимчивые, нежели в с. Иенгра. Возможно, это обусловлено более ранним вторжением промышленности на их земли и соответственно влиянием на них приезжего населения, которое, не считаясь с мнением аборигенов, не соблюдая их обычаев и традиций, охотилось на зверя, ловило рыбу, большей частью ради спортивного интереса.

Согласно проведённому в двух национальных поселениях Южной Якутии социологическому опросу, на содержание одного эвенкийского домохозяйства ежемесячно расходуется 41,4 тыс. руб., или на одного аборигена – 8,3 тыс. руб. (одна эвенкийская семья региона в среднем состоит из 5 чел.). По нашим расчётам, расходы одного эвенкийского домохозяйства в месяц составляют приблизительно 50–60 тыс. руб., т.е. для выживания одного аборигена в условиях Южной Якутии необходимо минимум 10–12 тыс. руб. в месяц.

Социологический опрос показал, что респонденты заинтересованы в повышении материального уровня жизни аборигенной семьи. Органы местного самоуправления в районах проживания коренных малочисленных народов Севера РС (Я) настаивают на повышении размера заработной платы оленеводов. В данное время оленеводы полу-



чают официально 7600 руб. в месяц, что составляет 82,6% от уровня прожиточного минимума (9200 руб.) в республике. В связи с увеличением поголовья оленей в стадах на уровне регионального правительства рассматривается вопрос о том, чтобы пред-

усмотреть в бюджете средства на введение дополнительных штатных единиц оленеводов. Однако на местах работники традиционных отраслей Севера ограничены в источниках доходов и в возможности применения своего труда.

*S.M. Baisheva*

## **The Evenki family under the conditions of industrial development: The results of an ethno-sociological research in Southern Yakutia\***

The article gives the main results of a sociological survey of households in two national settlements of Southern Yakutia which reflect the opinion of the aboriginal population on the estimation of the potential impact of the building of Kankun hydroelectric station on their original habitat, prospects of development of traditional industries of the North.

*Keywords:* household, original habitat, traditional way of life, adaptation, industrial development of the region.

УДК 316.343.43(571.121)

*П.В.Сосин, Т.Н.Константинова*

## **Аборигенное сообщество Ямала: итоги экспедиционного исследования**

В статье приводятся материалы экспедиционного исследования состояния социальной инфраструктуры стационарных и мобильных поселений коренных народов Ямала.

*Ключевые слова:* кочевой образ жизни коренных малочисленных народов Севера, типы жилища, социальные нормативы, номенклатура объектов социальной инфраструктуры сельских поселений.

Современная этнополитическая ситуация в Сибири складывалась под влиянием определенных исторических, этнокультурных, социально-демографических и политических процессов, характерных для российских регионов. Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) является современной моделью активного промышленного освоения территории, на которой сохраняется традиционное природопользование, уклад и образ жизни аборигенного населения Севера<sup>1</sup>.

Территория ЯНАО составляет 750,3 тыс. км<sup>2</sup>, т.е. 52,3% территории Тюменской области. Средняя плотность населения – 7 человек на 10 км<sup>2</sup>. Население проживает в 7 городах, 9 рабочих поселках и 102 сельских населенных пунктах. Всего в округе проживает 504,7 тыс. чел., в том числе в городах и

рабочих поселках 416,9 чел. В сельской местности численность населения составляет 87,8 тыс. чел.<sup>2</sup>

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., на территории ЯНАО численность коренных малочисленных народов Севера составила всего 37287 чел., в том числе городское население 5654 чел. (15,2%) и сельское 31633 чел. (84,8%) В округе проживают всего 22 национальности из числа коренных малочисленных народов Севера. Из них ненцы составляют 26435 чел. (70,9%). Большинство ненцев – 22819 чел. (86,3%) проживают в сельской местности. Численность хантов – 8760 чел. (23,4% – среди КМНС), из них 1657 чел. – жители городов и рабочих поселков, остальные 7103 чел. – сельских поселений. Селькупов 1797 чел. (4,8%), из них 228 чел. – городские жители и 1569 чел. проживают в сельской местности. Численность

народа манси всего 172 чел., в том числе в городах и поселках округа 101 чел. и 71 чел. – жители села. Эвенков представляют 57 чел., из них в городских поселениях проживает 11 чел. и в сельских – 46. Эвенов 7 чел. (2 чел. – городские и 5 чел. – сельские жители). В целом, в ЯНАО проживает 15,3% представителей коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации.

Демографическая ситуация в ЯНАО начиная с конца 1990-х г. характеризуется благоприятными тенденциями: ростом рождаемости, уменьшением младенческой смертности. Средний возраст населения составляет 31,7 лет. Ожидаемая продолжительность жизни 71,5 лет, в том числе мужчин 69,2 и женщин 76,2 лет.

В традиционных отраслях северного хозяйства ЯНАО в 2001 г. было занято 3232 чел., в том числе оленеводов 1434 чел., рыбаков 1259 и охотников 539 чел. (таблица).

**Ежегодное распределение численности работников – представителей малочисленных народов Севера по отраслям, чел.\***

	1995	1997	1998	1999	2000	2001
Оленеводы	1558	1388	1502	1434	1475	1434
Рыбаки	1143	1003	1247	1306	1358	1259
Охотники	341	604	583	58	601	539
Итого...	3042	2995	3332	3323	3434	3232

\* Таблица составлена по данным Комитета госстатистики Ямало-Ненецкого автономного округа.

Из таблицы видно, что к 2001 г. численность оленеводов снизилась на 8,0%, а численность рыбаков и охотников увеличилась. В целом, по сравнению с 1995 г. в 2001 г. численность работников, занятых в традиционных отраслях северного хозяйства увеличилась на 6,2%. На снижение численности оленеводов влияет сокращение оленьих пастбищ, особенно за счет освоения газовых месторождений с выходом на левобережье р.Оби.

В ЯНАО 13283 чел. из числа коренных малочисленных народов Севера ведут кочевой образ жизни, в том числе мужчин 6911 чел. (52%) и женщин 6372 чел. (48,0%). Число лиц трудоспособного возраста 6184 чел., из которых мужчин 3243 чел. (52,4%) и женщин 2941 чел. (47,6%), из них обеспечены рабо-

той 2258 чел., в том числе мужчин 1418 чел. (62,8%) и женщин 840 чел. (37,2%).

Среди кочевого населения в трудоспособном возрасте и среди работающих членов семьи преобладают мужчины. Нетрудоспособное население составляет всего 7099 чел., или 53,4%. В 2002 г. валовый доход в среднем на одного члена семьи малочисленных народов Севера, по данным госстатистики, составил 1111 руб. Среднемесячная зарплата по округу составляла 6535 руб., в том числе у малочисленных народов Севера – 3353 руб. Семье оленевода государство дает ежемесячную денежную помощь в размере 300 руб.

Уровень жизни населения по обеспеченности жильем характеризуется следующими показателями: если средняя обеспеченность на одного человека в г.Салехарде составляет 22,2 м<sup>2</sup>, то в Приуральском и Ямальском районах – этот показатель в 2 раза ниже, чем в окружном центре. Жилфонд ЯНАО составляет 8807,9 тыс. м<sup>2</sup>, в том числе аварийное и ветхое жилье – 853 тыс. м<sup>2</sup> (9,7%). Город Салехард и подчиненные ему населенные пункты имеют жилфонд 778,0% тыс. м<sup>2</sup> общей площади, что составляет лишь 8,8% всего жилфонда округа. Благоустройство жилфонда округа на конец 2002 г., по данным окружного комитета госстатистики, показало (в %): обеспеченность водопроводом – 94,4, канализацией – 92,2, центральным отоплением – 97,2, газом – 48,9, ваннами (душем) – 89,5, горячим водоснабжением – 72,8 и напольными электроплитами 46,5. В г. Салехарде вдоль центральной улицы сносятся старые бараки 1960-х г. постройки и строят совершенно новые многоэтажные дома.

Приуральский район состоит из 6 сельских администраций, в том числе Байдарацкой сельской администрации, где три сельских поселения (Лаборовое, Щучье и Яроно).

В Байдарацкой сельской администрации в двух поселениях проживают 1282 чел., в д.Лаборовое – 570 чел. и д.Щучье – 712 жителей. Центр Приуральского района п.Аксарка находится в 52 км от г.Салехарда. От п.Аксарка до д.Лаборовое 160 км.

В Ямало-Ненецком автономном округе было проведено социологическое исследование по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное

взаимодействие в Евразии» №10104-71/-23/238-38/270605-079, проект «Общинные аборигенные сообщества: коллективные права и социальная инфраструктура их реализации» (научный руководитель: доктор социологических наук У.А.Винокурова. Исполнители: П.В.Сосин и Т.Н.Константинова).

Целью экспедиции в Ямало-Ненецкий автономный округ был сбор статистического материала по основным социально-экономическим характеристикам коренных малочисленных народов Севера, сравнительных данных по населению, занятости и труду, уровню жизни населения, социальной инфраструктуре городских и сельских поселений, исследование традиционного жилища, образа и уклада жизни аборигенного населения.

Из Якутска до Новосибирска вылетели 17 июля 2004 г. Из аэропорта «Толмачево» до аэропорта «Северный» добрались на маршрутном такси, автобусом и троллейбусом. На следующий день в 7 час. 35 мин. полетели в Салехард с посадкой в аэропорту г.Ноябрьска. В г.Салехард прилетели в воскресенье вечером. Экспедиционная работа началась со знакомства с администрацией ЯНАО. Оказалось, что депутаты Думы ЯНАО накануне разошлись на каникулы. В Департаменте администрации ЯНАО по делам коренных малочисленных народов Севера встретились с начальником Елескиным Валерием Федоровичем, рассказали о себе и целях командировки в округ. Он сообщил нам о предстоящей на днях II окружной этноэкологической экспедиции «Зов тундры», позвонил в Главное управление по молодежной политике и туризму (ГУМПиТ). После обеда встретились с сотрудниками ГУМПиТ А.В.Калуцкой, В.П.Груздевым и Г.К.Вальгамовой.

В ЯНАО разработаны окружная целевая программа «Молодежь Ямала 2004–2006 гг.» и подпрограмма «Социализация молодежи коренных малочисленных народов Севера: формирование национального кадрового резерва». Администрация округа и ассоциация «Ямал – потомкам» поддерживают стремление молодежи к познанию традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности хантов и ненцев. Поэтому

Главным управлением МПиТ ежегодно проводится окружная молодежная этнографическая экспедиция «Зов тундры»; ее цели:

- знакомство с бытом, обычаями и традициями коренных народов Ямала (ханты и ненцы);

- формирование навыков традиционных видов деятельности коренных малочисленных народов Севера, приобретение практических навыков по оленеводству;

- знакомство с новыми туристическими маршрутами на территориях проживания и хозяйственной деятельности коренных народов;

- пропаганда здорового образа жизни.

Задачи экспедиций:

- объединение молодежи из числа коренных малочисленных народов Ямала;

- восстановление разрушенных связей между городом и тундрой.

Вторая окружная экспедиция «Зов тундры» проходила по маршруту Салехард – Лаборовое – Ягно Пэ – Лабитнанги – Салехард с 21 по 30 июля 2004 г. Всего в экспедиции участвовало 17 чел., в том числе 15 чел. в основном молодежь Ямала, и мы, научные сотрудники из Якутии. Возглавили экспедицию главный и ведущий специалисты ГУМПиТ ЯНАО В.П.Груздев – начальник и В.Г.Вальгамова – замначальника экспедиции, В.Л.Хоротетто – врач. Из участников этой экспедиции в первой экспедиции участвовали четверо: В.П.Груздев, В.Г.Вальгамова, М.Т.Серасхова и Л.В.Яптунай. Из 15 чел. участников второй экспедиции 6 чел. были из г.Салехарда, остальные – по одному представителю из городов Ямала: Муравленко, Ярсале, Тарк-Сале и Ноябрьска, поселков Аксарка, Анти-Паюта, Гыда и с.Овгорт. Социальное положение: студенты, молодые специалисты, преподаватели, госслужащие и научные сотрудники. Большинство от 18 до 34 лет. Самым старшим 60 и 64 года. Каждому члену экспедиции выдали новую куртку и брюки, сшитые в Санкт-Петербурге, рюкзак, синтетический коврик и спальный мешок, разложили по рюкзакам продукты питания. Продукты для населения уложили в картонные ящики и набрали еще книги на родных языках и кипу газет. Весь груз и членов экспедиции в начале должны были доставить вертолетом до фактории Лаборовое (в статсборнике означено как

деревня, но, по-видимому, когда-то называлась факторией).

Первый день экспедиция провела в ожидании летной погоды в аэропорту г.Салехарда до 15 часов, потом пошли отдыхать на лыжную базу налегке, пешком, взяв с собой спальные мешки и необходимое количество продуктов. Аэровокзал г.Салехарда современный, внутри оформлен детскими рисунками, посередине находится фонтан.

На второй день синоптики из Республики Коми дали «добро», метеостанции на территории ЯНАО были закрыты с переходом на рыночные отношения. Улетели в 11 часов местного времени и через час прилетели в факторию Лаборовое. Недалеко от вертолетной площадки, у озера, поставили палатки и один чум, где собирались на ужин. На другом берегу озера расположилось стойбище ненцев – коренных жителей Ямала, с которыми состоялось первое знакомство. На стойбище находилось 2 чума, в них жила молодая семья оленеводов-ненцев по фамилии Лаптандер, что по-ненецки означает житель тундры. В чуме были хозяйка с ребенком, ей 21 год, ребенку 3,5 месяца, хозяин отсутствовал. Он уехал за 200 км от стойбища к берегу Карского моря, недалеко от Байдарацкой губы, «каслать» (пасти) своих оленей. Эта семья имеет примерно 300 голов оленей. Нам сказали, что у коренного населения не принято называть точное количество оленей. На данной территории сохранились компоненты этнической кочевой культуры. Кочевая семья даже в поселениях живет в чумах. Внутренняя обстановка чума также не претерпела существенных изменений: посередине находится очаг, где готовят пищу и сушат рыбу, камусы, по необходимости одежду. С одной стороны очага – лежанка, с другой – маленький стол для обеда, напротив входа за очагом – шкаф с хозяйской утварью.

После возвращения на базу, вечером, состоялась встреча с Харючи Сергеем Николаевичем, председателем Государственной думы ЯНАО и его супругой Галиной Павловной – научной сотрудницей Научного центра гуманитарных исследований коренных малочисленных народов Севера ЯНАО и Неркачи Анной Павловной – главой фактории Лаборовое и известной ненецкой писательницей. В данном населенном пункте из

социальной инфраструктуры – администрация, малокомплектная школа для детей оленеводов и общеобразовательная начальная школа для оседлого населения.

На третий день посетили школу, где присутствовали С.Н.Харючи, А.П.Неркачи и члены экспедиции «Зов тундры». Нам показали все помещения школы. Все классы очень красиво оформлены рисунками и изделиями учащихся. Слушали интересную беседу об этновоспитании подрастающего поколения.

На четвертый день после завтрака все вещи и необходимые продукты уложили по рюкзакам. Часть продуктов оставили в чуме экспедиции. Почти к обеду на вездеходе добрались до ближайшего стойбища Тайбери. На указанном ими месте поставили свои палатки. Занимались своими делами и заготовкой топлива для костра.

На пятый день встретились со старшим Тайбери, Петром Васильевичем, и узнали, что сыновья «каслают» своих оленей на расстоянии 300 км от стойбища. К вечеру члены экспедиции пригласили всех на импровизированный концерт, а вечером – хозяйка к себе и угостила свежей рыбой. По рассказам информанта П.В.Тайбери 63 лет, за полвека в тундре резко сократилась численность уток и куропаток. Он считает, что куропатки погибли где-то по пути. По рассказам старшего поколения в начале XX в. весной люди не могли спокойно уснуть из-за шума, создаваемого перелетными птицами (караваны гусей, стаи журавлей и т.д.). Сейчас даже чирка увидеть и то редкость. Не поют, как раньше, жаворонки. Оскудела наша земля. Действительно, ядерные испытания 60-х гг. XX столетия оставили за собой неизгладимый след. В 2004–2005 гг. запретили лов рыбы в водоемах Архангельской области, на территории которой находится космодром Плесецк. Повсеместно наблюдаются последствия технологического развития в виде экологических бедствий.

Шестой день. Утром Светлана Ольховая из г.Ноябрьска приготовила торт, отметили день рождения Галины Константиновны Вальгамовой. П.В.Сосин на языке народа саха поздравил ее алгысом. В 12 часов тронулись в путь по тундре пешком в сторону ближайшего стойбища, расположенного в 15 км. Ребята шли легко, но П.В.Сосину, жителю

якутского аласа, идти по тундре было трудно: очень часто проваливался между кочек до колен. Через 3 км содержимое его рюкзака разделили между собой Денис и Илья Худи и Вера Ларровна.

Седьмой день. До обеда занимались анкетированием населения. После обеда показали концерт и провели собеседование с жителями стойбища.

Восьмой день. С утра ходили на гору. Местное название горы Ягно Пэ, что означает на ненецком языке отдельно стоящие горы (одна высотой 300, другая 700 м). На высоте чувствуется холодный ветерок со стороны Карского моря.

Девятый день. Шли пешком по тундре от стойбища Лаптандеров к фактории Лаборовое, куда пришли к 16 часам. В 23 часа показали наш последний концерт. Слушать его пришли из других стойбищ. После концерта ребята понесли продукты для жителей некоторых соседних стойбищ.

Десятый день. На вахтовке добрались до г.Лабитнанги и на пароме через р.Обь прибыли в г.Салехард.

Самым ценным было непосредственное общение с молодежью Ямала. Взаимный интерес к культуре каждого народа, взаимопомощь и понимание подружило всех членов экспедиции. Члены экспедиции выступили в прямом эфире по окружному телевидению и общались с журналистами. Вернувшись в Якутию, опубликовали об этой экспедиции статью в газете «Илкэн» (№8, август 2004 г.) и дали интервью газете «Киин куорат» (10.09.04 г., №36).

Результат экспедиции: провели социологическое исследование среди коренных жителей Ямала, собрали статистические материалы по основным социально-экономическим характеристикам коренных малочисленных народов Севера, в том числе по социальной инфраструктуре городских, сельских поселений, изучили кочевое жилище ненцев.

Социологические исследования были проведены в шести летних стойбищах, в семьях оленеводов Тайбери И.В., Тайбери Е.П., Лаптандер А.В., Ламдо Е.Н. и Окоэтэтэ С.В. По случайной выборке было опрошено 36 чел. из них 19 мужчин и 17 женщин. Применялись методы – интервью и анкетирование. Массовый сбор первичной информации осуществлялся

методом невключенного наблюдения непосредственно во время посещения летних стойбищ Байдарацкой тундры Заполярного Урала.

Результаты социологического опроса говорят о высоком уровне гражданской активности населения. Так, на вопрос, участвуете ли вы в общественной жизни поселка, ответы распределились следующим образом: из общего числа опрошенных 42,1% мужчин и 41,2% женщин ответили, что они ходят на собрания, причем 21,2% из них выступают по наиболее проблемным вопросам поселка. На вопрос, ходите ли вы на выборы местного самоуправления, утвердительно ответили 58,3% и отрицательно 38,7% респондента. Здесь интерес представляют отрицательные ответы мужчин (56,2%) и положительные ответы женщин (76,55%). Об активности населения говорит тот факт, что 41,6% состоят членами общественной организации (Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока).

Отношение населения к местному самоуправлению оказалось очень неоднозначным, о чем говорят ответы на вопрос, как относитесь к органам местного самоуправления. Большинство респондентов (61,2%) затруднились ответить, равнодушное отношение отметили 5,5%, отрицательное высказали 2,7% и положительное – 33,3% респондента.

Возможно, органы местного самоуправления не имеют поддержки населения, потому что оно не видит положительных изменений в своей жизни. Так, на вопрос, укажите на наиболее важные нерешенные проблемы вашего поселка, было отмечено следующее: маленькие пенсия и пособия, заработная плата, отсутствие жилья и ухудшение состояния пастбищ и охотничьих угодий, безработица.

На вопрос, укажите по значимости направления социально-экономического развития, были перечислены в приводимом порядке следующие: в первую очередь – государственная поддержка, возможность влиять на политику местного самоуправления, краевого органа и затем федеральной власти, возможность заработать самостоятельно на жизнь, самостоятельность родовых общин, развитие языка, бережное отноше-

ние к экологии и, в последнюю очередь, — развитие промышленности в регионе.

Как видно из опросов, коренное население здесь более активно и заинтересованно в работе общественных организаций и местного самоуправления, чем в других северных регионах. Возможно, это связано с тем, что в регионе созданы лучшие правовые условия для участия и представительства народа в законодательных и исполнительных органах власти, чем в других субъектах Российской Федерации.

Нам представляется, что ключевые политические, экономические и социальные проблемы коренного населения изучались и решались без постоянного комплексного подхода, при этом считалось возможным их решение в неопределенном будущем. Такой подход к освоению территорий северных регионов, населенных коренными малочисленными народами Севера, на наш взгляд, сопровождался следующими негативными явлениями:

— пренебрежительное отношение к циркумпольной культуре народов Севера, созданной многовековым опытом северян в экстремальных условиях высоких широт;

— при экстенсивном промышленном освоении территории произошло нарушение экологической устойчивости среды обитания

коренных малочисленных народов Севера и разрушение их уклада жизни;

— социально-политический эксперимент оставил коренное население без традиционного образа жизни и без прав на родовые земли.

В настоящее время изучение традиционных сельских поселений Севера осложнено рядом объективных причин. Дальнейшие полевые исследования должны выявить специфику переходных типов построек, так как изменения затронули архитектуру, материалы для обшивки домов, планировку и социальные назначения построек. Для развития мобильных (подвижных) поселений необходимы разработка и производство модулей помещений объектов социальной инфраструктуры кочевых (передвижных) поселений, решение проблемы надежного электро-, энергоснабжения поселений, создание современных комфортных условий (мобильное жилище с учетом образа жизни кочевого населения, надежное автономное энерго-снабжение, транспортные средства, спутниковая связь).

#### ЛИТЕРАТУРА

<sup>1</sup> Ямало-Ненецкий окружной статистический ежегодник. Официальное изд. 1995—2002 гг. — Салехард, 2004. — 451 с.

*P.V. Sosin, T.N. Konstantinova*

### **The aboriginal community of Yamal: Research results of the expedition**

The article describes the materials of an expedition investigating the state of the social infrastructure of stationary and mobile settlements of the indigenous peoples of Yamal.

*Keywords:* nomadic lifestyle of the indigenous peoples of the North, housing types, social norms, nomenclature of objects of social infrastructure of rural settlements.



## НАШИ ЮБИЛЯРЫ

---

### Анна Николаевна Мыреева (К 80-летию со дня рождения)

*В республике живет около 15 тысяч эвенков. По официальным данным родной язык знают лишь одиннадцать процентов, но, я думаю, что не более шести и только старики. Это моя боль, ведь когда умирает язык, умирает народ...*

*Родители мои были охотниками. Тогда, в начале 30-х годов, только начали организовывать артели. Мы обычно уезжали в тайгу, ставили рядом две палатки. В одной жил старый шаман, в другой – наша семья. Там я и родилась в декабре, в страшный мороз. В день моего рождения отцу посчастливилось добыть медведя, поэтому шаман благословил меня и сказал, что это – счастливая примета, и значит, я буду счастлива... Шаман оказался прав: я, правда, счастливая. Мне удалось всю жизнь заниматься любимым делом и помогать своему народу...*

*Из беседы с А.Н.Мыреевой  
«Дорогие мои эвенки».*

*Запись Марины Колбасиной.*

*Газета «Трибуна молодежи» от 15.08.1997 г.*



Мыреева Анна Николаевна – крупный ученый тунгусоманьчжуровед, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора эвенкийской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, лауреат премии «Звезда утренней зари» Депутатской ассамблеи малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Совета Федерации РФ, автор учебных пособий и хрестоматий на эвенкийском языке, переводчик учебников для национальных школ и классов, заслуженный учитель Республики Саха (Якутия), кавалер ордена Почета, знака отличия РС(Я) «Гражданская доблесть», многих высоких правительственных наград, заслуженный ветеран СО РАН, ветеран тыла и Великой Отечественной войны, ветеран труда, член

Высшего совета старейшин (Ытык Сүбэ) Республики Саха (Якутия).

Анна Николаевна родилась 22 декабря 1930 г. в верховьях рек Алдана и Амги на речке Гуянкит, по паспорту, в с.Буяга Алданского района республики, в семье потомственных охотников-эвенков. В 1955 г. с отличием окончила северное отделение ЛГПИ им. А.И.Герцена по специальности «русский язык и литература». Трудовую деятельность начала учительницей в средней школе пос. Чагда Алданского улуса РС(Я). Проработав учителем русского языка и литературы два года, А.Н.Мыреева по приглашению известного этнографа С.И.Николаева-Сомоготто с 1957 г. непрерывно работает в системе Якутского научного центра СО РАН, в Институте языка, литературы и истории (ныне ИГИиПМНС). Она и к.п.н. А.В.Романова заложили североведческое направление исследований этого академического института. Анна Николаевна является первым заведующим сектором северной филологии ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, проработала на этой ответственной должности 15 лет.

Кандидат филологических наук с 1970 г., имеет ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Языки народов СССР» (1982). А.Н.Мыреева – ведущий специалист в области лексикологии и диалектологии эвенкийского языка, известный не только в российском, но и мировом научном сообществе. За время работы А.Н.Мыреева выполнила поистине титаническую работу: осуществила более 30 фольклорно-лингвистических экспедиций, объездила и обошла пешком все места компактного проживания эвенков, начиная с Красноярского края и кончая островом Сахалин, с берегов Ледовитого океана до Внутренней Монголии КНР. Китайских сородичей посещала неоднократно в качестве гостя по их приглашению. За эти поездки собрала огромный массив уникального материала по языку, фольклору, этнографии эвенков. Этот факт Анна Николаевна считает самым большим достижением в своей деятельности.

Ей принадлежит свыше 30 научных работ, в том числе 6 крупных трудов монографического плана (3 из них в соавторстве с известным тунгусоведом А.В.Романовой). А.Н.Мыреевой составлена и издана первая книга «Эвенкийские героические сказания» 60-

томной академической издательской серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск, 1990), удостоенной Указом Президента РФ В.В.Путин от 8.09.02 г. Государственной премии РФ в области науки и техники. В 2004 г. в Сибирской издательской фирме «Наука» РАН ею издан академический «Эвенкийско-русский словарь» (около 30 000 слов). Это первый в истории тунгусоведения словарь, составленный носителем языка и культуры и включающий эвенкийскую литературную лексику языка эвенков всех регионов РФ и эвенков, проживающих в КНР.

А.Н.Мыреева ведет постоянную работу по подготовке высококвалифицированных кадров из числа народов Севера. Со дня основания до 2008 г. преподавала на кафедре северных языков филологического факультета Якутского госуниверситета им. М.К.Аммосова. Ведет большую популяризаторскую деятельность среди населения. Она автор многочисленных стихов и песен на эвенкийском языке, которые исполнялись со сцены многих театров. Принимает активное участие в работе радиостанции на языках народов Севера «Геван». На протяжении нескольких лет вела курсы эвенкийского языка для эвенков, проживающих в г.Якутске.

Она автор учебных пособий и хрестоматий на эвенкийском языке, переводчик учебников для национальных школ и классов с якутского и русского языков.

Этот свой дар она воплотила и в переводах Священного Писания, которые высоко оцениваются специалистами. Она сотрудничает с Московским филиалом единственного в мире Института перевода Библии, находящегося в Стокгольме. А.Н.Мыреева перевела на эвенкийский язык Евангелие Нового Завета, от Луки и Евангелие для детей. Она сумела передать Слово Божье на эвенкийском языке, убежденная, что благовест человек должен слышать на понятном родном языке. Кроме того, ею выпущены две книги – «Рассказы о Боге для детей эвенков», книга «Иисус – друг детей» с цветными иллюстрациями. Все эти книги Институту перевода Библии рассылаются бесплатно по местам проживания эвенков по всему миру. Поэтому можно сказать, что труды Анны Николаевны получили мировую



известность. Благодаря ее кропотливой работе мир узнал, соприкоснулся с духовным наследием эвенкийского народа. За эти труды А.Н.Мыреева награждена высшей женской наградой Русской православной церкви – орденом Святой Ольги и является единственной женщиной Северо-Восточного региона России, удостоенной этой высокой духовной награды.

Ею составлены «Русско-эвенкийский разговорник» (Якутск, 1992, 2009), буклет «Эвенки» (Якутск, 1995), «Эвенкийско-русский словарь для начинающих» (Якутск, 2000), сделаны переводы произведений А.С.Пушкина на эвенкийский язык, образцов эвенкийского фольклора на якутский и русский языки, изданные в России, Швеции, Германии, Италии. Вся научная и общественно-практическая деятельность А.Н.Мыреевой направлена на сохранение, возрождение, дальней-

шее развитие языка и культуры эвенкийского народа во взаимодействии с языками и культурами многонационального народа Республики Саха (Якутия). Свой юбилей Анна Николаевна встречает плодотворной научно-исследовательской работой, полной планов и замыслов. Справедлива поговорка, что счастливые часов не наблюдают. А люди, находящиеся на своем месте, не замечают, как быстро летят годы. Не заметила и Анна Николаевна, бодро и творчески встречающая свое 80-летие.

*Т.В.Аргунова,  
к.ф.н., ученый секретарь ИГиИПМНС СО РАН;  
З.Н.Васильева,  
заслуженный учитель РС(Я),  
отличник просвещения РФ.*

## **Гавриил Васильевич Попов**

(19.09.1930–04.03.2007)

(К 80-летию со дня рождения)



Кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры РС(Я), заслуженный ветеран СО АН СССР, почетный

гражданин Мегино-Кангаласского улуса, лауреат премии имени С.А.Новгородова (2006) Попов Гавриил Васильевич родился 19 сентября 1930 г. в Алтанском наслеге Мегино-Кангаласского района Якутской АССР в семье крестьянина-середняка. В семь лет оставшись круглым сиротой, очутился в интернате соседнего поселка Табага. Ряд лет в годы Великой Отечественной войны работал на колхозной свиноферме, молотобойцем у известного кузнеца Гоголева-Амынныкы. Позже его забрал к себе старший брат Василий, работавший учителем в Сунтарской средней школе. С детства Гавриил отличался сообразительностью, выказывая способности по всем школьным предметам и, постоянно самостоятельно тренируя память, добился замечательных успехов, чем продолжал удивлять окружающих до пожилого возраста. Видимо, именно поэтому после окончания Сунтарской средней школы его определили на поступление в Саратовскую разведшколу, запретив поступать на избранное им математическое отделение Якутского педагогического института, но затем было объявлено, что в Саратов

отправят лишь в следующем году. Гавриил поспешил в Якутск и, к его сожалению, опоздал к экзаменам на избранную дисциплину, пришлось поступить на якутское отделение, навсегда избрав, таким образом, жизненную стезю.

В 1955 г. окончил якутское отделение историко-филологического факультета Якутского государственного пединститута. В 1955–1972 гг. работал учителем якутского языка и литературы в школах Жиганского и Мегино-Кангаласского районов. Среди его бывших учеников М.Е.Николаев – первый Президент РС(Я), Р.М.Дмитриев – олимпийский чемпион по вольной борьбе, С.Н.Назаров – экс-министр внутренних дел РС(Я), И.Е.Алексеев-Хомус Уйбаан – доктор филологических наук, 11 кандидатов наук, много других достойных работников. Все ученики отзываются о Гаврииле Васильевиче с большой теплотой. В годы работы в школе успевал работать корреспондентом районной газеты, вел литературные кружки, открывал секции по вольной борьбе, тяжелой атлетике, вел кружок по туризму, занимавший на республиканских соревнованиях призовые места. Прекрасно стрелял из разных марок мелкокалиберных пистолетов и винтовок, не раз приглашался на соревнования по стрельбе республиканского уровня, но всегда отклонял предложения. Ведь все свободное время Г.В.Попов уделял семье и изысканиям по истории якутского языка и по древним связям якутов с другими народами – страстное увлечение, начавшееся еще на первом курсе пединститута. С тех пор начал собирать соответствующую литературу, вел переписку с известными отечественными и зарубежными тюркологами, монголистами, доставая порой обменным путем очень редкие иностранные издания или их фотокопии, выписывал периодические издания по этим и смежным темам.

В 1972 г. поступил на работу в Институт языка, литературы и истории СО АН СССР. Активно участвовал в создании трехмиллионной академической картотеки якутского языка, составил огромное количество словарных статей к «Большому толковому словарю якутского языка». Удивлял сотрудников сектора доскональным знанием произведений якутских писателей, безошибочно узнавая цитаты из них, указывая авторов,

название произведения, а порой и страницу книги, где необходимо искать что-то нужное. Помимо работы по составлению толкового словаря якутского языка, Г.В.Попов продолжал вести свои изыскания по этимологии якутского языка, значительно углубившись в тему. В 1983 г. в г. Алма-Ата успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование)». В своей диссертации Г.В.Попов разрешил проблему слов неизвестного происхождения, установленную в дореволюционное время «богатырем» тюркологии В.В.Радловым. Г.В.Поповым проанализировано около 6200 корневых и неразложимых основ якутского языка. Из ранее считавшихся исконными словами с корнями неизвестного происхождения он выявил много слов с тюркскими, монгольскими и тунгусоманьчжурскими параллелями. В итоге выяснилось, что в якутском языке исконных тюркских основ 58% лексики, 27% заимствования из монгольских языков, 9% заимствования из тунгусоманьчжурских языков, 1% древние опосредованные заимствования из других языков (китайский, персидский, санскритский, тибетский и др.). Следовательно, сейчас только 9% лексики якутского языка относятся пока к словам невыясненного происхождения. Примерно такое же количество корневых и неразложимых основ остаются словами неизвестного происхождения почти в любом другом языке. Таким образом, Г.В.Попов в сравнительно-историческое изучение лексики якутского языка внес свой весомый вклад.

Был одним из авторов-составителей «Краткого толкового словаря якутского языка» (1994, 2008, 2009). Из изданных и издаваемых томов фундаментального Большого толкового словаря якутского языка составил значительные части 2-го, 4-го, 5-го и 7-го томов – являлся одним из основных авторов-составителей. В последующих томах тоже имеется значительное количество словарных статей, составленных лично им. Является также автором этимологических справок всех изданных и последующих томов словаря.

В 2003 г. Г.В.Попов опубликовал первую часть «Этимологического словаря якутского языка (А – Дь)». В словаре обобщены

результаты многолетней работы автора в области сравнительно-исторических исследований корневой лексики якутского языка. Анализируются фонетические, словообразовательные и семантические аспекты, представлен краткий очерк этнической истории якутов. Словарь вызвал живой интерес у специалистов. В данное время его сын, ст. лаборант сектора лексикологии ИГИ СО РАН Владимир Гаврильевич Попов, продолжает начатую отцом актуальную тему для якутского языкознания, составление второй части «Этимологического словаря якутского языка». Есть надежда, что этот словарь будет составлен и опубликован в полном объеме именно в том виде, в каком его задумал Г.В.Попов.

Г.В.Попов знаком более широкой публике как известный краевед. О нем опубликована статья в издании «Краеведы Якутии». К числу его краеведческих работ относятся такие научно-популярные издания, как «Хантан хааннаахпытый?» (1994), «Манчаары Баһылай. Ырыалар-тойуктар» (1994), «Алтан, Моорук, Тарабай нэһилиэктэрин төрүттэрэ» (1998), «Дьүлэй Бүөкээн. Билбит-көрбүт. Чабырбахтар» (1999), «Саха өһүн-хоһоонноро. Якутские пословицы», (2005), «Кэрэхсиир киһи кэпсээннэрэ» (2005), «Сэһэн Боло. Саха төрүттэрэ уонна кыргыс үйэтэ» (2006) и другие. В книге «Василий Манчары. Песни-тойуки» Г.В.Попов впервые представил национального героя народа саха Василия Манчаары как первого известного поэта-импровизатора, имя и произведения которого точно установлены. В книге «Дюляй Бюкян. Складки об увиденном и услышанном» он впервые собрал все записанные и хранящиеся в архивах скороговорки Дюляй Бюкяна и издал с предисловием и комментариями. В книге «Истоки родословий» («Хантан хааннаахпытый?») впервые изучены родословные корни основоположников якутской литературы и народных писателей Якутии. Многие обращались к Гавриилу Васильевичу с просьбой отыскать их предков, что он во многих случаях и делал, просмотрев свои личные архивы, составленные в результате многолетнего и кропотливого изучения множества исторических документов и метрик в различных архивах республики и живого общения со старцами, помнящими еще те, старорежимные царские времена, и знающие множество фактов, передаваемых изустно испокон веков. Также Г.В.Попов

изыскивая неопубликованные труды известного собирателя фольклора Сэһэн Боло, приводя тексты в читабельный вид, опубликовал две его книги, сделав их доступными народу. Попов Г.В. – автор монографий, книг и учебных пособий и более 400 научных, научно-популярных и публицистических статей.

Гавриил Васильевич имел активную общественную позицию. Участвовал в переводе Конституции РС(Я) (член республиканской комиссии по переводу текста Конституции РС(Я) на якутский язык с 1992 г.), стоял у истоков возвращения Хангаласскому улусу его исторического названия, был инициатором увековечивания имени Алексея Елисеевича Кулаковского в названии одной из улиц Якутска. Прекрасно разбираясь во многих исторических событиях родного края, писал множество статей на исторические темы. Был консультантом по вопросам языка и истории у народных писателей Василия Яковлева-Далана (в период написания романа «Тыгын Дархан») и Николая Лугинова (в период написания романа «По велению Чингисхана»). Был на дружеской ноге и с другими народными писателями, более старшего поколения, такими как Күннүк Уурастыырап, Суорун Омоллоон, и другими. Пользовался неизменным авторитетом и признанием в их среде и вообще в широких массах как знаток языка, истории и культуры родного народа. Кто-то знал его по научным трудам, кто-то как специалиста по родословным, кто-то как историка-краеведа. Труды Г.В.Попова достаточно востребованы сегодняшними читателями, продолжение некоторых его изысканий ждут с нетерпением не только в пределах нашей республики.

Многолетняя научно-педагогическая и общественная деятельность отмечена правительственными наградами и медалями, в том числе «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Умер Г.В.Попов 4 марта 2007 г.

*Ф.Н.Дьячковский,  
к.ф.н., завсектором лексикологии  
ИГИиПМНС СО РАН,  
В.Г.Попов,  
ст. лаборант сектора лексикологии  
ИГИиПМНС СО РАН.*

## Егор Иннокентьевич Оконешников (К 80-летию со дня рождения)



Доктор филологических наук, заслуженный ветеран Сибирского отделения АН СССР, отличник народного просвещения РСФСР (1962), лауреат премии имени первого лингвиста-ученого, выдающегося просветителя С.А.Новгородова Егор Иннокентьевич Оконешников родился 1 сентября 1930 г. в Курбусахском наслеге Усть-Алданского района Якутской АССР в семье колхозников. Его детство прошло в годы огромных преобразований в жизни республики и тяжелых испытаний советского народа в Великой Отечественной войне. С десяти лет начал работать в колхозе наравне со взрослыми, в течение школьных лет во время летних каникул работал и на посевной, и на сенозаготовительных работах. В 1947 г. был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 1950 г. после окончания Мюрюнской средней школы Егор Иннокентьевич поступает в Якутский государственный педагогический институт.

Успешно окончив педагогический институт, Е.И.Оконешников в 1954–1964 гг. работал учителем якутского и русского языка, завучем средней школы, школьным инспек-

тором Усть-Алданского районного отдела народного образования, секретарем Якутского обкома профсоюза работников народного просвещения, высшей школы и научных учреждений.

В 1965 г. поступает на работу в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР на должность младшего научного сотрудника. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Э.К.Пекарский как лексикограф». В 1984–1991 гг. – заместитель директора по науке ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, с 1992 г. – старший научный сотрудник отдела терминологии и современных языковых проблем. В 2005 г. успешно защищает в стенах института докторскую диссертацию по теме «Лингвистические аспекты терминологии якутского языка». С 2006 г. – ведущий научный сотрудник отдела толкового словаря, с 2009 г. – старший научный сотрудник сектора лексикологии ИГиПМНС СО РАН.

Область научных исследований Е.И.Оконешникова – лексикология, лексикография и терминология якутского языка. Автор более 60 печатных работ, в их числе монографий: «Э.К.Пекарский как лексикограф» (Новосибирск, 1982), «Лингвистические аспекты терминологии языка саха» (Якутск, 2004); «Якутский феномен Эдуарда Карловича Пекарского» (Якутск, 2008); словарей: «Русско-якутский словарь общественно-политических терминов» (Якутск, 1989), «Русско-саха общественно-политический словарь» (Якутск 1998). Он один из составителей «Якутско-русского словаря» (М.: Советская энциклопедия, 1972), «Большого толкового словаря якутского языка». – Т. II, Т. VII (Новосибирск, 2004, 2010). Е.И.Оконешников – автор ряда научных статей, среди них: «О первом академическом выпуске «Словаря» Э.К.Пекарского» (Вопросы филологии. – Якутск. – 1970); «Заметки о трудных случаях перевода в «Якутско-русском словаре» (Сибирский тюркологический сборник. – Новосибирск: Наука, 1976. – С. 185–194); «Э.К.Пекарский – выдающийся лексикограф». (Сов. тюркология. – 1978. – № 5. – С. 44–54); «Особенности смысловой характеристики слов в «Словаре» Э.К.Пекарского» (Сб.: Тезисы докладов Все-

союзной тюркологической конференции. – Алма-Ата, 1976); «Русский язык в якутской лексикографической традиции» (Якутский язык: лексикология и лексикография: Сб. науч. тр. – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1989. – С. 51–63); «Почетный академик, член Польского востоковедческого общества Э.К.Пекарский – создатель «Словаря якутского языка» (на польском языке) (Материалы международной конференции. – Лодзь, 2001. – С. 147–153); «Жанровая типология национально-русских словарей арктических языков» (Наука и образование. 1996. – № 1. – С. 89–91); «Лексико-семантическое терминологическое образование в языке саха» (Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия). Актуальные проблемы. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 135–172); «Консубстанциональные протермины в «Якутско-немецком словаре» акад. О.Н. Бетлингга» (Наука и образование. – 2002); «К дискуссии о разграничении терминологии и номенклатуры» (С.А.Новгородов

и новое в якутском языкознании. – Якутск, 2003).

Е.И.Оконешников активно принимает участие в международных, всероссийских и республиканских научных конференциях, симпозиумах, руководит аспирантами, читал курс лекций по стилистике якутского языка студентам Якутского государственного университета имени М.К.Аммосова, принимал участие в мероприятиях Министерства культуры Республики Саха (Якутия) в городах Москва, Санкт-Петербург.

В настоящее время Е.И.Оконешников продолжает активно заниматься научной работой. У него много интересных творческих замыслов, и его богатый жизненный опыт и мудрые советы помогают становлению молодых ученых-якутоведов.

*Ф.Н.Дьячковский,  
к.ф.н., завсектором лексикологии  
ИГиЛПМНС СО РАН*

## **Роберт Ильич Донской** (К 75-летию со дня рождения)



«Традиционные отрасли коренных малочисленных народов Севера, представляя часть общественного производства, производят продукцию, поступающую на республи-

канский и международный рынки, способствуют более полной занятости коренного населения в общественном производстве.

Основными проблемами отраслей на современном этапе остаются отсталость материально-технической базы, недостаточное финансирование производства, нерешенность организационно-экономических вопросов производства, заготовок, переработки и сбыта продукции...» Это выдержки из пояснительной записки Роберта Ильича Донского к Президентской программе развития села. Известно, что данная программа предусматривала наряду с развитием сельского хозяйства и развитие оленеводства, промысловых отраслей Севера.

Донской Роберт Ильич родился 20 ноября 1935 г. Профессиональный путь после окончания Иркутского сельскохозяйственного института он начинал на Севере в 1960 г. с должности охотоведа-звероведа Жиганской сельскохозяйственной инспекции, затем совхоза «Жиганский».

После учёбы в очной аспирантуре он был зачислен на должность младшего научного

сотрудника отдела экономики Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР. Р.И.Донской на протяжении 22 лет, работая в отделе экономики, занимался разработкой научных проблем в сфере экономики сельского хозяйства, изучал быт и хозяйственную деятельность народов Севера. В системе Якутского научного центра проработал более 40 лет.

В июне 1976 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Пути развития и повышения экономической эффективности звероводства в совхозах Якутской АССР» по специальности «Экономика и организация сельского хозяйства» на специализированном учёном совете в Новосибирском государственном сельскохозяйственном институте и получил ученую степень кандидата экономических наук.

Р.И.Донской является известным в Республике Саха (Якутия) специалистом по экономике и организации традиционных отраслей хозяйства коренных малочисленных народов Севера, в том числе по охотничьему и рыбному промыслу.

Монография Р.И.Донского «Пути развития и повышения экономической эффективности звероводства в совхозах Якутии» получила в своё время высокую оценку среди специалистов-аграрников. Он является автором около 40 научных статей, соавтором трех концепций, в том числе «Концепции социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера РФ в XXI в.», трех государственных и целевых программ, в том числе «Программы социально-экономического и культурного развития арктических улусов РС(Я) до 2005 года» и др.

Наибольший интерес специалистов представляют работы последних лет, в которых Роберт Ильич Донской принимал непосредственное участие в качестве соавтора: «Коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях модернизации общества». (Новосибирск: Наука, 2005 (18,5 п.л.)); «Развитие коренных малочисленных народов РС(Я) до 2020 года. (Якутск: Изд-во ГУ РИМЦ, 2007 (9 п.л.)); «Схема развития и размещения производительных сил Республики Саха (Якутия) до 2020 года» (том 8. Развитие коренных малочисленных народов Севера), 2006; «Концепция развития северных аркти-

ческих улусов и мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)», 2007.

В 1991–1998 гг. Р.И.Донской занимался преподавательской деятельностью в Якутской государственной сельскохозяйственной академии, заведовал кафедрой экономики и организации сельскохозяйственного производства. За этот период при его непосредственном руководстве защитили дипломные работы более 20 выпускников академии, которые успешно трудятся в сфере агропромышленного производства республики.

Р.И.Донским подготовлены 2 методические разработки для студентов сельскохозяйственной академии по организации практики студентов и подготовке и завершению дипломных работ.

Р.И.Донской принимал активное участие в проведении международных, российских и региональных научно-практических конференций, семинаров, круглых столов. Выступал с докладами по проблемам правового регулирования природопользования коренных малочисленных народов Севера, охраны и рационального использования животных и растительных ресурсов, экологии, сельского хозяйства, охотничьего промысла Республики Саха (Якутия).

С марта 1997 г. юбиляр работает в Институте проблем малочисленных народов Севера СО РАН заместителем директора по науке, старшим научным сотрудником сектора экономики и традиционного природопользования, затем старшим научным сотрудником сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН.

Р.И.Донской – член диссертационного совета Якутской государственной сельскохозяйственной академии СО РАСХН и ученого совета Якутской государственной сельскохозяйственной академии.

Р.И.Донской – ветеран труда, заслуженный ветеран СО РАН.

Всю свою научную и научно-организационную деятельность Р.И.Донской посвятил вопросам регулирования социально-экономической политики государства в северных улусах и традиционных отраслях Севера, в которых заняты коренные малочисленные народы Севера Якутии.

Донской Р.И. – член правового центра по защите прав коренных малочисленных народов Севера при уполномоченном по правам

человека в РС(Я). В этом качестве он проводит научно-популярные лекции среди жителей муниципальных образований республики, участвует в мероприятиях разного уровня с сообщениями о роли государственных органов и правозащитных организаций в развитии института защиты прав коренных малочисленных народов Севера, по правовым проблемам регулирования традиционного природопользования в Республике Саха (Якутия).

Он выступает не только экспертом по вопросам сохранения и развития традиционных отраслей Севера, но и охотно делится своим богатым опытом исследователя с молодыми специалистами агропромышленного комплекса, молодёжью, интересующейся социально-экономическими проблемами аборигенного сообщества.

Р.И.Донской, патриот, болеющий за историческую судьбу малочисленных этносов, уделяет много времени вопросам защиты исконной среды обитания эвенков, сохранения и развития их традиционного образа жизни, хозяйствования, промыслов. Проводит консультации среди представителей родовых, родоплеменных кочевых общин Якутии по вопросам ведения традиционных

отраслей Севера в условиях реализации крупных мегапроектов на территории Якутии.

Изучив общественное мнение и исторический опыт, он считает, что государственные интересы в экономических и социальных взаимоотношениях с коренными этносами еще больше стали превалировать в годы перехода к рыночным отношениям, и проявляется это в особенности в сфере недропользования. Государству не удастся сформировать политику, направленную на социально-экономическую защиту прав аборигенного сообщества, что может привести к конфликтам и социальной напряженности в регионах нового промышленного освоения территории традиционного природопользования. По мнению нашего юбиляра, необходимо формирование активной социальной политики и утверждение адаптивной системы жизнеобеспечения коренного населения, что будет способствовать обеспечению устойчивого развития общества в целом.

Поздравляем нашего коллегу с юбилеем и желаем успехов во всех делах, доброго здоровья на долгие годы, семейного благополучия.

*С.М.Баишева, к.э.н., с.н.с. сектора этносоциологии ИГиИПМНС СО РАН*

## **Галина Ивановна Варламова** (К 60-летию со дня рождения)



Варламова Галина Ивановна, доктор филологических наук, ученый-фольклорист, эвенкийка, является крупным специалистом, внесшим существенный вклад в изучение фольклора и языка эвенков.

Родилась Г.И.Варламова 18 января 1951 г. в семье эвенка-оленевода в пос. Кукушка Амурской области Зейского района. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И.Герцена в 1974 г. По окончании института работала учителем русского языка и литературы в школах Якутии. С 1979 г. по 1990 г. — лаборант, младший научный сотрудник сектора северной филологии Института языка, литературы и истории СО АН СССР. С 1991 г. по 2003 г. — старший научный сотрудник Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН, с 2003 г. по настоящее

время — главный научный сотрудник. С 2008 г. — завсектором эвенкийской филологии ИГиИПМНС СО РАН.

В 1984 г. защитила кандидатскую диссертацию в г. Ленинграде по теме «Фразеологизмы в эвенкийском языке»; в 2002 г. — докторскую диссертацию по теме «Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора» в Институте монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН в г. Улан-Удэ.

Большая и разноплановая работа по организации и изданию многотомной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» объединила фольклористов, музыковедов, этнографов и лингвистов. «Сибирско-дальневосточная фольклористика постепенно заявляет о себе как о науке многонациональной, развивающейся в общесоюзном контексте» (Эвенкийские героические сказания, 1990. — С. 40).

В 1984–1989 гг. было осуществлено шесть комплексных фольклорных экспедиций, в составе одного из отрядов Г.И.Варламова в связи с подготовкой эвенкийских томов 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» приступила к сбору и изучению эвенкийского фольклора. Всего она осуществила более 40 научных экспедиций в различные места компактного проживания эвенков. Результат — ею подготовлен том «Обрядовая поэзия и песни эвенков».

Г.И.Варламова — автор 7 монографий, более 100 научных и научно-популярных статей, составитель 3 сборников эвенкийского фольклора. Ее монографические исследования: «Фразеологизмы в эвенкийском языке» (1986, Новосибирск, 6 п.л.); «Эпические традиции в эвенкийском фольклоре» (Якутск, 1995, 10,5 п.л.); «Эпические традиции в эвенкийском фольклоре. Научные очерки» (Якутск, 1996, 16, 8 усл. п.л.); «Эвенкийский нимгакан. Миф и героические сказания» (Якутск, 2000, 8,7 п.л.); «Тунгусский архаический эпос (эвенкийские и эвенские героические сказания)» (Якутск, 2001, 13 п.л.) в соавторстве с В. А. Роббеком; «Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора» (Новосибирск, 2002, 5 п.л.); «Мировоззрение эвенков. Отражение в фольклоре» (Новосибирск, 2004, 15 п.л.); «Сказания восточных эвенков» (Якутск: Издательство СО РАН, 2004, 13, 7 п.л.), «Типы героических сказаний эвенков» (Новосибирск: Наука, 2008), «Женская

исполнительская традиция эвенков (по эпическим и другим материалам фольклора)», т. 19 (Новосибирск: Наука, 2008). В соавторстве с языковедами подготовлен и издан «Словарь джелтулакского говора амурских эвенков» (Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009).

Г.И.Варламова принадлежит к узкому кругу ученых-североведов, работающих на стыке полидисциплинарных исследований, поэтому каждая ее книга является событием в профессиональной среде, задающим новые ориентиры и открывающим все новые грани в изучении фольклорного фонда эвенкийской культуры. Высокая лингвистическая, этнографическая и фольклористическая подготовка в лучших традициях петербургской (ленинградской) школы позволяет автору глубоко проникнуть в «многослойность» традиционной культуры и удачно синтезировать разные формы культурных явлений в оригинальную систему эвенкийского фольклора.

Фундаментальный характер научных работ Г.И.Варламовой определил широкое исследовательское поле: история, хозяйственно-культурные комплексы, этнография, язык, мифология, фольклор, ритуал, шаманство и т.д. Г.И.Варламова успешно разрабатывает жанровую парадигму фольклора эвенков, анализируя особенности сюжетных тем, поэтико-стилевые категории, формулы, мотивы на эвенкийском материале, она вносит существенные поправки и дополнения по частным аспектам мифологического эпоса народов Севера.

Несомненное достоинство научных исследований Г.И.Варламовой составляет уникальная эмпирическая база, впечатляет не только количество записанного ею в течение 30 лет полевого материала, но и его обширность. Полевые источники, на которых выстраивается концептуальная линия ученого, строго репрезентативны.

Высокий уровень исследования задан в работе личной причастностью автора к традиционной жизни изучаемого народа, именно эта сопричастность позволила описать не какой-нибудь вырванный из культурного контекста фрагмент эвенкийского фольклора, а систематизировать сложный комплекс разного рода жанров эвенков на фоне всей тунгусоманьчжурской культурной традиции. Г.И.Варламова расширила рамки фолькло-



ристики, обратившись к изучению обрядовой и мифологической стороны фольклорных текстов, к выяснению их происхождения, семантики и функционирования.

В работах глубоко отражена проблема мифопоэтического сознания архаичного общества. Представляют большой интерес теоретические экскурсы автора в область генетических исследований раннего эпоса. В теоретическом плане анализ эпической традиции эвенков имеет важное значение для реконструкции мифологической основы архаического мировоззрения народов Сибири. Сюжеты героических сказаний и исторических преданий вызывают особый интерес в контексте тюркомонгольских связей и параллелей.

Все монографии Г.И.Варламовой имеют оригинальный исследовательский стиль, во многом определяющий характер работы автора с фольклорно-этнографическим материалом и их интерпретацией.

Работы Г.И.Варламовой во многих аспектах пионерные, проделанный ею многоуровневый анализ эвенкийского фольклора открывает широкую перспективу в исследовании общей теории эпоса. Значение работ Г.И.Варламовой состоит в том, что они являются одной из редких попыток не только ретроспективно представить развитие эвенкийского фольклора, но и осмыслить фольклор эвенков в современном контексте как «живой» процесс со своей логикой глубинных смыслов и «движения текстов».

Г.И.Варламова известна не только в отечественном, но и в международном сообществе ученых, она активно участвует в международных конференциях, научно-исследовательских проектах по проблемам малочисленных народов Севера.

Г.И.Варламова активно сочетает интенсивную работу по научной проблематике с активной культурно-просветительской и педагогической деятельностью. Читала лекции по фольклору на кафедре северной филологии филологического факультета Якутского государственного университета им. М.К.Амосова и на факультете фольклора и этнокультуры Арктического государственного института культуры и искусств.

Г.И.Варламова вносит заметный вклад в подготовку научных кадров из числа представителей малочисленных народов Севера. Под ее научным руководством 5 аспирантов и соискателей разрабатывали кандидатские диссертации по фольклору эвенков, эвенов и юкагиров.

Следующим из направлений деятельности Г.И.Варламовой является научно-организаторская деятельность. Она была одним из основателей Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ныне ИГИиПМНС), в настоящее время – завсектором эвенкийской филологии.

За заслуги в области науки, литературы и социально-экономического развития республики Г.И.Варламова отмечена высокими наградами, в том числе медалью «Заслуженный ветеран СО РАН», многочисленными грамотами Правительства Республики Саха (Якутия), Президиума РАН, СО РАН, и ЯНЦ. В 2010 г. ей присуждено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ».

Г.И.Варламова – член Союза писателей СССР с 1989 г., в настоящее время член СП РФ, пишет под псевдонимом Галина Кэптукэ. Имеет опубликованные художественные произведения на эвенкийском и русском языках в Якутске, Красноярске, Москве. В 1999 г. Депутатской ассамблеей малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока ей присуждена премия «Звезда утренней зари» за книгу прозы «Маленькая Америка» (М., 1991г.)

Большое место в творческой деятельности Г.И.Варламовой (Кэптукэ) занимает художественно-публицистическая и переводческая работа. Отдельные произведения изданы за рубежом на немецком, испанском, итальянском, французском и японском языках.

Г.И.Варламова – инициатор и создатель эвенкийского культурно-этнографического комплекса «Бакалдын» близ г. Якутска, используемого как лаборатория, член Совета старейшин эвенкийской диаспоры г. Якутска, делегат трех съездов эвенков.

*Т.Е.Андреева, к.ф.н. замдиректора  
ИГИиПМНС.*



---

## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

---

*Т.В.Аргунова*

### Юбилей гуманитарной науки в Якутии

Первое научно-исследовательское учреждение Якутии основано 17 сентября 1935 г. как Научно-исследовательский институт языка и культуры при Совете народных комиссаров ЯАССР. В 1944 г. переименовано в Институт языка, литературы и истории, в 1947 институт был передан в систему Академии наук СССР. В 1992 г. на базе сектора северной филологии ИЯЛИ ЯНЦ СО РАН и отдела социально-экономических проблем малочисленных народов Севера Института экономики комплексного освоения природных ресурсов Севера ЯНЦ СО РАН был создан Институт проблем малочисленных народов Севера (ИПМНС), включенный в состав Сибирского отделения РАН. В 1994 г. ИЯЛИ вошел в состав Академии наук РС(Я) и переименован в Институт гуманитарных исследований, с 2008 г. путем слияния этого института и ИПМНС СО РАН образован Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН – правопреемник обоих научных учреждений.

Инициатором создания и первым директором института был видный государственный и общественный деятель, писатель-лингвист П.А.Ойунский. Главной заслугой нового научного коллектива стало планомерное развертывание систематизированного сбора памятников фольклора, благодаря чему удалось сохранить значительный массив олонхо, исторических преданий, песен и других видов устного народного творчества народов Якутии. Было много сделано в области изучения якутского языка и национальной культуры, внесен заметный вклад в составление программ, учебников, книг для чтения и хрестоматий по якутской литературе.

© Т.В.Аргунова, 2011.

Началось изучение исторического прошлого Якутии, приступила к работе Ленская археологическая экспедиция под руководством А.П.Окладникова. Первое поколение сотрудников института, претворяя в жизнь планы и замыслы П.А.Ойунского, заложило основы новой научной концепции языкового, культурного и исторического развития коренных народов Якутии в плодотворном взаимодействии с многонациональным населением республики.

За 75-летний путь развития в институте накоплен богатейший фонд фольклорных, лингвистических, исторических материалов. Нынешнее поколение сотрудников продолжает лучший опыт и традиции своих предшественников на уровне современных академических подходов. В настоящее время реорганизованный институт вышел на качественно новую стадию развития по всем направлениям своей деятельности. Рубежные даты призваны подводить итоги пройденного пути, определять вклад коллектива в социокультурное развитие региона, намечать новые задачи и перспективы дальнейшей деятельности научного учреждения. Во многом с этими целями 23–24 сентября 2010 г. проведены мероприятия, посвященные 75-летию со дня основания Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН. Эти мероприятия были утверждены Распоряжением Президента РС(Я) № 571 от 7 декабря 2009 г., в котором отмечался значительный вклад коллектива в научное, общественно-политическое и культурное развитие Республики Саха (Якутия).

23 сентября 2010 г. в г. Якутске состоялась Всероссийская научная сессия «Новые горизонты гуманитарной науки России: региональное измерение». Конференция

была организована по инициативе Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера при поддержке правительства Республики Саха (Якутия), Министерства науки и профессионального образования Республики Саха (Якутия), Академии наук Республики Саха (Якутия).

В работе научной сессии приняли участие специалисты разных областей гуманитарной науки: историки, языковеды, литературоведы, фольклористы, социологи и этнологи из научных учреждений республики и других регионов России (Новосибирск, Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, Анадырь, Благовещенск), а также заочно из США, Японии, Финляндии. На научной сессии было заслушано 65 докладов и сообщений, в том числе 5 на пленарном заседании. Доклад об актуальных проблемах изучения истории якутского языкознания представил доктор филологических наук, академик АН РС(Я), профессор Петр Алексеевич Слепцов. О достижениях и перспективах якутской тюркологии с большим знанием состояния дел в этой области исследований выступила заместитель директора по научной работе Института филологии СО РАН, доктор филологических наук Наталья Николаевна Широкова (г. Новосибирск). О новейших исследованиях в области изучения языков и литератур малочисленных народов Севера и Дальнего Востока доложил доктор филологических наук, заведующий отделом алтайских языков Института народов Севера РГПУ им. А.И.Герцена, профессор Александр Александрович Петров (г. Санкт-Петербург). Доклад о роли Якутского научного центра СО РАН в комплексном развитии производительных сил Северо-Востока России представила старший научный сотрудник Института истории СО РАН, кандидат исторических наук Наталья Александровна Куперштох (г.Новосибирск). Профессор Северо-Восточного федерального университета, доктор филологических наук Николай Николаевич Тобуроков выступил с докладом о роли ИЯЛИ в изучении классического наследия якутской литературы.

Во время работы четырех круглых столов были заслушаны и обсуждены 79 докладов, в которых рассматривались проблемы теоретико-методологических основ и практики

научного исследования разных гуманитарных направлений в их диахронии и синхронии, в сравнительно-типологическом и сравнительно-сопоставительном аспектах. Кроме того были представлены 58 стендовых сообщений. Доклады участников посвящены обсуждению актуальных проблем языкознания, фольклора, литературы, а также исторических, этнокультурных и этносоциальных исследований. В работе научной сессии приняли участие 142 специалиста.

В свете рассмотренных на сессии вопросов и проблем определен вклад научного коллектива Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в становление и развитие гуманитарной науки в республике в контексте российского и мирового научного процесса.

Доклады участников научной сессии свидетельствуют о расширении круга изучаемых проблем, о зарождении новых направлений, применении новых методов в изучении гуманитарных дисциплин российской науки.

Вместе с тем, доклады и сообщения выявили широкий спектр вопросов, требующих новых теоретико-методологических подходов в комплексном междисциплинарном исследовании актуальных проблем гуманитарной науки. Было отмечено, что в современной ситуации назрела реальная необходимость в расширении научных контактов и создании интеграционных проектов межрегионального и международного уровня.

24 сентября 2010 г. проведена презентация новых изданий Института: сводного диалектологического атласа якутского языка (автор д.ф.н. Иванов С.А.), томов Большого академического Толкового словаря якутского языка. Эти фундаментальные труды не без основания носят опережающий характер в сравнении с подобными трудами тюркоязычных республик. Большой толковый словарь якутского языка представляет собой новый тип национального словаря нормативно-регистрирующего типа. Изданием 2-й части «Диалектологического атласа якутского языка. Морфология и лексика» завершен сводный диалектологический атлас якутского языка, который представляет собой первый фундаментальный национальный свод диалектологического материала, зафиксированного на территории современной Республики Саха (Якутия). Работа может быть отнесена

к достижениям мирового уровня, поскольку к настоящему времени из современных тюркских языков атласы подобного уровня имеют только азербайджанский, башкирский и чувашский. По тюркским языкам Сибири диалектологические атласы не составлены. В юбилейном году ИГиИПМНС СО РАН учредил новый научный журнал «Северо-Восточный гуманитарный вестник» и представил на презентации первый номер журнала, а также электронный журнал «Языки и фольклор народов Сибири», зарегистрированный в Интернетресурсах.

Позднее отдельно была проведена презентация еще одного юбилейного издания — книги фундаментальных трудов крупнейшего исследователя истории освоения русским населением восточных территорий Российского государства, доктора исторических наук, профессора Ф.Г.Сафронова «История Северо-Восточной Азии. XVII — начало XX вв.», изданной в академической издательской серии «Избранные труды СО РАН».

Коллектив ИГиИПМНС СО РАН отдал дань памяти основателю института и первому директору: состоялась торжественная церемония возложения цветов к памятнику Платону Ойунскому, установленному к 110-летию со дня его рождения в 2003 г. на площади им. С.Орджоникидзе г.Якутска, с участием представителей Министерства науки и профессионального образования РС(Я) и администрации МО «Город Якутск». От имени ветеранов института слово было предоставлено Петру Алексеевичу Слепцову, от имени нового поколения сотрудников выступила председатель Совета молодых ученых и специалистов ИГиИПМНС СО РАН, кандидат политических наук Елена Гавриловна Маклашова.

В тот же день в здании академического государственного Русского театра им. А.С.Пушкина проведено торжественное собрание научной и творческой общественности республики, посвященное 75-летию института. В президиум собрания были приглашены заместитель Председателя Правительства РС(Я) Ф.В.Габышева, зампредела Государственного собрания (Ил Тумэн) РС(Я) А.В.Кривошапкин, депутат Государственной думы Федерального собрания РФ от РС(Я) Ю.А.Песковская, 1-й заместитель министра науки и профессионального образования РС(Я) С.И.Москвитин,

зампредела президиума ЯНЦ СО РАН А.М.Ишков, вице-президент АН РС(Я) А.И.Гоголев, директор ИГиИПМНС СО РАН А.Н.Алексеев, проректор Северо-Восточного федерального университета им. М.К.Аммосова А.А.Бурцев, советник АН РС(Я) В.Н.Иванов, замдиректора ИФЛ СО РАН Н.Н.Широбокова. Поздравив коллектив старейшего в Сибири научного учреждения от имени президента и правительства РС(Я), Ф.В.Габышева отметила большой вклад института в сохранение уникального фольклорного, языкового, этнографического наследия народов Якутии, распространение грамотности и письменности среди населения, создание словарей различного типа, книг серии «Саха боотурдара», книг по фольклору коренных народов Якутии в академической издательской серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», удостоенной Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники. Особо подчеркнула участие института в подготовке материалов Досье для представления Заявки якутского героического эпоса олонхо в ЮНЕСКО, провозгласившего олонхо шедевром устного и нематериального культурного наследия человечества, а также выразила признательность правительства республики специалистам института за активное участие в разработке нормативно-правовых актов в области государственной языковой и культурной политики.

За большой вклад в развитие науки, подготовку научных кадров, плодотворную научно-организационную работу, многолетний добросовестный труд и в связи с 75-летием института почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия)» присвоено Ефремову Николаю Николаевичу — доктору филологических наук, главному научному сотруднику сектора грамматики и диалектологии, Почетной грамотой Президента Республики Саха (Якутия) награждена Наталья Иннокентьевна Попова — кандидат филологических наук, заместитель директора института; знаком отличия РС(Я) «Гражданская доблесть» награждена Данара Антоновна Ширина — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора арктических исследований; Благодарственное письмо Вице-президента Республики Саха (Якутия) вручено Петру Алексеевичу Слепцову — доктору филологических наук, главному

научному сотруднику сектора лексикографии. Высоких наград удостоен целый ряд сотрудников: Благодарственным письмом РАН отмечены 12, Почетной грамотой СО РАН – 15 сотрудников.

В адрес ИГИиПМНС поступило много поздравлений от коллег из Якутии, России, зарубежья, организаций и ведомств, общественных объединений, творческих союзов,

глав улусов (районов) республики. Среди них теплые слова и пожелания академиков А.Л.Асеева, А.П.Деревянко, В.А.Тишкова, чл-корр. Б.В.Базарова, В.А.Виноградова, А.В.Дыбо, коллег из Тюркологического центра г.Майнц (Германия), Центра изучения Северо-Восточной Азии университета Тохоку (Япония), алтаистов Сегедского университета (Венгрия) и др.

*И.С.Астахова, Ж.В.Бурцева, Е.Г.Маклашова*

**Республиканская научная конференция  
с международным участием  
«Этнос: традиции и современность»**

**(для молодых ученых, аспирантов и соискателей)**

В рамках юбилейных мероприятий, посвященных 75-летию Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Совет молодых ученых и специалистов института 18 ноября 2010 г. провел Республиканскую научную конференцию с международным участием «*Этнос: традиции и современность*» (для молодых ученых, аспирантов и соискателей). Цель конференции — междисциплинарная интеграция исследований молодых ученых в области изучения проблем, связанных с понятием «этнос», и апробация результатов новейших исследований. Многогранность поднятой конференцией тематики объединила молодых исследователей в области истории и этнографии, литературоведения, фольклора и языков народов мира, социологии, политологии и права.

В конференции приняли участие как молодые ученые, аспиранты и соискатели научных, образовательных и культурных учреждений Республики Саха (Якутия), так и исследователи Республики Хакасия, Красноярского и Хабаровского краев, Самарской области, представившие стендовые доклады. Тематика конференции заинтересовала также и иностранных исследователей, в частности, непосредственное участие приняли ученые из Великобритании, Польши и Японии.

© И.С.Астахова, Ж.В.Бурцева,  
Е.Г.Маклашова, 2011.



Выступление Элеоноры Пирс, доктора антропологии, сотрудника Института социальной антропологии им. Макса Планка

Работа конференции была выстроена классически и прошла в три этапа: пленарное заседание, 3 параллельных секционных и заключительное пленарное заседания.

На пленарном заседании были заслушаны три доклада приглашенных, которые задали основной тон и настрой молодежной конференции. Пленарное заседание было открыто

докладом д. филос. н., профессора СВФУ им. М.К. Аммосова В.Д. Михайлова «Этничность: добро и зло в модернизации», которым выступающий стимулировал участников конференции к весьма не философским размышлениям над вопросом соотношения процессов развития, прогресса и сохранения национальной ментальности, этнических традиций. Этнографический аспект в изучении понятия «этнос» был поставлен в докладе д.и.н. Польской Академии наук М.Пендрацкого «Ритуальный комплекс воскресающего зверя у разных этносов Сибири», который вызвал большой интерес. Вопросы политологии, социологии и этнологии подняты в завершающем докладе доктора антропологии Института социальной антропологии им. Макса Планка Э. Пирс «Народное искусство и строение государств: роль современных понятий этничности в Республике Бурятия» как яркого примера комплексного исследования проблем этноса и этничности.

Заседание секции I «Актуальные вопросы в изучении этноса: история, политология, социология и право» прошло в составе 14 человек под руководством Михайлова В.Д., д.филос.н., профессора СВФУ им. М.К.Аммосова, Жегусова Ю.И., к.соц.н., н.с. ИГИИПМНС СО РАН, Маклашовой Е.Г., к.полит.н., н.с. ИГИИПМНС СО РАН, секретарь – Архипова А.И., ст. лаб. ИГИИПМНС СО РАН. На заседании были заслушаны и обсуждены 9 разноаспектных, актуальных и интереснейших докладов, а также представлены 12 стендовых докладов, в том числе доклады молодых коллег из Хабаровского края и Хакасии. Хронологические рамки докладов охватили четыре периода развития России: имперский, советский, постсоветский и современный. Спектр затронутых проблем также широк: от локальных проблем истории и современности Якутии до осмысления места и роли Якутии в имперской и современной России. Все доклады вызвали большой интерес и дискуссию. Заседание секции было открыто выступлениями-презентациями, касающимися особенностей этносоциального процесса в современной Якутии: «Значимость этнической идентичности и критерии самоидентификации в РС(Я) (по материалам социологического исследования)» – О.В. Осипова, «Отношение русской и якутской молодежи к проблеме пьянства и алкоголизма» – Ю.И.Жегусов.

Далее на заседании были подняты вопросы исторического, политического и социального развития национальных регионов – РС(Я) и Горного Алтая: выступления Н.Е.Голиковой «Женское либеральное движение в Якутии в начале XXв.» и В.Ф.Осипова «Повстанческое движение в Сибири в начале XXв.». Стратегии развития Якутии в имперской России отражены в докладе А.И.Архиповой «Якутская область в общеимперском пространстве (по материалам «Всепоподданнейших отчетов» губернаторов). Данные выступления стали апробацией результатов диссертационных исследований. История повседневности города Якутска, проблема её изучения и новизна подняты в докладе С.Г.Слепцова. Современный блок проблем открыт презентацией результатов включенного наблюдения Я.М.Санниковой «Традиционное хозяйство Горного Алтая в условиях адаптации к рыночным отношениям (наблюдения и размышления)». В заключение заслушаны и обсуждены доклады, касающиеся современного политического развития Якутии: Н.А.Слепцова «Актуальные проблемы становления местного самоуправления» и Е.Г.Маклашовой «Якутия в современной политической системе России: государственность и перспективы развития». На заседании участники отметили важность акцентирования внимания на этническом аспекте при изучении как исторических, так и современных проблем развития общества, значимости науки в сохранении и продвижении национальных традиций и культуры, этнической идентичности и самосознания, гражданской активности.

Работа второй секции конференции проходила в уютной и располагающей к дискуссии обстановке музея истории академической науки Якутии им. Г.П.Башарина. Руководили секцией II «Этническая культура: проблемы и перспективы» д.и.н. М.Пендрацкий и к.и.н., н.с. ИГИИПМНС СО РАН А.И.Саввинов, секретарь – Н.Т.Терентьева, ст. лаб. ИГИИПМНС СО РАН. Было заявлено 19 докладов, и только десять исследователей смогли принять непосредственное участие в работе секции. В первой части работы секции были заслушаны доклады по этнографии. Молодые сотрудники и аспиранты сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИИПМНС СО РАН познакомили со своими исследованиями в области этни-

ческой истории коренных народов Якутии, представив новейшие полевые материалы (Е.К.Алексеева, Г.Н.Варавина, Н.К.Данилова, М.В.Нестеров). Фольклорные традиции якутов были раскрыты в докладе Кузьминой А.А. «Предания о погребальных обрядах верхоянских якутов (по материалам А.А.Саввина)». Оживленную полемику вызвали доклады, посвященные традиционным верованиям и современной религиозной ситуации (И.С.Астахова, П.И.Корякин, В.Ф.Федорова). Исследователи использовали разнообразные методы изучения: скрытое и включенное наблюдение, анкетирование, интервьюирование, качественный и количественный анализ периодических источников. Большой интерес вызвал блок докладов по музееведению (И.Э.Васильев, Л.В.Горбатов, В.Е.Дьяконова и др.). В частности, Л.Б.Степанова, в.н.с. Национального художественного музея РС(Я), представила доклад «Интеллектуальный ландшафт музейного собирательства: исследователи, идеи, коллекции. 1865–1968 гг.», для написания данной работы были привлечены музейные собрания Санкт-Петербурга и Якутска, где сосредоточены якутские этнографические коллекции. Завершил работу секции любопытный доклад Н.Т.Терентьевой «Исторические сведения о народах, живущих к северу от Китая в китайском фольклоре», автор познакомил со своими исследованиями, проведенными в КНР.

В рамках обозначенной темы «Перспективные аспекты изучения языка, литературы и фольклора народов Сибири» участники третьей секции обсудили важные позитивные тенденции в развитии филологических исследований языка, литературы и фольклора народов Сибири. Руководители секции: д.ф.н. А.Н.Мыреева, к.ф.н. Ж.В.Бурцева, к.ф.н. М.А.Кириллина. В работе секции приняло участие 16 докладчиков, чьи выступления сопровождались живой дискуссией, размышлениями над постановкой актуальных неразработанных исследовательских задач. Значительное внимание в выступлениях уделялось анализу разных уровней якутского языка в контексте тюркских и восточных языков. Научные работы молодых ученых-языковедов (Н.А.Сивцева, Е.М.Самсонова, И.Б.Иванова, Е.С.Никонов, Т.И.Сосина, Е.Е.Сыромятникова, А.А.Кузьмина и др.) ведутся с учетом новых методов исследова-

ний и достижений в области фонетики, морфологии, лексикографии, лексической семантики якутского и тюркских языков, позволяющих разрабатывать оригинальные методики описания отдельных фрагментов якутской языковой системы. Кроме этого, участники секции обсудили общезыковые процессы, происходящие в Республике Саха (Якутия), национальную специфику речевого поведения и ценностные доминанты языкового сознания народов, проживающих на территории республики (М.Г.Дегтярева и др.).

В последнее время возрастает интерес к фольклору, эпическому наследию народов Сибири, в котором обнаруживается исконно национальное своеобразие народного словесного творчества, историчного мышления. Через пристальное внимание к прошлому, к эпическим и фольклорным источникам докладчики (А.Н.Данилова, Н.В.Павлова, Е.С.Куприянова и др.) попытались выявить актуальные проблемы исследования народного творчества, в его связи с современностью и с современным литературным движением.

Мысль о необходимости типологического подхода к изучению единого сибирского фольклорно-литературного полиэтнического пространства прозвучала также в выступлениях литературоведов (В.Д.Яковлева, С.Е.Ноева, М.А.Кириллина, Ж.В.Бурцева и др.). Разработка типологических методов становится особенно очевидной при постановке таких исследовательских задач, как сравнительное изучение литератур и языков, сопоставление искусства с нехудожественными формами духовной деятельности человека, диалектическая взаимосвязь традиционного и новаторского в фольклоре и литературе.

В рамках конференции по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН проведен семинар «Народы Сибири в условиях глобализации: национальные проекты» (руководитель семинара д.и.н. Е.Н.Романова), в работе которого приняли участие ученые из Бурятии, с Алтая, Чукотки. На семинаре обсуждались проблемы сохранения и перспективы развития традиционной этнической культуры в условиях глобализации. Основной акцент был сделан на презентации современных инновационных проектов в контексте культурного наследия народов Сибири.

На конференции научной библиотекой ИГиПМНС СО РАН была организована выставка изданий «Труды молодых ученых», на которой были представлены коллективные монографии, сборники научных статей, материалы конференций и т.д. Особо хотелось бы отметить новейшие авторские монографии молодых ученых института: Е.Г.Маклашовой (Государственная власть Якутии в условиях трансформации российской государственности. – Якутск, 2008), С.Е.Ноевой (Поэтика времени и пространства в романах И.М.Гоголева. – Новосибирск, 2009), В.Д.Яковлевой (Циклы лирических стихотворений в якутской поэзии: типология и поэтика. – Новосибирск, 2009).

В целом, конференция прошла успешно и плодотворно, молодые ученые не просто отразили свою точку зрения и результаты работы, но и в процессе непринужденной дискуссии, ознакомились с параллельными аспектами и методами изучения проблем этноса, увидели иные ракурсы изучаемых вопросов. Участниками конференции было подчеркнуто, что в современный период необходимость сохранения национальной культуры и традиций, комплексного изучения этнических процессов в условиях «открытости» общества становится неотъемлемой задачей общества и государства.



Участники конференции

Рекомендовано систематически проводить такого рода мероприятия для молодых исследователей, расширять комплексность изучения проблем, связанных с развитием этноса, инициировать работу по дальнейшему взаимодействию молодых ученых республики с зарубежными исследователями, а также издать сборник материалов научной конференции. В завершение участники единогласно приняли резолюцию Республиканской научной конференции с международным участием «*Этнос: традиции и современность*» (для молодых ученых, аспирантов и соискателей). С резолюцией и материалами конференции можно ознакомиться на сайте института [igi@ysn.ru](mailto:igi@ysn.ru).

*Н.И.Данилова*

## **Круглый стол, посвященный 100-летию со дня рождения Петра Петровича Барашкова**

Современный этап развития якутского языкознания характеризуется рядом крупных достижений, фундаментом которых послужили исследования предыдущих поколений ученых. Одним из крупных исследователей якутского языка, внесшим большой вклад в изучение его фонетики, диалектов и сыгравшим значительную роль в становлении и кодификации норм является П.П.Барашков. Он заслуженный работник культуры ЯАССР,

заслуженный ветеран СО АН СССР, участник Великой Отечественной войны. 22 октября 2010 г. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН провел круглый стол, посвященный его памяти.

В работе круглого стола приняли участие научные сотрудники ИГиПМНС СО РАН, преподаватели СВФУ и Института национальных школ, представители СМИ, родственники П.П.Барашкова. Заслушано всего 15 докладов и сообщений.

© Н.И.Данилова, 2011.



Выступающие осветили круг научных и прикладных проблем, связанных с научной и научно-методической деятельностью П.П.Барашкова: вопросы изучения фонетики, грамматики, диалектов якутского языка; вопросы орфографии, терминологии и лексикографии; вопросы преподавания якутского языка в школе и ВУЗе. Был особо отмечен боевой путь П.П.Барашкова. Собравшиеся также поделились воспоминаниями о совместной работе с П.П.Барашковым.

Заседание круглого стола открыл директор ИГИиПМНС СО РАН, д.и.н. профессор Н.А.Алексеев. Во вступительном слове он кратко охарактеризовал основные направления научной деятельности П.П.Барашкова, отметил его вклад в развитие якутского языкознания.

С приветствием в адрес сотрудников института и родственников выступил и.о. председателя президиума ЯНЦ СО РАН, д.э.н. А.А.Пахомов. Он отметил важную роль языковедческих исследований в развитии гуманитарных наук и общества в целом.

С основным докладом на тему «О жизни и научной деятельности П.П.Барашкова» выступил д.ф.н., с.н.с. ИГИиПМНС С.А.Иванов. Он осветил основные направления деятельности ученого и представил его как первого специалиста по фонетике якутского языка, как зачинателя лингвогеографического изучения диалектов, подчеркнул его роль в становлении норм литературного языка.

Большой интерес участников круглого стола вызвало выступление научного сотрудника музея истории академической науки Якутии им. Г.П.Башарина ИГИиПМНС СО РАН И.Э.Васильева, который по архивным документам осветил участие П.П.Барашкова в боях на Курско-Белгородской дуге в составе пулеметного расчета.

С проблемным докладом на тему «Орфография и идеология (из истории якутской орфографии 50-х годов XX века)» выступил д.ф.н., г.н.с. ИГИиПМНС П.А.Слепцов. Остановившись на истории разработки и становления норм правописания, он изложил свою точку зрения, согласно которой главное в орфографии — удобство и простота ее правил. Обсуждение вопросов орфографии было продолжено сообщением н. с. ИГИиПМНС Васильевой Н.М. на тему «Орфографический словарь якутского языка под авторством П.П.Барашкова (Якутск, 1956)».

В докладах д.ф.н., директора Института языков и культур народов Северо-Востока РФ, профессора СВФУ Филиппова Г.Г. «П.П.Барашков о долгом согласном в якутском языке», д.ф.н., профессора СВФУ Алексеева И.Е. «Фонетические особенности говоров якутского языка» и к.ф.н., завсектором лексикографии ИГИиПМНС В.Д.Монастырева «П.П.Барашков и классификация говоров якутского языка» был освещен вклад П.П.Барашкова в развитие якутской диалектологии и в изучение фонетического строя якутского языка.

Далее прозвучал ряд сообщений, посвященных прикладной деятельности П.П.Барашкова. Это сообщения к.ф.н., профессора СВФУ И.П.Винокурова «Терминологическая деятельность П.П.Барашкова», к.ф.н., н.с. ИГИиПМНС Васильевой Н.Н. «Словарь синонимов П.П.Барашкова», н.с. ИГИиПМНС Семеновой Е.С. «Словарь омонимов П.П.Барашкова». В них был дан анализ словарей, составленных П.П.Барашковым, высказаны мнения о дальнейшем пути развития соответствующих направлений якутского языкознания.

В выступлениях д.ф.н., г.н.с. ИГИиПМНС Ефремова Н.Н. «Изучение синтаксиса якутского языка в школе» и к.ф.н., с.н.с. Института национальных школ Н.И.Филипповой «Об учебниках П.П.Барашкова по якутскому языку» рассмотрены опыт и вопросы интеграции науки в процесс обучения школьников.

Своими воспоминаниями о совместной работе с П.П.Барашковым поделились сотрудники ИГИиПМНС к.ф.н. А.Н.Мыреева и к.ф.н. А.Г.Нелунов. В воспоминаниях было подчеркнуто, что он оставил благодарную память о себе как о добром коллеге, о большом ученом.

Завершил выступления на круглом столе сын П.П.Барашкова Петр Петрович, который познакомил собравшихся с семьей.

В рамках круглого стола музеем истории академической науки Якутии и библиотекой ИГИиПМНС были организованы выставки документов, наград и научных трудов П.П.Барашкова. Работа круглого стола получила освещение в передачах республиканского радио и телевидения.

В целом, нельзя не отметить высокий теоретический уровень выступлений, порадовал также неподдельный интерес молодого поколения исследователей к опыту старших.



## Сведения об авторах

- Андреева Тамара Егоровна* – канд. филол. наук, замдиректора ИГИиПМНС СО РАН.
- Антонов Егор Петрович* – канд. ист. наук, завсектором истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН.
- Аргунова Татьяна Васильевна* – канд. филол. наук, ученый секретарь ИГИиПМНС СО РАН.
- Астахова Ирина Сергеевна* – м.н.с. сектора арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН.
- Баишева Саргылана Макаровна* – канд. экон. наук, с.н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Бурцева Жанна Валерьевна* – канд. филол. наук, н.с. сектора литературоведения ИГИиПМНС СО РАН.
- Бурькин Алексей Алексеевич* – докт. филол. наук, г.н.с. Института лингвистических исследований РАН.
- Васильева Зоя Николаевна* – засл. учитель РС(Я), отличник просвещения РФ.
- Данилова Надежда Ивановна* – докт. филол. наук, завсектором грамматики и диалектологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Дьячковский Федор Николаевич* – канд. филол. наук, завсектором лексикологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Жукова Людмила Николаевна* – канд. ист. наук, с.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Иванов Спиридон Алексеевич* – докт. филол. наук, с.н.с. сектора грамматики и диалектологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Кириллина Мария Афанасьевна* – канд. филол. наук, н.с. сектора литературоведения ИГИиПМНС СО РАН.
- Константинова Татьяна Николаевна* – н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Корякина Зинаида Ивановна* – ст. преподаватель юридического факультета ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет».
- Курилова Самона Николаевна* – м.н.с. сектора палеоазиатской филологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Маклашова Елена Гаврильевна* – канд. полит. наук, н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Оконешников Егор Иннокентьевич* – докт. филол. наук, с.н.с. сектора лексикологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Павлов Афанасий Афанасьевич* – канд. ист. наук, н.с. сектора истории Якутии ИГИиПМНС СО РАН.
- Павлова Арзулана Акрамовна* – ст. преподаватель юридического факультета ЯГСХА.
- Попов Владимир Гаврильевич* – ст. лаборант сектора лексикологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Попова Наталья Иннокентьевна* – канд. филол. наук, замдиректора ИГИиПМНС СО РАН.
- Роббек Лия Витальевна* – канд. филол. наук, м.н.с. сектора лексикологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Романова Екатерина Назаровна* – докт. филол. наук, завсектором этнографии ИГИиПМНС СО РАН.
- Самсонова Тамара Петровна* – канд. филол. наук, с.н.с. сектора литературоведения ИГИиПМНС СО РАН.
- Сосин Платон Васильевич* – н.с. сектора этносоциологии ИГИиПМНС СО РАН.
- Ширина Данара Антоновна* – докт. ист. наук, г.н.с. сектора арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН.

## Правила оформления рукописей

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times Sakha или Times New Roman, размер — 14) с полями: снизу, сверху и слева — не менее 2 см, справа — не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 10—12 страниц, краткие сообщения — 3—6, хроника — 1—2 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Принимаются к печати статьи, содержащие не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения, а также статьи методического и хроникального характера, рецензии и др. в печатном и электронном виде. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Аннотация статьи на английском и русском языках (2 экземпляра). В конце аннотации — ключевые слова (не менее 10). Аннотация (Annotation) не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. Материалы в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Annotation» сначала дается слово «Annotation», затем инициалы и фамилия(и) автора(ов), название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через 1,5 интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подрисовочные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в виде верхней сноски (то же в списке).

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на дискете, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Дать файлу понятное название, указать на наклейке дискеты формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи **обязательно указать УДК.**

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 412. Тел. 35-43-40.

Электронный адрес редакции: [igi@ysn.ru](mailto:igi@ysn.ru)

Адрес редакции:  
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1.  
Институт гуманитарных исследований  
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН  
каб. 412 (тел. 35-43-40). Электронный адрес редакции: [igi@ysn.ru](mailto:igi@ysn.ru)

---

Подписано в печать 28.03.2011. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.  
Усл. п.л. 14,88. Уч.-изд. л. 15,6. Тираж 300. Заказ .

Отпечатано в ЦНТИ ИГиИПМНС с электронного макета  
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35-68-69.

---